



"Прекрасна и очень опасна"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Елена Арсеньева

Прекрасна и очень опасна

Кружится снег - зима пришла опять,

Закат в крови - и жизнь к закату мчится.

Теперь настало время вспоминать

Тебя, моя прекрасная волчица!

Из стихов Сергея Погодина

19 декабря 2002 года

Эти моральные уроды, конечно, опаздывали.

Как всегда.

Лида стояла у подъезда и, пряча лицо в воротник (мало мороза, который не унимался весь декабрь, - сегодня еще и задувало несусветно, причем с севера!), смотрела на хилую елочку, торчащую в сугробе. На ней вились две паутинки серебряного дождя, между иголками щедро набился снежок - видимо, елочка стояла тут всю ночь. Обычно такими повидавшими виды елочками бывают утыканы дворы после Нового года, Рождества и *старого Нового* года (чисто российская несурза, между прочим, ни в одной стране мира такой прелести нет, изучающие русский иностранцы в обморок падают, пытаясь постигнуть смысл этого языкового прибабаса, и остаются в уверенности, что, да, умом Россию не понять!). После всех этих отечалок и выносят вон из дому «виновниц торжества», от которых больше нет никакого проку - один мусор. Украшают елками, вернее, порыжевшими палками заваленные снегом песочницы, заметенные газоны и подходы к мусорным бакам. А тут кто-то отпраздновался больно рано - до Нового года еще бог знает сколько времени!

«Это по какому же календарю справляли? - лениво думала Лида, разглядывая елочку - очень хорошенькую, между прочим, свеженькую и зелененькую, такое впечатление, только что из леса - да-да, из настоящего леса, а не из питомника, где они соседствуют, словно сельди в бочке - впритык, не развернуться, не распушиться. Оттого елки на новогодних базарах и продаются как бы сплюснутые с двух сторон: сразу видно, росли в большом, дружном, тесном елочном интернате-питомнике! В отличие от этой равносторонней красоты. - По мусульманскому? Иудейскому? Нет, вряд ли! Может, по языческому? Хотя они вроде бы в сентябре гуляли, язычники-то? А день зимнего солнворота тоже еще только 23 декабря настанет...»

Хлопнула дверь за спиной. Лида оглянулась, но это были не Ванька с Валькой. Это вышла Женя Поливанова с третьего этажа: потащила своего Ларика в музыкалку. Вон и скрипочка зажата под мышкой у юного дарования.

- Мама! Елка! Мама! Елка! - завопил малолетний Илларион Поливанов. - Смотри! Давай заберем!

Женя посмотрела на Лиду, хихикнула и завела глаза, осуждая подрастающее поколение:

- Как это - заберем? Она ведь чужая!

- Не чужая, а ничья! - Ларик органически не был способен изъясняться не на повышенных тонах. Возможно, такова была реакция молодого, растущего организма на повышенную дозу скрипичного лиризма. - Она тут точно всю ночь простояла - видишь, вся в снегу? Наверное, она у кого-то лишняя была, вот ее и воткнули в сугроб! Чтобы кто-нибудь, у кого елочки нету, ее забрал. А у нас нету. Значит, мы можем ее забрать!

Лида с уважением поглядела на вертлявого шпингалета в овчинной ушанке. Вот голова! Вот логика! Право, у детей тоже есть чему поучиться. Ей-то, большой тетеньке, даже и в голову не пришло такое элементарное объяснение. На миг она пожалела, что не сама догадалась - елка ничья, что Ларик «первый заявил» (так, кажется, это называется на их особенном, детском языке?), а ведь у нее тоже нету елки... Но известно - кто не успел, тот опоздал. Да и зачем ей эта красота? Чтобы еще острее почувствовать свое неминуемое очередное новогоднее одиночество? Нет уж, поставишь искусственную, как обычно. Рядом с ней праздник не так остро ощущается - а значит, и праздничная хандра не столь мучительна. Так что пусть елка достанется Ларику. Это будет только справедливо.

- Ларик, ты что? Мы на урок опаздываем! Когда нам елки таскать туда-сюда? - возмутилась Женя. - К тому же это папина проблема - елочку купить.

- Зачем деньги зря тратить, если вот она уже здесь? - с той же поразительной логичностью возразил Ларик. - А папа, сама знаешь, дотянет до последнего, как в том году. И привезет вместо нормальной елки две общипанные палки! И ты снова будешь говорить, что ему ничего нельзя доверить!

Женя растерянно уставилась на соседку. Лида больше не могла сдерживаться - расхохоталась.

- Вот же зараза, а? - пробормотала Женя. - Слова сказать при нем нельзя - все на ус мотает! И это сейчас, в десять лет! А что дальше будет? Кем он станет, не понимаю?!

- Летчиком, - моментально сообщил Ларик.

- Да какой из тебя летчик? - хмыкнула мама. - Троечников в летчики не берут.

- Ладно, тогда вертолетчиком, - покладисто согласился Ларик. - Ну правда - хватит болтать, мама, а то и в самом деле на урок опоздаем! Бери елку, пошли!

Круглое, румяное, пухлощекое Женино лицо стало несчастным. И Лида ее понимала: лифт не работал. Тащить елку на себе на третий этаж... с Женькиными-то габаритами (пятьдесят четвертый размер!)... в Женькиной-то новехонькой норковой шубке до щиколотки...

Дверь снова хлопнула. Лида с надеждой оглянулась, но на крыльце никого не оказалось. Наверное, кто-то вошел в подъезд за их спинами. А Ваньки с Валькой и в помине нет. Заспались, что ли? Или забыли про тракт? [1] Черти, чтобы Лида еще раз с ними связалась... Опоздает точно! Главное, не убежишь без них: и дело не только в том, что Ванька с Валькой обещали подвезти ее до студии, но и в том, что без двух главных героев сегодняшнего выпуска «Деревеньки» делать на студии просто нечего. Придется сбегать за ними, за этими пакостниками.

Она подняла голову и сердито посмотрела на их окна на четвертом этаже. Вот так номер! На балконе точно такая же елочка торчит. Уж не Ванька ли с Валькой решили осчастливить соседей, купив нарочно или нечаянно лишнюю зеленую красотку?

Лиде они, во всяком случае, одновременно подложили две больших свиньи. Во-первых, надо идти их тормозить. Во-вторых, не миновать стать выручать соседку!

- Ладно, Женя, не мучайся, - сказала Лида. - Я отнесу. Мне все равно возвращаться. Ну и... занесу к вам по пути! Дома кто есть?

- Баба Клава дома! - завопил абсолютно счастливый Ларик. - Тетя Лидочка! Тетя Лидуся, я тебя обожаю!

- Он вырастет не вертолетчиком, - вздохнула мама. - Он вырастет дамским угодником!

- Бабником, что ли? - хмыкнул просвещенный сын. - Да ладно, больно надо! Мне не нравятся женщины.

Лида и Женя переглянулись с ужасом, вполне понятным в наше время вообще, а жильцам первого подъезда дома номер семь «а» по улице Полтавской - в особенности.

- То есть как это - не нравятся женщины? - выдохнули они робким хором.

- Легко, - ответил Ларик. - Из всех женщин в мире мне нравятся только мама, баба Клава, тетя Лидуся, Танька Ховрина из третьего «Б», Нина Селезнева из десятого «А», миледи из «Трех мушкетеров», Джулия Робертс - всегда, а Шарон Стоун - только в «Основном инстинкте», потом еще новенькая продавщица в кондитерском отделе в супермаркете. И все! - Ларик немножко подумал и добавил: - Нет, еще та девушка, которая в рекламе «Тампакс». Черненькая такая, в беленьком платьице. Но теперь уж точно - все!

Лида вырвала елку из сугроба, прижала к своей выдавшей виды дубленочке, которой соседство иголок было нипочем, и, прощально махнув ошалелой Жене, ринулась в подъезд - молча, стиснув зубы, чтобы не расхохотаться.

Кажется, за ориентацию Ларика можно не опасаться! И слава богу! Но засмеяться при нем - боже упаси: этот юный лев самолюбив, как истинный царь зверей, вовеки не простит. Поэтому расхохотаться она позволила себе только на лестнице - и хохотала все время, пока поднималась на третий этаж и когда отдавала елку Женькиной маме. Баба Клава, вернее Клавдия Васильевна, была женщина совсем еще не старая и веселая - приняв елку и выслушав рассказ Лиды о том, что произошло во дворе, она тоже засмеялась.

вернуться

1

Репетиция или запись телевизионной передачи.

- Проходи, Лидочка, чайку поьем, - пригласила баба Клава. - Таки-ие рогалики у меня!.. Покушай, золотая моя, а то вон какая тощая стала, ну суцая волчица голодная! Куда больше худеть, небось уже сорок второй размер!

- Нет! - выставила ладони вперед Лида. - Нет, Клавдия Васильевна, *спасибо большое*. Это вам и вашей Женьке идет приятная полнота. А мне идет суровая худоба. Размер же у меня не сорок второй, а по-прежнему сорок шестой, увы. Поэтому - нет, не искушайте меня бесами углеводов! К тому же я на работу опаздываю. Пойду *этих* потороплю. - Она ткнула

указательным пальцем в потолок: Ванька и Валька жили над Поливановыми-Серебряковыми – на четвертом этаже. – Договорились встретиться в четверть десятого, уже половина, а их и в помине нет. Ой, – поразила ее догадка, – а вдруг они пробежали, пока я тут стою?! Видят – меня нет, сели и уехали?

И в то же мгновение точнехонько над их с Клавдией Васильевной головами раздался грохот. Такое было впечатление, что упало что-то очень тяжелое. Даже люстра в прихожей закачалась. Вслед за тем кто-то быстро протопал, а потом снова что-то грохнулось – теперь уже в комнате.

– Дома, голубки! – брезгливо сказала Клавдия Васильевна. – Что они там делают, новые позиции осваивают?

Лида покраснела. Она почему-то жутко стеснялась таких разговоров – что с малыми, что со старыми. Строго говоря, стеснялась обсуждать эти проблемы и со своими подругами, и со знакомыми противоположного пола, из-за чего многие искренне считали ее не просто старой девой, но замшелой девой. Наверное, они были бы жутко изумлены, если бы узнали, что Лида Погодина побывала-таки замужем – правда, недолго, всего полтора года, но все-таки... Вся штука в том, что она искренне пыталась забыть свое неудавшееся супружество – и это ей почти удалось. Вспомнила Лида Виталия и их былые отношения вынужденно, встретила с ним после многолетней разлуки через силу, ну и нет ничего удивительного, что эта встреча окончилась хуже некуда!

При одном только воспоминании о последнем разговоре с Виталием настроение рухнуло ниже нижнего предела, скисло, как молоко на солнце. Скорей бы оказаться на студии! Там некогда думать о таких глупостях, как душевное равновесие, братская любовь, справедливость и месть! Там надо работать, работать!

Лида торопливо простилась с бабой Клавой вместе с ее рогаликами и взбежала на четвертый этаж. Остановилась перед дверью, кокетливо обитой сизо-голубым кожзаменителем, с витиеватым номером 17, протянула руку к звонку. Заливистое курлыканье, которое обычно звучало глуховато (звонки у Вальки с Ванькой были укреплены в любимом месте этой парочки – в спальне), показалось Лиде неожиданно громким. Неудивительно – дверь-то приотворена.

– Эй, ребята! – окликнула Лида, толкая ее и пытаясь просунуть голову в коридор. – Вы не забыли про тракт?

Дверь, однако, больше не поддавалась, словно кто-то из двоих – Ванька или Валька – стоял за ней и не давал открыться.

– Ребята, можно? Это я, Погодина, – проговорила Лида. – Мы опаздываем просто клинически...

Она осеклась. Из глубины квартиры прозвучал какой-то звук. Всхлипывание, что ли?

Загадка. Неужели эти моральные уроды по своему обыкновению начали выяснять отношения не вовремя? И Ванька или Валька выпалил, что их любовь была ошибкой, что нашел другого, что настало время расставаться? И сейчас Валька или Ванька рыдает на руинах разбитого чувства?

Сколько угодно, голубчики. Только не сейчас!

Лида изо всех сил толкнула дверь – но та сдвинулась всего лишь на какие-то сантиметры. Ее что-то держало снизу – подпирало и не пускало. Лида села на корточки и просунула руку –

убрать помеху. Рука схватилась за что-то костлявое, обтянутое тканью. Лида повозила рукой вверх-вниз, вправо-влево и сочла, что ощупывает чью-то ногу, согнутую в коленке и обтянутую джинсами. Джинсы неизменно носил Ванька, Валька же – легонькие клетчатые брючата в невыразимый обтяг. Лида вспомнила, как что-то тяжело обрушилось над их с бабой Клавой головами несколько минут назад, и поняла, что это упал Ванька. Упал и почему-то до сих пор лежит на полу. А второй грохот, видимо, означал падение Вальки? Что это их ноги держать перестали с утра пораньше?!

- Ваня, это ты? – крикнула она в приступе ужаса и так сильно налегла на дверь, что та наконец подалась.

Лида смогла просунуть в коридор голову и увидела скрючившееся тело.

Это был Ванька, сидевший в нелепой позе на полу: подобрал коленки, закинув голову и разбросав руки. Рядом валялись его куртка и Валькина несусветная шубейка из стриженной и крашенной в ярко-синий цвет, баснословно дорогой норки.

По желтому яркому Ванькиному свитеру расплылось темно-красное пятно, и Лида зачем-то потянулась к нему рукой, хотя и так было ясно, что это кровь.

Просунуться дальше, впрочем, не удалось. Лида резко отпрянула за дверь, стащила дубленку, пиджак, бросила на пол и теперь протиснулась в коридор почти без усилий. Щелкнула выключателем, склонилась над Ванькой, зажала рот руками, увидев кровавое отверстие пониже правого плеча, откуда торчали ключья простреленного свитера и пузырчатými толчками выливалась кровь. А Валька, Валька-то где?!

С трудом разогнулась и, придерживаясь за стены – голова кружилась, тошнило так, словно вот-вот вывернет, – потащилась в комнату.

Боже мой! Валька лежит на пороге спальни, вниз лицом, нелепо изогнувшись; алый пуловер на спине точно так же изукрашен темно-красным набухающим пятном, как свитер Ваньки. И брызги – кровавые брызги на стене, на полу.

- Валя... – выдохнула Лида, взмахивая руками, пытаясь удержать равновесие. Но голова кружилась все сильнее, ее резко повело в угол. Оперлась о край стола, чтобы не упасть. И вдруг звон в ушах, который начался, как только она увидела лежащего в прихожей Ваньку, утих, и Лида отчетливо различила неторопливые шаги, доносившиеся из соседней комнаты.

И только тут до нее дошло, что человек, стрелявший в ее соседей, до сих пор находится в их квартире. Однако это кошмарное открытие отнюдь не придало ей сил бежать, а наоборот – лишило последних. Руки ослабели, ноги подогнулись – она тяжело села на пол и снизу вверх уставилась на невероятно высокого человека в черной крутке, который возник в раздвижных дверях, стал на пороге над распростертым Валькиным телом и протянул к Лиде руку с... О боже ты мой... да ведь он держит пистолет! Наверное, тот самый, из которого только что...

- А ты тоже, дура, к ним трахаться пришла? – неожиданно громко, оглушительно, невыносимо громко выкрикнул незнакомец, а потом черный глаз пистолетного ствола, в который неотрывно смотрела Лида, закачался, расплылся... и утонул в каком-то сизом, дымном мареве, вдруг нахлынувшем со всех сторон и затопившем и ее, и комнату, и весь окружающий мир.

5 февраля 2002 года

То, что Сергей исчез и возвращаться не собирается, Лида осознала не сразу. Она уже начала постепенно привыкать к его тихому, почти беззвучному присутствию за стеной: даже запах табачного дыма, поселившийся теперь в квартире, стал меньше ее раздражать. Судя по стойкости этого запаха и по количеству окурков, которые наутро оказывались в пакете для мусора, Сергей курил почти беспрерывно, сигарету за сигаретой. Ночью он то ли не спал, то ли часто просыпался, чтобы подышать, но у Лиды создавалось впечатление, что процесс курения не останавливается ни на минуту. При этом, что было странно, Сергей не кашлял, хотя, казалось бы, легкие его должны быть источены до дыр – при таких-то масштабах курения.

А впрочем, здоровье у него раньше было отменное, он вообще не болел по жизни, даже когда домашних валила с ног семейная эпидемия какой-нибудь, выражаясь по-старинному, инфлюэнцы, а проще говоря, простуды, гриппа, насморка, он всегда был бодр, свеж, силен, всегда готов сбегать в аптеку за лекарствами и заварить чай с малиной.

Лида, кстати сказать, росла девчонкой хлипкой и болезненной, но несокрушимое здоровье и крепость Сергея казались ей чем-то само собой разумеющимся, как и его ослепительная внешность, и безунывный нрав, и легкий, не скандальный характер, и неистребимая, великодушная рыцарственность. Долгие годы потом она мерила всех встречных парней и мужчин по образу и подобию Сергееву, и сколько же разочарований ей принесло открытие, что таких, как он, пожалуй, нет на свете! Устав от разочарований, она и вышла замуж за Виталия – нет, вернее будет сказать, выскочила – оголтело и ошалело... Ничего хорошего из этого не могло получиться, ну вот и не получилось, конечно.

Видимо, эта несокрушимая крепость здоровья осталась при Сергее даже тогда, когда он превратился в ту пародию на себя прежнего, в того получеловека, который однажды поскребся – не позвонил, не постучал, а именно едва слышно поскребся в дверь Лидиной квартиры и хрипло выдохнул:

– Открой. Это я, Сережа. Пусты меня. – А потом, словно понимая, что Лида его не узнает, да и невозможно было его узнать, невозможно увязать в памяти два образа: Сергея прежнего – и его нынешние *останки*, он левой рукой неловко извлек из нагрудного кармана и выставил перед собой картонный бланк с фиолетовой печатью поверх фотографии – справку о досрочном освобождении в связи с увечьем.

И Лида долго-долго вчитывалась через цепочку в отпечатанные на машинке строки, прежде чем до нее дошло, кто это стоит там, за дверью, и просит его впустить.

Когда Лида наконец осознала смысл документа, она впала в такой ступор, что даже не сразу смогла отворить дверь. И пока возилась с цепочкой, то и дело выглядывала в коридор в робкой надежде, что страшное существо исчезнет, провалится туда же, откуда возникло, – внезапно, как несчастный случай, как стихийное бедствие. Кажется, Сергей ощущал это ее тайное, невысказанное желание, потому что иногда он вздыхал, негромко, протяжно, надсадно, и у Лиды моментально сжималось сердце от жалости, стыда и страха.

А может, ему было все равно, что с ним станет, все равно, впустит его Лида или нет, потому что, когда дверь наконец отворилась, он вошел не сразу, а какое-то время постоял на пороге с выражением нерешительно-отрешенным: смотрел то на стены прихожей, то на молодую женщину, медленно отступающую от двери, судорожно обхватившую себя обеими руками крест-накрест, словно защищаясь или сдерживая дрожь. И опять ей стало стыдно, она развела руки – не то чтобы обнять Сергея, на это все еще не хватало ни храбрости, ни сил, – но хотя бы сделать приглашающий жест. Однако Сергей медленно улыбнулся левой стороной лица – от правой осталась только уродливо слипшаяся кожа, ведь вся правая сторона его тела была

страшно искалечена: рука отсечена, плечо сплющено, как бы вдавлено в шею, а грудная клетка, чудилось, прилипла к спине – и сказал тихо, этим новым своим, задыхающимся, шелестящим голосом, который приобрел там же, где потерял часть себя:

- Ничего не говори. Все сам знаю и понимаю. Ничего не прошу – только дай пожить. Не беспокойся, я ненадолго. Боковушка у тебя свободна? Я там лягу. Если занята – поставь раскладушку на кухне. Нет раскладушки – могу и на полу. Я привык. Мне бы только помыться, чтобы тут... ничего... – Он неопределенно повел корявыми пальцами, оглядывая Лидину дубленку, висящую на вешалке, ее коротенькую шубку из стриженного песка, несколько пар сапог, брошенных в угол, три разноцветных шарфа на верхней полке вешалки, вязаную шапочку. Бледно улыбнулся: – Обои переклеила? Красивые... А это, – показал ей свою нелепую торбу, – давай в мешок пластиковый завернем и в мусоропровод бросим, хорошо? Там и нет ничего, сам не знаю, зачем я это с собой пер. Так, по привычке... И одежду мою выкинь. (Он так и сказал: «Одежду!») Дай что попало, неважно. И вот еще что: деньги, которые ты послала, – спасибо за них, большое спасибо! – они почти все целые остались, я их оставил там одному человеку. Он в мае должен выйти, обещал привезти. Хороший парень, он мне там другом был. Если появится такой Гриша Черный, скажет, должок, мол, привез – ты его не бойся, значит, это он, ты с ним без опаски встреться.

- Ну так ты сам с ним встретишься и заберешь, – разомкнула наконец губы Лида, но Сергей лишь бледно улыбнулся в ответ:

- Ну да. Это я просто так говорю, на всякий случай. Вдруг меня дома не будет или еще что. А так-то, конечно, сам...

- Сережа, ты кушать будешь? – шепотом – она могла пока говорить только шепотом – пробормотала Лида, и он кивнул:

- Только супу, ладно? Твердого ничего не могу, зубов, считай, нет, да и желудок теперь из кусочков сшит. Одно слово, что желудок, а на самом деле – кошелек для мелочи.

- Что... что?... – Она начала задыхаться в попытках спросить: «Что с тобой случилось?», но Сергей понял вопрос:

- Под лесину попал. В тайге на лесоповале, понимаешь? Изломало всего, раздавило. Думали, не выжить мне. Руку ампутировать пришлось. Ничего, теперь уж ничего. Пройдет. Ты только надо мной не плачь, ладно? И это... не говори мне ничего. Я все понимаю. Понимаю, каково тебе... Только и мне ведь... кучеряво. Так что давай пока молчать. Авось привыкнем друг к дружке. Потом... что-нибудь скажешь. Когда все отойдет. Отболит. Поняла? Полотенце дашь?

Лида послушно кивнула – это означало, что даст. И что она все поняла. Что будет молчать.

Так они и молчали все три дня – до тех пор, пока Сергей не исчез.

Кстати, это было второе его исчезновение. Первое произошло уже на второй день после его возвращения домой. Сергей тогда исчез утром, она еще спала, а вернулся поздно вечером. Лида, впрочем, и сама задержалась на записи, а когда пришла, он уже сидел на ступеньках и курил. Рядом стояла большая чашка с остатками крепкого чая и блюдец с раскрошенным пирогом.

Еще поднимаясь, Лида заметила на третьем этаже приотворенную дверь Поливановых-Серебряковых и теперь поняла, что подкормила Сергея Клавдия Васильевна. Именно такие большие бокалы, ярко-красные, в белых горошинах, издавна водились в ее хозяйстве, Лида

сама сколько раз дарила соседке недорогие чайные сервизы ее любимой расцветки. Впустив Сергея домой (ключ он брать отказался в первый же вечер), Лида отнесла вниз бокал и блюдце. Глаза у Клавдии Васильевны были красные, все лицо опухло от слез. Но она только посмотрела на Лиду, покачала головой и ничего не сказала. Губы у нее тряслись, но ни звука из них не вырвалось. Лида тоже промолчала – привычно. Да, воистину о Сергее теперь можно было только молчать. Ну и плакать – если были слезы или силы.

У нее не было ни того, ни другого. Она теперь каждый день боялась – сама не зная чего. Исчез Сергей – тряслась как осиновый лист. Пришел – затряслась еще пуще. Весь мир вокруг превратился словно в зыбкое болото. Куда Сергей ходил – он ей ничего не сказал. Лида заикнулась было – показал в ответ авоську, наполненную пачками «Примы». Получалось, что бегал за куревом? Ну, пусть так...

Весь последующий день Сергей пролежал в боковушке, ничего не ел, зато дымил непрерывно. Лида тоже была дома, готовилась к лекции, и к вечеру у нее до того разболелась голова от дыма и напряжения, что около полуночи пришлось выйти подышать. И так хорошо было на улице, что она не могла заставить себя вернуться домой. Бродила, бродила вокруг квартала, сворачивая в боковые улочки, где еще оставались старые, позапрошлого века, деревянные двухэтажные дома, обреченные на снос, где еще пахло особенно, забыто – дымом печным, старым деревом, слышался собачий лай. Черная кошка (а может, она просто казалась черной в темноте?) свалилась с огромной, какой-то уж совсем реликтовой березы и, резко выскакивая из пухлых сугробов, понеслась длинными прыжками к крыльцу. Юркнула в нарочно выпиленный для нее лаз внизу дверей, и где-то в доме ошалело, переполошенно, совершенно не по-ночному, заорал вдруг петух...

Морозы, которые щемили город последнюю неделю, отступили, пошел снег – даже не пошел, а повалил огромными, влажными праздничными хлопьями. Лида и не заметила, как миновал час. Двинулась наконец домой. Завернув во двор, подняла по привычке глаза к своим окнам и уловила промельк тотчас погасшего света в своей комнате. Шевельнулась тревога в душе – зачем Сергей заходил туда? А почему бы ему и не зайти, эта квартира принадлежит ему столько же, сколько и Лиде! А может быть, ей просто померещился свет? Промельк его был так краток...

Войдя в коридор, Лида почти уверилась, что да, почудилось. В квартире царил темнота, из-под двери боковушки не сочилась привычная сизая струйка – Сергей спал, надсадно храпя...

Лида успокоилась – первый раз, может быть, она уснула спокойно с тех пор, как вернулся Сергей. А утром он ушел – она еще спала, – ушел и не вернулся.

Лида ждала день и два. Потом решила – позвонила в милицию и спросила, как заявить о пропавшем человеке.

– Кто пропал? – спросил ее усталый мужской голос.

Она объяснила.

Мужчина хохотнул:

– А вы что, очень хотите, чтобы он вернулся?

– Да, – сказала Лида, зная, что врет, и чувствуя, что мужчина об этом догадывается.

Он помолчал, потом спросил:

- Вещи все в доме целы?

Теперь помолчала Лида. Насчет всех вещей она точно не знала, но одно пропало точно: плеер, который лежал около ее компьютера. Лида любила, работая, слушать потихоньку «Радио 7 на семи холмах». Исчезновение плеера она заметила одновременно с исчезновением Сергея. И сразу поняла, что тот моментальный промельк света в окне ей все же не почудился. Сергей точно заходил в ее комнату – забрать плеер. И унес его с собой – туда, куда ушел сам.

- Вещи целы, спрашиваю? – нетерпеливо спросил голос в трубке.

Лида не могла сказать про плеер.

- Не знаю, – пробормотала она. – Я не проверяла.

- А вы проверьте, проверьте, – с ехидцей посоветовал голос. – И если потом захотите, чтобы мы его все же нашли, – ну что ж, звоните снова! А лучше сразу идите в ваш райотдел – вы в каком районе живете? В Советском? Ну вот идите в ваш райотдел, это около Советской площади, и пишите там заявление. Спросите у дежурного, к кому обратиться. Но только сначала подумайте, а надо вам это, девушка?

Лида не ответила и положила трубку. Постояла посреди комнаты, бесцельно глядя по сторонам, ничего проверять не стала, а сразу легла спать. У нее это с детства было, на всю жизнь сохранилось: прятаться от неприятностей под одеялом, зарывшись в подушку и крепко зажмурясь. Ночь ее всегда выручала и успокаивала, прятала от дневных неприятностей.

Так было всегда, вот только нынешняя ночь ее подвела.

Приснился сон.

Снилось Лиде, будто стоит она на окраине какой-то деревушки, заметенной снегом по самые крыши малочисленных низкорослых домишек. Стоит и смотрит, как солнце – дымно-розоватое, лишь чуть-чуть окрашенное золотом – медленно опускается за темно-синюю зубчатую тень дальнего леса. И вот ей чудится, будто из леса выметнулись два каких-то красноватых пятна. И скоро она понимает, что это никакие не пятна, что она и впрямь видит двух волчиц ярко-красного цвета. Почему-то Лида уверена, что это именно волчицы – не волки, не лисицы. Хотя она никогда в жизни не видела красных волчиц, а все же убеждена в этом.

Какое-то время волчицы то проваливаются в сугробы, то выскакивают из них, но постепенно они все же приближаются к окраинному домику. И вот уже близок его почти заметный плетень. Вдруг окно домика разбивается вдребезги – бесшумно, пугающе летят в стороны осколки стекла, – и на снег, вышибив мощной грудью ветхую оконницу, выпрыгивает большой серый волк. Волчицы от неожиданности замирают, а он какое-то мгновение глядит на них исподлобья, потом резко отворачивается и кидается прочь, к окраине леса, которая темнеет далеко позади дома. Он мчится, словно не касаясь сугробов, а волчицы и шагу сделать не могут, потому что тонут в снегу, вязнут в нем.

А между тем солнце садится, мгновенно падают сумерки. И серая тень тает в них. И тогда одна из волчиц садится на лапы, задирает морду к белому серпику молодого месяца, который вдруг четко проглянул на почерневшем небе, и начинает выть. А другая просто ложится на снег, сворачивается клубком – да так и лежит, несмотря на то, что поднявшаяся поземка замечает ее, замечает с головой...

Лида проснулась с таким сердцебиением, что села и какое-то время давила руками на грудь, словно боялась: вот сейчас сердце выскочит, выскочит...

Ничего, обошлось. Перевела дух, легла на спину, выпростав руки поверх одеяла и пытаюсь успокоиться.

Сон как сон, ничего в нем нет страшного. Даже очень красивый сон, хотя и мрачновато-фантастический такой, в стиле не то Фарли Моуэта, не то Джека Лондона. Однако антураж вполне родимый, деревенька уж такая а-ля рюс, что дальше некуда! Причем полное впечатление, что Лида уже видела раньше эти закраины леса, похожие на крылья огромной птицы, и эту беспорядочную россыпь домиков видела...

Она уже начала задремывать вновь, когда вдруг вспомнила, что приснилась-то ей, оказывается, деревня, где стоял теткин дом. Лида получила его после теткиной смерти. Деревня называлась смешно – Авдюшкино, и последний раз Лида там была уже глубокой осенью, после первых заморозков, когда ездила насобирать калины.

С чего бы это вдруг ей приснился старый дом? И какие-то волчицы – красные, фантастические... И серый волк... Серый...

Она вдруг вскочила, еще не вполне осознав, что собирается сделать. Кинулась в коридор, зажгла свет, открыла нишу, где на гвоздиках, вбитых в изнанку дверцы, висели все ключи: запасные от квартиры и от почтового ящика, а также ключи от подвала, от чердака, еще какие-то старые, просто так, на всякий случай, оставленные еще теткой... На каждом гвоздике была заботливо наколота бумажечка с соответствующей надписью: «Чердак», «Подвал», «Почта». Была здесь и бумажка с надписью: «Авдюшкино». Однако ничего, кроме бумажки, на гвозде не оказалось. Ключ от деревенского дома исчез.

19-20 декабря 2002 года

- Так, прогоняем следующую сцену. Марютка роняет спицу, лезет под стол и видит, что вместо сапог у женихов копыта. Таращит на них глаза – ее лицо надо показать крупно, поэтому ты, Капитонов, вон там заляжешь и будешь караулить, понял? Потом она выбирается из-под стола и снова садится со всеми с таким видом, словно палку проглотила. Толкает в бок сестру...

- Не получится, Лола сидит с той стороны стола.

- Забыли имена! Сколько раз говорить – забыли свои имена! Оставили их за дверью, потеряли, выкинули вон! Не Лола, а...

- Варя, Варя, успокойся, Саныч. Варьку-то ты с той стороны стола посадил!

- Да? Правда. Ошибочка вышла. Переползай, Варюха, к Марютке и прялку прихвати.

- Саныч, бога ради, давай я лучше буду вязать, а? У меня веретено в пальцах не поворачивается!

- А ты его крепче держи – и повернется.

- Да ну его на хрен, я и так все ногти себе об эту куделю поломала. Давай я буду спицами вязать, а прядет пускай Марютка, у нее все равно ногти обгрызенные.

- Да ради бога, мне без разницы...

- Как это без разницы?! И что? Что она должна ронять? Веретено?

- А почему бы и нет?

- А за ним вся эта хренотень с прялки не потянется? Куделя или как ее там? Лида! Лидочек, ты меня слышишь? Эй, где автор? А, вижу. Слушай, как там по всем вашим фольклорным законам? Прялка может уронить веретено? Бли-ин... В смысле, пряха может его уронить - без ущерба для творческого процесса?

Лида качнула головой:

- Не получится. Веретено не упадет - повиснет на нитке. Поэтому спицы останутся у Марютки.

- Ребята, ну если нельзя спицами, можно, я хоть крючком буду плести? Какую-нибудь салфеточку, а? - со слезами в голосе простонала Лола, она же Варя.

Лида устало прикрыла глаза. Иногда на репетициях или записях «Деревеньки» ей казалось, что она находится в сумасшедшем доме. Актеры вообще народ своеобразный, суматошный и сумбурный, а эти ребята были в большинстве своем пока еще студентами театрального училища, безумно счастливыми оттого, что их выбрали сниматься в самой любимой, самой рейтинговой передаче канала «Око Волги» - «Деревенька». Это было любимое дитя Лиды Погодиной - некий развеселый капустник по мотивам мифологических баек о всяких там чертях, водяных, русалках, леших, банниках, овищиках, домовых, дворовых, сарайниках, амбарниках, степовых, полевых, межевичках, луговичках, полудницах, кладовиках, блюдах, манилах, уводилах, белых бабах, белых змеях и прочих «вторых», как называла эту таинственную братию русская демонология. Режиссер Саныч - его на самом деле звали Александром Александровичем Лаврентьевым - был сыном Лидиной научной руководительницы по защите диссертации,знакомился с материалом, что называется, из первых рук и еще два года назад, когда Лида защищалась, взял с нее страшную клятву, что когда-нибудь она напишет для телевидения такой фольклорный сериал. Лида, конечно, слово дала - ну кто станет ссориться с сыном своего научного руководителя?! - но заниматься ничем таким не собиралась. Деньги ей были особо не нужны, а связываться с психдомом под названием «Студия телевидения» было страшновато. Однако после того, что испытала Лида зимой прошлого года, ею овладела такая чудовищная депрессия, что надо было искать хоть какое-то средство, чтобы прийти в себя и зацепиться за жизнь. Она сама казалась себе живущей в психушке, причем не в общей палате, а в карцере для особо нервных больных! И тогда на помощь пришли эти обожаемые ею существа, которые, как известно, населяли раньше каждый лес, каждый водоем, каждое подворье и каждое поле. Раньше - когда в них верили. Ну а как верить перестали - все они и вывелись.

С первых же выпусков «Деревенька» обрела поразительную популярность. Она успешно конкурировала не только с самыми забойными передачами местных, нижегородских, телеканалов вроде «Воскресной гостиной», «Автостопа», «Чудаков на букву М», «Действующих лиц», но порою затмевала по популярности даже общероссийский «Городок». А в области, согласно опросам, вообще ничего не смотрели в то время, когда по «ОВ» шла «Деревенька». Ее героям - вышперечисленным «вторым» - приходили пачки писем! Зрители от мала до велика почему-то принимали их всерьез. Совершенно как популярных певцов или телевизионных ведущих. Им объяснялись в любви, у них спрашивали житейских советов, их звали в гости куда-нибудь в Сеченово, Васильсурск или в Курмыш. И Лида начала надеяться, что с ее помощью, а также с помощью неугомонного Саныча, конечно, и всех этих психов из театрального училища

«вторые» начнут возрождаться из небытия и потихоньку заселять родимую землю.

Живут же в Западной Европе добрые духи природы – эльфы, феи и злые карлики, стерегущие сокровища, гномы и кобольды! А на Олимпе, говорят, до сих пор иногда слышна поступь бессмертных богов. Так почему бы не ожить тем, кто веками подкреплял знаменитое русское двоеверие?!

- Лида, ты что, спишь? – заорал экспансивный Саныч. – Я тебя второй раз спрашиваю: может, лучше Марютка еще раз уронит спицу – чтобы удостовериться в том, что видела?

Ответить Лида не успела – в студии внезапно погас свет, и со второго этажа, с пульта, донесся голос ассистента режиссера, который размечал расстановку камер и монтаж кадров, пока Саныч прогонял сцены с актерами:

- Ребята, давайте прервемся на минуту! Посмотрите, что гонят по шестому каналу!

На студийных мониторах, на которых только что мелькала учиненная Санычем разноцветная фольклорная суэта, появилось худое черноусое лицо с возбужденно, как бы даже не в лад мигающими глазами. Это был лучший репортер канала «Дубль В», а может, и всего Нижнего Новгорода, ведущий передачи «Трудный итог». Звали парня Владимир, чаще – Вовочка, за пристрастие к анекдотам про этого всенародно любимого аморального дебила, ну а фамилия его (репортера, конечно, а не дебила!), словно по заказу, была Мигало. С другой стороны, если есть на свете фехтовальщик Кровопусков, почему не существовать человеку с лицевым нервным тиком по фамилии Мигало?

При виде туго обтянутого кожей лица Вовочки, имеющего на плохо настроенном мониторе несколько лиловатый, словно бы трупный оттенок, Лиду замутило. Почудилось: вокруг снова расплылся запах нашатыря, которым ее приводила в чувство Клавдия Васильевна. Именно она вызвала милицию и «Скорую» к соседям, почуввав неладное. Но, конечно, не ее вина была, что кто-то из этих двух служб находился на прикорме у телевизионной программы «Трудный итог», а потому немедленно звякнул Мигало о трагическом случае на улице Полтавской. И поэтому ноздря в ноздю с врачами и милицией (обе бригады появились в семнадцатой квартире практически одновременно) возник здесь и вертлявый усач с микрофоном в зубах, а при нем – толстый крепкий парниша с глазами истинного телеоператора-репортера: они, чудилось, видели все происходящее и спереди, и слева, и справа, а порою даже и сзади, такими швыдкими были, и вообще, создавалось впечатление, что глаза эти обладали способностью вращаться в орбитах и поворачиваться радужкой внутрь. Что и говорить, в «Трудном итоге» работали крутые, безочарованные профессионалы, видевшие-перевидевшие все на свете. И первым проявлением этого профессионализма у них было то, что Мигало к моменту прибытия на место съемки совершенно непостижимым образом успевал вызнать всю подноготную о жертвах того или иного преступления, о VIP-персонах, влипших в скандал, – словом, обо всем происшедшем. Рассказывали, что он не раз и не два вычислял преступников даже раньше компетентных органов, в процессе ведения репортажа! Но отнюдь не получал за это благодарность в приказе по компании «Дубль В» вместе с именными часами от начальника нижегородского УВД, потому что у Мигало что было в уме, то и на языке, и эти самые преступники успевали сделать очень длинные ноги, загодя во всеуслышанье предупрежденные болтуном-профессионалом. Однако это ничему не научило Мигало и его осведомителей, а потому он продолжал являться в самых неожиданных местах с внезапностью стихийного бедствия и, возбужденно дергаясь всем лицом, мгновенно начинал репортаж. Пожалуй, Лида очнулась именно от звука его голоса, а не от запаха нашатыря. Очнуться-то она очнулась, но головы с толстых, уютных колен Клавдии Васильевны поднять пока не могла. Лежала, изредка смахивая набегающие слезы, собираясь с силами, чтобы встать, и волей-неволей слушала

напористый голос Вовочки Мигало:

- Съёмочная группа «Трудных итогов» находится в квартире семнадцать дома номер семь «а» по улице Полтавской. Здесь произошло преступление, которое поражает своей наглостью. Тяжело ранены – среди белого дня, можно сказать, ранним утром, в одиннадцатом часу! – хозяин квартиры, актер театра драмы Иван Швец, и его друг, студент театрального училища Валентин Скориков. Сейчас вы видите работников милиции, осматривающих место преступления, и врачей, которые оказывают первую помощь раненым. Да, и любимец публики Швец, и его друг остались живы: убийца оказался не профессионалом. К их общему и нашему, конечно, счастью! Ведь и Швец, и его приятель – по-настоящему хорошие актеры. Впрочем, правильнее было бы назвать Скорикова не просто приятелем, но и сожителем хозяина квартиры, ибо эти двое известны своими нетрадиционными пристрастиями. И не сомневаюсь, что одной из первых версий, выдвинутых милицией, будет именно тема ревности – суровой мужской ревности, так сказать.

Лида покачала головой...

- Сволочь ты! – раздался истошный крик Саныча, и Лида очнулась, сообразив, что она уже не в пахнущей кровью квартире Ваньки и Вальки, а в студии и видит дергающееся лицо Мигало не наяву, а на мониторе. К монитору-то и вызвал их Саныч. – Сволочь ты, Мигало! Трупоед поганый! Антропофаг! Ни стыда у тебя, ни совести! Твое какое дело, на хрен, кто с кем спал, спит и будет спать? Нет, клянусь, если он только брякнет, что ребята снимались в «Деревеньке», я ему вчиню тако-ой иск... нет, я его просто убью! Найму киллера и убью, вот вам святой истинный крест! – И Саныч размашисто перекрестился распечаткой сценария сегодняшней сцены.

- Он ничего не скажет, не волнуйся, – пробормотала Лида. – Когда он меня узнал, то сразу придержал язык.

Саныч посмотрел вприщур на Лиду и медленно кивнул. Он понял, почему заткнулся Мигало... Дело, конечно, было не в том, что в душе Вовочки вдруг проснулись честь и совесть: эти чувства профессионалы-репортеры выжигают в своих душах каленым железом. Или ты порядочный человек – но неудачник, или тварь бесстыжая, продажная, безжалостная – но истинный журналист. Мигало принадлежал к числу «истинных мастеров», а значит, вместо души у него было портмоне, вместо головы – компьютер, а вместо сердца... нет, даже не пламенный мотор, а калькулятор. Он прекрасно знал, что представитель президента в Нижегородском округе, Владлен Сергач, тот самый, при официальной поддержке которого и процветает канал «Дубль В», в то же время является тайным держателем акций компании «Око Волги», то есть именно на этих деньгах держится «Деревенька». Разумеется, «деревенщики», как и все порядочные люди, терпеть не могли Сергача, с подачи которого вся страна не столь давно рухнула в дефолт (за что, надо полагать, он и был награжден этой «шубой с царского плеча» – своей хлебной и не пыльной должностью), однако твердо придерживались мнения, что с паршивой овцы – хоть шерсти клок, и охотно брали Сергачевы деньги на новые и новые выпуски «Деревеньки». Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя; свобода буржуазного писателя, художника или актрисы напрямую зависит от денежного мешка... и далее по тексту. Таким образом, не один Мигало был крутым профессионалом. Но, повторимся, Вовочка, имея вместо сердца счетную машинку, отлично знал: одно некорректное словечко в адрес «Деревеньки» немедленно вызовет у Сергача жуткую реакцию отторжения, и тогда «Дублю В» может здорово не поздоровиться.

Поэтому про «Деревеньку» и в самом деле в репортаже Мигало не было даже упомянуто.

Лида вдруг заметила, что смотрит на экран, брезгливо морщась. И не только потому, что на Мигало тошно было глядеть. Запах нашатыря продолжал назойливо терзать ее обоняние. Да что за напасть?! Какая-то навязчивая галлюцинация.

Она повернула голову и убедилась, что галлюцинация тут совершенно ни при чем, а нашатырем пахнет потому, что им приводят в себя рыдающую в другом конце студии Лолу.

Ну да, понятно. Иван Швец считался признанным красавцем и у мужчин, и у женщин. Лиде всегда казалось, что Ваньке следовало бы похудеть килограммов на десять, тогда, без этих пухлых щечек и второго подбородка, он смотрелся бы и в самом деле отлично, однако это не мешало ему разбивать сердца направо и налево. Актером он был хорошим, что и говорить, и если уж давал себе труд изображать любовь на сцене или на экране (в «Деревеньке» он играл жениха Лолы-Вари), то трудно было отличить игру от реальности. Видимо, бедняжка Лола и купилась. И сейчас рыдает неведомо отчего: или оттого, что герой ее снов оказался пидермоном, как говорят французы, или что он стал жертвой покушения.

Но что бы там ни утверждал Вовочка Мигало, какие бы версии ни разрабатывали компетентные органы, Лиде было совершенно ясно: покушение никак не связано с сексуальной ориентацией – вернее, дезориентацией Ваньки и Вальки. Парень, который в них стрелял, вообще не представлял, что ребята – «голубые». Иначе он не бросил бы Лиде с беспощадной яростью: и ты, мол, дура, трахаться сюда пришла?

Вспомнив его слова, Лида припомнила заодно, что не обмолвилась о них оперативнику, который снимал с нее первые показания. Вообще, если уж совсем честно, она ни слова не сказала и о том, что видела стрелявшего. Во-первых, ее никто не спросил, застала она кого-то в квартире или нет. Милицейской бригадой как-то само собой, априори, было решено, что «Погодина Л.Н., соседка пострадавших, проживающая в кв. № 21 (так ее обозначили в протоколе), вошла в квартиру Швеца, увидела два окровавленных тела – и рухнула в обморок. А убийца в это время был уже далеко». Видимо, такое убеждение сложилось из показаний Клавдии Васильевны – она-то в самом деле никого не видела, кроме раненых и лишившейся чувств Лиды.

Таким образом, Лиду никто ни о чем не спрашивал, а сама она не проявила инициативы давать показания. Прежде всего потому, что ничего толкового не могла бы сказать. Была слишком потрясена. Лица того человека она не помнила – вместо четкого рисунка черт клубилась в памяти какая-то мешанина, к тому же смотрела Лида не в его глаза, а в единственное око пистолета, а что касается громадного роста убийцы, она ведь глядела на него снизу, уже сидя на полу, да и была в полубомороке. Она даже не может точно утверждать, что он был одет в черное: в глазах потемнело. С другой стороны, она понимала, что хоть какая-то информация могла бы оказаться милиции полезной. Например, что стрелявший – мужчина, а не женщина. Хотя бы это! Но ее прошлый – и единственный – опыт общения с правоохранительными органами оказался настолько печальным, а вернее сказать, трагическим, что для нее лица всех работников милиции, прокуратуры, следствия слились в некую ледяную, равнодушную, точнее, вовсе бездушную маску. Этому отношения она не могла преодолеть, даже если бы ее гражданское сознание кричало во весь голос. Однако оно молчало в тряпку, как любила говорить Женя Поливанова, ну и Лида тоже промолчала.

К тому же у нее оказалась масса дел. Запереть квартиру, сопроводить Ваньку и Вальку в машине «Скорой помощи» до пятой больницы, нынче дежурной, убедиться, что «повреждений, не совместимых с жизнью, не обнаружено, состояние раненых средней тяжести», втихомолку порадоваться, что эти поганые пидермоны скоро вернутся в строй, а в ожидании этого срочно переключить сценарий сегодняшней передачи, вернее, написать другой. Ну и позвонить Саньчу,

конечно. Очнувшись на том конце провода от кратковременного обморока, он немедленно начал договариваться со студией о переносе времени тракта и вызывать актеров, которые могли понадобиться для нового эпизода.

Возникли проблемы. Ведь в первоначально намеченном фрагменте с рабочим названием «Гадание» сниматься должны были всего три актера: Ванька, Валька и Лола. Суть эпизода заключалась в том, что деревенская девка Варюша накануне Рождества приходит в баньку, но не мыться-париться, а погадать о женихе. В бане, если кто не знает, живет такое страшноватое существо – банник, с виду напоминающее маленького, косматого, скрюченного старичка. Как и всякая нечистая сила, он наделен способностью провидеть будущее. Гадают девицы следующим образом: входят в темную, нетопленую баню, становятся задом к печке, задирают юбку и спрашивают:

- Богат ли будет мой жених?

Если да, то банник погладит красотку по попке мохнатой теплой лапой, если нет – пощекочет холодной рукой. Ну а если к нему подольститься, он может назвать даже имя суженого... Варюша была девушка, по-настоящему выражаясь, меркантильная и женихов, которых считала невыгодными, отшивала почем зря, без всякой жалости. Среди таких невыгодных и ходил красавец Ванюша (Ванька Швец играл своего тезку). Варвара резонно полагала, что с лица воду не пить, и готова была предпочесть богатого увальня Федора (в этой сцене актер ТЮЗа Коля Кривошип не участвовал). И решил Ванюша взять свою судьбу в свои руки. Он напоил банника (в его роли выступал Валька Скориков) самогоном так, что тот перестал лыко вязать. А потом уложил его в уголок, завалил старыми вениками, да и залез сам на полочку рядом с печкой. И когда Варька задрала юбки, вопрошая, каков будет ее жених, Ванюша не просто огладил ее мохнатой варежкой, но и воспользовался, фигурально выражаясь, девичьей беззащитностью. Легковерная Варька осталась в полной уверенности, что банник принял образ Ванюши, а потому решила не бороться с судьбой: отдать руку и сердце удалому красавцу.

В связи с тем, что оба исполнителя мужских ролей вышли из строя, пришлось срочно подготовить к съемке другой эпизод – с рабочим названием «Женихи-черти». Поскольку он требовал участия не трех, а десяти участников, которых предстояло еще собрать и ознакомить с текстом, студийное начальство смогло предоставить «Деревеньке» только ночное время: после одиннадцати вечера, когда живое вещание на «Око Волги» уже заканчивалось, шли только фильмы или заранее записанные передачи. Вот так и вышло, что они увидели эфир полуночных «Трудных итогов». И теперь шел уже первый час, а между тем запись фрагмента еще не началась. А ведь «Деревенька» стояла в завтрашней программе, и снять «Женихов-чертей» надо было именно сегодня. Умереть, но снять!

Строго говоря, сцена была незамысловатая. Девки собираются в избе веселой солдатки Маши на посиделки, прядут, вяжут, щелкают семечки, как вдруг раздается стук в дверь, и входят четверо ухажеров из соседней деревни. Надо сказать, что в старые времена такие вот ухаживания «чужих» не больно-то поощрялись. Узнав, что за девушкой из села, скажем, Малиново ходит парень из деревни, условно говоря, Калиново, ее земляки считали себя оскорбленными и могли, поймав ухажера на свидании, запросто переломать ему кости: не замай-де нашего добра! Однако на сей раз ни одного из суровых стражей поблизости не случилось. И никто не мешал девкам превесело проводить время со случайными гостями, тем паче что те принесли вина и сластей и начали угощать красавиц. В разгар веселья Варькина сестрица Марютка уронила спицу, полезла за ней под лавку, на которой сидели женихи, и обнаружила, что вместо сапог и валенок на их ногах – копыта, а стало быть, это никакие не женихи, а самые настоящие черти, принявшие человеческий облик – надо быть, не с добрыми намерениями, а для замышления какой-нибудь пакости. Кое-как Марютка выманила сестру вон

из избы – якобы по нужде, рассказала ей о своем открытии, и девки побежали в церковь – звать попа, чтобы изгнал чертей. Когда поп примчался и начал махать кадилом да молитвы читать, черти, понятно, не выдержали и один за другим улетели в дымовую трубу, однако напакостить все же успели: все девки, как одна, оказались в чем мать родила и никак не могли взять в толк, куда подевались их рубашки да сарафаны.

Постепенно простодушное веселье этой фантастической байки одолело мрачное настроение молодых актеров, у которых из головы не шла печальная участь Ваньки с Валькой. У одной только Лолы непрестанно были глаза на мокром месте, но профессионализм – как мед Винни-Пуха: он или есть, или его нет, а Лола считалась все же профессиональной актрисой. Сцену в конце концов записали, и, хоть часы показывали уже четверть второго, а у актеров и телеоператоров заплетались ноги и языки, все находилось в том особом, приподнятом настроении, которое знаменует собой явную удачу. Уже кто-то втихаря выразился в том смысле, что нет худа без добра: сцена получилась необычайно эффектная, смешная до упаду, одобренная здоровым народным эротизмом, поэтому завтрашняя передача определенно будет иметь успех. А Ванька в последнее время избаловался, Нарцисс несчастный, играл через губу, текст то и дело забывал, мизансцены ломал, поэтому не факт, что «Гадание» удалось бы на «пять». Услышав такие разговорчики в строю, Лола страшно обиделась и опять залилась слезами. До обморока, правда, не дошло, однако она так плакала, что Лида даже начала опасаться за ее здоровье. Честно говоря, ей и в голову не приходило, что ошибка природы Ванька мог вызывать у этой пустынькой актрисульки с хорошеньким, но весьма жестким личиком такую бурю чувств. Она начала успокаивать Лолу, и процесс этот почему-то затянулся. Лида и оглянуться не успела, как они остались в гримерной одни: все прочие «девки», «женихи» и техсостав уже разбрелись по домам. А в гримерную рвалась следующая группа телегероев: время трактов было задействовано практически круглосуточно.

Лида вежливо, но настойчиво вытолкала Лолу в коридор и повлекла ее к выходу. Но тут же девушки спохватились, что их шубы остались запертыми в редакции. Пришлось возвращаться. То там, то здесь в студийных коридорах возникали истомленные бессонницей тени дежурных техников или ведущих ночных передач. Работал и лифт. Обе вдруг так устали, что поленились спускаться пешком и поехали на первый этаж на лифте. Лола продолжала всхлипывать и смахивала слезы со щек красной вязаной варежкой: их нарочно вязали для съемок, но они так ей понравились, что она носила их каждый день, к тому же в эти морозы в перчатках руки зябли, а в рукавичках – нет.

Когда над дверью лифта зажглась зеленая цифра 1, Лола отвернулась от зеркала, в котором уныло разглядывала свою поблекшую от слез физиономию, и сделала шаг вперед, невольно оттеснив Лиду и даже не заметив этого. Та, впрочем, уже давно не обращала внимания на такие мелочи жизни!

Двери лифта разошлись, Лола сделала шаг вперед и вдруг запнулась, замерла, загоразивая Лиде дорогу. Та посмотрела поверх ее плеча и увидела какого-то высокого мужчину в черной куртке, который стоял за барьером, отделявшим общий вестибюль от запретного, «пропускного» пространства – собственно территории студии, и напряженно смотрел в лифт. При виде открывшейся кабинки он слегка подался вперед – и Лида, еще не отдавая себе отчета в том, что делает, вдруг резко нажала на кнопку пятого, верхнего этажа.

Дверцы сомкнулись, отрезав от Лиды напряженное лицо незнакомца... Нет, она видела это лицо! Лида мгновенно узнала его, несмотря на то, что секунду назад была уверена, что оно не сохранилось в ее памяти.

Сохранилось, да еще как! Раздвинувшаяся дверь... точно так же, как там, в квартире... – вот что

послужило толчком к внезапному пробуждению воспоминания. Такое было ощущение, что в медленно действующий проявитель капнули какой-то катализатор, а оттого процесс проявки фотографии ускорился, смутные, расплывчатые черты мгновенно оформились и обрели пугающую четкость.

Это был тот самый громила в черной куртке, которого Лида видела в квартире Ваньки и Вальки. Теперь она вспомнила каждую черту его угрюмого, худого лица, вспомнила его глаза – они были хоть и светлыми, но такими же мрачными, как единственное око пистолета, грозно смотревшее в ее лицо.

Убийца пришел за ней!

7 февраля 2002 года

Лида никак не могла заставить себя поверить: Сергея надо искать именно в Авдюшкине. Все пыталась вспомнить: а не перевесила ли ключ от деревенского дома куда-то в другое место? Или просто, может быть, потеряла? Оставила в той куртке, в которой ездила в деревню осенью?

Она на всякий случай обыскала эту куртку, но ничего не нашла. Неужели ключ взял все-таки Сергей?! Но какой смысл ему тащиться в выстуженный, нетопленный дом посреди зимы? И к чему брать с собой плеер?

А может, он решил устроить там какую-нибудь гулянку? Собрать таких же бывших зэков, каким был он сам, и отметить какую-нибудь памятную дату? Типа, «как ныне празднует Лицей свою святую годовщину...». А впрочем, может статься, они и без даты решили обойтись, зэкари, просто гудят почему зря, пользуясь безлюдьем, безнаказанностью, тишиной! Магазин в деревне есть, пей – хоть залейся, никто не вытурит, никто не вызовет милицию...

Нет. Если у них там компания, что толку от плеера? Его могут слушать самое большее двое!

Может быть, Сергею стало просто невыносимо человеческое общество, даже общество сводной сестры, пусть она и держится от него так далеко, как это только возможно? И он решил побыть один, уехал для этого в деревню?.. Понятное желание. Но почему бы не предупредить Лиду? И сколько там можно торчать?

Лида уговаривала себя еще целый день, после того как обнаружила пропажу ключа, но потом терпение лопнуло. Надо было с кем-то посоветоваться, и она пошла к единственному человеку, с которым могла поговорить о Сереже: к Клавдии Васильевне. Рассказала про ключ и, отводя глаза, про исчезновение плеера. А про сон, конечно, промолчала. Ну, сон как сон, тревожно на душе – и что с того.

Клавдия Васильевна выслушала Лиду молча, махнула рукой и вышла из кухни, велев ей ждать. Вернулась с зятем, Женькиным мужем, – Костей Поливановым.

– Вот, у Кости завтра выходной, – непререкаемым тоном объявила Клавдия Васильевна. – Он тебя и отвезет в Авдюшкино. Одной тебе туда лучше не ехать. Во-первых, намаешься на автобусе, а еще ведь пять километров от трассы по проселку брести. Во-вторых... мало ли что там может быть.

Лида восприняла последние слова в том смысле, что она там застанет пьяную компанию, и только потом, потом только поняла, что Клавдия Васильевна догадывалась, что предстоит там

увидеть ее молодой соседке.

Она оглянулась на Костю. Лицо его отнюдь не горело энтузиазмом при мысли о том, что завтра надо ни свет ни заря тащиться в жуткую даль по оледенелой дороге. Однако и особого протеста Лида на этом румянном, веснушчатом лице не обнаружила. Вид у Кости был деловито-озабоченный: с таким выражением он, к примеру, искал бы в гараже какую-нибудь запчасть, явись кто-то из соседей попросить о помощи. Или пошел бы перетаскивать шкаф к друзьям, если бы его позвали. Надо человеку – значит, надо, приходится помогать, к тому же ему велела теща, а тещу детдомовец Костя Поливанов обожал как родную мать, так ее и называл и послушаться ее даже и помыслить не мог. Но что-то тут еще было... что-то еще... Это Лида почуяла и в тот вечер, когда уговаривалась с Костей о времени завтрашнего выезда, и ощущала потом, всю дорогу, хотя Костя был по натуре молчун, каких мало, и не только лишних вопросов о Сергее – вообще никаких вопросов не задавал.

Обозначилось это *что-то*, когда уже доехали до места и убедились: к дому не проехать. Нужен как минимум час работы снегоуборочного комбайна, чтобы очистился проселок. Да и пешком пробраться тут было проблематично. Честно говоря, Лида надеялась, что кто-нибудь да проторил дорогу на окраину, но если даже и была раньше какая-то тропа, то три дня непрерывного снегопада ликвидировали ее подчистую. Лида обула для путешествия в деревню свои самые теплые и высокие сапоги, однако тут нужна была обувь еще посерьезней. И она была почти готова к тому, что придется возвращаться домой несолоно хлебавши, но тут Костя, приткнув свою «Ниву» у магазина и заглушив мотор, вытащил из-под заднего сиденья лопатку и две пары невероятно высоких и больших валенок, а в придачу к ним толстые шерстяные носки – тоже в количестве двух комплектов.

- Переобувайся, – приказал Лиде и сам принялся расшнуровывать свои замшевые меховые ботинки.

Она испуганно похлопала глазами:

- Костя, да ты что? Со мной идти задумал?

Он кивнул, сосредоточенно заправляя брючину в носок.

- Но какой смысл? – пожалала плечами Лида. – Я даже не уверена, что туда надо идти. Если бы он был там, печку топил бы, наверное. А ведь ни дымка, ничего.

Костя посмотрел на нее со странным выражением. «Жалеет он меня, что ли?» – изумилась Лида, но решила, что это ей почудилось: с чего бы это Косте вдруг ее жалеть?

- Может, тебе и вправду идти не надо, – покладисто кивнул он. – А я все-таки схожу.

- Да зачем?! Почему?!

Костя был человеком на редкость терпеливым и, как рассказывала Женя, из себя практически никогда не выходил. Единственным признаком раздражения и злости было у него то, что он иногда вдруг прикрывал глаза на несколько мгновений.

Вот и сейчас Костя вдруг прикрыл глаза, а потом взглянул на Лиду и терпеливо так объяснил:

- Затем, Лидочка, что, пока ты по заграницам своим раскатывала, мы с Серегой соседями были. Соседями и друзьями. А мать ему в КПЗ первые передачи носила вместе с твоей тетей Симой. Понятно? Я не в упрек тебе говорю, – тотчас спохватился добродушный Костя, увидав,

как исказилось Лидино лицо. – Только ты Серегу успела уже забыть. Не твоя вина, понимаю, так жизнь сложилась. А мы его помним. И еще... ты извини, может, не мое дело такие вещи тебе говорить, но... Но ты все же вспоминай иногда, *кого* он на тот свет отправил.

Несколько секунд Лида не могла справиться с голосом, но наконец все же ухитрилась кое-как выдохнуть:

– Откуда ты знаешь?

Костя быстро вспыхивал и быстро остывал: сейчас лицо его имело виноватое выражение:

– Мать сказала.

– Понятно... – пробормотала Лида, отводя глаза.

Ну да, она так и знала, что тетка непременно кому-нибудь проговорится о той постыдной, давней-предавней истории. Еще ладно, если известно обо всем стало только Поливановым, а ну как весь дом судачил насчет того, что Серега Погодин вдруг, спустя пятнадцать лет, взял да и рассчитался с сукиным сыном, который однажды едва не изнасиловал Лиду – тогда еще совсем девочку? Мало-де было Сереге, что он еще тогда избил Майданского-младшего чуть не до смерти – вдруг, через столько-то лет, вновь разыграло ретивое, и на сей раз пакостник не ушел живым.

Чепуха, конечно. Сергей отлично знал, что та позорная история давно перестала иметь для Лиды значение. Ведь Майданскому ничего не удалось с ней сделать! Ну, напугал он ее, это точно... ну и что? Вломил ведь ему Серега по первое число – и этим словно бы перечеркнул несвершившуюся беду. А Лида вообще очень хорошо умела забывать о неприятностях – тем более если на смену старым приходили новые. А со дня замужества с Виталием этих неприятностей на нее валилось – успевай только считать! И работать во Францию она уехала не оттого, что спасалась от тягостного прошлого, она бежала от мучительного настоящего!

Да, что и говорить – когда она узнала, кого именно убил Сергей, сразу мелькнула пугающая мысль, что здесь не обошлось без старой раны, зиявшей между ним и этим негодяем Майданским. Но она даже вообразить не могла, что об этом говорят, судачат соседи, что ее, выходит, косвенно обвиняют в случившемся...

Ладно, все это чепуха. Подумаешь, ну, посудачат о ней – не привыкать стать! Все ее счеты к Майданскому – это тако-ой плюсквамперфектум, что и думать о нем не стоит. Куда важнее сейчас убедиться, что Сергея в авдюшкинском старом доме нет и никогда не было!

Однако он оказался именно там.

Видимо, и правда соседи куда лучше знали ее сводного брата, чем сама Лида...

Костя торил тропу всем телом: маленькая лопатка в таких сугробах оказалась практически бесполезной, изредка приостанавливаясь, снимая вязаную шапчонку и вытирая лицо. Лида тащила следом, испытывая одно желание: снять с себя вообще все. Слишком тепло оделась. Все, что она могла сейчас, – это стащить дубленку и расстегнуть обе кофты. Но стоило остановиться, чтобы попытаться откопать калитку, как мороз начал доставать до всех вспотевших местечек, и она опять оделась.

Кое-как дорылись до основания калитки, кое-как сдвинули ее – чуть-чуть, лишь бы пробраться во двор, ну а тут дело пошло чуть легче: от основных снежных валов дом заслонял палисадник.

Проваливались уже не по пояс – только по колено. Ох уж эти нижегородские снегопады... Как разбухнет стихия – нет на нее угомону!

Костя долго чистил крыльцо. Лида, отупевшая от усталости и недобрых предчувствий, которые наконец-то начали ее мучить, смотрела на дверь, чувствуя, что там чего-то не хватает. Не сразу дошло: не хватало замка. Значит...

– погоди теперь, не ходи, – непререкаемым тоном заявил Костя, потянув на себя створку и убедившись, что она не заперта изнутри. – погоди, сказал! – рявкнул так, что Лида, вздумавшая было послушаться, словно примерзла к ступенькам.

Костя вошел. Какое-то время она слышала гулкий топот его валенок по застывшим половицам сеней и кухни. Потом стало тихо. Потом... потом она вдруг услышала голос! Костя с кем-то разговаривал – сначала тихо, потом все более сердито.

«Нашел! – так и ахнула Лида. – Он нашел Сергея! Наверное, тот пьяный, спит там в холоде, вот Костя его будит и бранит!»

Она вбежала в дом, распахнула дверь кухни и сразу уловила какой-то особенный запах – дыма и стужи. У нее сжалось сердце от этого запаха, тошнота подкатила к горлу.

Прижав к лицу сырую варежку, огляделась. На чистом столе три пустые бутылки из-под «Нижегородской», четвертая наполовину полная. Больше ничего, никакой еды. В кухню зачем-то притащен топчан из комнаты. А, понятно, зачем: на нем лежит Сергей, накрытый старым, до дыр протертым, еще дедовским тулупом, который они держали в сундуке и засыпали нафталином от моли. Запах нафталина примешивался к запаху дыма...

Костя стоял, загораживая собой Сергея, но говорил, оказывается, не с ним, а по мобильнику. Да, трубка была прижата к уху, и Костя выговаривал, почему-то задыхаясь, с трудом:

– Да, думаю, несчастный случай. Думаю, два дня назад. Один. Авдюшкино, Ав-дюш-ки-но! Дом на самой окраине. Адрес... Да какой тут адрес? Знаете что, мы вас будем ждать около магазина в синей «Ниве». Вы когда приедете? Понятно... Хорошо, будем ждать. Кто мы? Я – его сосед, ну, тут со мной и сестра его. Говорю, один он был, выпил, уснул, а вьюшку слишком рано закрыл. Ладно, сами посмотрите. Все, жду.

Он выключил телефон, сунул его в карман и остался стоять со склоненной головой.

Только тут Лида решила сдвинуться с места и обойти Костю.

Сергей лежал на спине – руки вытянуты вдоль тела; на груди, обтянутой свитером, – плеер: проводок тянется к наушнику-ракушке. Волосы откинута со лба, белое-белое лицо, слегка улыбающиеся губы, спокойно опущенные веки. Голова его чуть повернута – ровно настолько, чтобы изуродованная щека оказалась прижата к подушке, и Лида видела его четкий профиль с хищным горбатым носом и лбом, который казался подчеркнуто высоким и чистым.

Подбородок, и без того сильный, был сейчас еще немного выпячен, и лицо Сергея имело то дерзкое, немного насмешливое выражение, которое Лида так хорошо помнила. Это было обычное его выражение – раньше, давно, восемь лет назад – до их ссоры, до их взаимного отчуждения, ее отъезда – и их разлуки.

Их вечной разлуки...

Боже мой, за эти годы Лида успела забыть, как же красив, картинно красив был ее брат,

забыла изысканную лепку его черт, потому что тот человек, который несколько дней назад пришел к ней и робко попросил приюта в собственном доме, оказался так изуродован, так изможден, что невозможно было узнать в нем бывшего красавца. Только смерть вернула лицу Сергея то, что отняла у него жизнь!

Она сначала подумала о смерти, а потом только осознала, что Сергей-то мертв. Повела глазами по выстуженной кухне – и взгляд ее сразу ухватил задвинутую печную вьюшку. Эти бутылки на столе... Он опьянел, слишком рано задвинул вьюшку и...

Как же это может быть? Как? Но ведь они даже не успели ни о чем поговорить, она так и не набралась храбрости спросить у него, почему, как так вышло, что он убил Валерия Майданского и угодил в тюрьму?! Она не спросила, что же произошло там, на зоне, что стало причиной его увечья: несчастный случай, злой умысел? Она не успела рассказать ему, как...

- Сережа? – спросила она высоким, дрожащим, детским голосом. – Сережа, ты где?!

Спросила так, словно искала его и не могла найти, – как было раньше, безумно давно, в детстве, когда они играли в прятки в этом самом доме. Здесь тогда еще было электричество, но они нарочно выключали его во всем доме. Только в печке на кухне – в этой вот самой печке! – пляшут красные огоньки за тяжелой чугунной дверкой, пахнет сосновой смолой и горячей пшенной кашей. Тетя Сима уже спит в своей боковушке (она их страсть как любила, эти крохотные комнатенки, и нарочно выгородила такую боковушку даже в городской квартире, в крупноблочных двухкомнатных хоробах), спит крепко-крепко, иногда принимается храпеть, и эти рулады порою даже заглушают треск промороженных дров в печке. Лидочка радуется, когда раздается теткин храп: она знает, что Сережа не может его слышать без того, чтобы не расхохотаться, и прислушивается, наостряет ушки: не донесется ли откуда-то сдавленный хохоток, не выдаст ли, где спрятался брат? Но он сдерживается, молчит, затаился так, словно его и нет нигде вовсе. И Лидочка вдруг воображает, что брат украдкой сбежал – тихонько оделся и подался в соседние Кукушки, например, где танцы в клубе и кино, а потом все идут к девчонкам в общежитие и там занимаются с ними неизвестно чем, так что тетя Сима при одном только упоминании об этом общежитии начинает булькать, как выкипающий чайник...

Брат ушел... но что это шуршит за печкой? Запечник, который вылезет в ночи и начнет навевать страшные сны? Или шорох раздается из подполья? Наверное, сейчас как раз подпольник празднует свадьбу своей дочери, а ведь она была украдена им из колыбели, когда мать оставила ее без присмотра... говорят, подпольники крадут девочек, которые остаются дома одни. А Лидочка сейчас одна!

- Сережка, ты где?! – кричит она, с трудом сдерживая слезы, но они уже звенят в голосе и вот-вот потекут по щекам, и вдруг зловещее шуршанье под полом прекращается, из-под печки выбирается толстенный теткин кот Малофей, а сверху, с полатей, сваливается... Сережка!

- Ну чего ты, ревушка-коровушка? – спрашивает он своим снисходительно-взрослым, невыносимо-противным и обожаемо-родным голосом, беря Лидочку за косичку, связанную калачиком на затылке, и легонько подергивая за нее. Лида подныривает брату под мышку и утыкается лицом в худой бок (ребра пересчитать можно!).

Как хорошо... Как спокойно...

Как давно это было и не вернется никогда! Полати порушены... вся жизнь изменилась бесповоротно! Вот что самое ужасное: не вернуть ничего, и прощения не попросить, и не погладить изуродованное, исстрадавшееся лицо... то есть погладить-то можно, но ведь брат не

ощутит ее ласки. И не услышит отчаянного крика:

- Сережка, ты где?!

Не услышит и не ответит. Ни-ког-да.

Лида почти не помнила, как избыла тот день. Вроде бы Костя не позволил ей остаться возле мертвого брата, увел с собой, в «Ниву», брошенную ими около магазина. Сели ждать. Молчали, молчали... Приехала милиция - скоро или нет, Лида не осознавала. Наверное, скоро, потому что было еще светло, солнце в зените, когда они все вместе, гурьбой, вернулись в теткинскую избу. Лида пыталась сосчитать, сколько народу приехало, но почему-то никак не могла: оперативников было то двое, то трое, а то вообще пятеро. Они вместе в Костей положили Сергея на две доски и унесли в машину: подъехать-то было невозможно. Сказали, что увезут в морг, на вскрытие, хотя все в один голос говорили, что и так картина ясная: угорел, мол, парень - перепил и угорел. Может, конечно, траванулся водкой, но, скорей всего, она окажется нормальной, а вот гемоглобин покажет наличие угарного газа... Потом писали какие-то бумаги - тут же, на углу стола. Костя все их читал и говорил Лиде, где ставить подпись, если нужно, - она по-прежнему ничего не соображала.

Удивительнее всего было, что того слова, которое мрачно, тёмно, настойчиво билось ей в уши вместе с толчками взбудораженной крови, мешая слышать все окружающие звуки, - этого слова так никто и не произнес. Лида сначала едва не зарыдала оттого, что приехали какие-то недоумки, которые не видят очевидного: Сережа ведь не просто так угорел по пьянке, он с собой покончил, это ей было сейчас ясней ясного, а Клавдия Васильевна и Константин это еще вчера, выходит, подозревали!

Потом вдруг до нее дошло, что и оперативники, и следователь молчат вовсе не потому, что ничего не видят и не понимают. Они жалели ее - жалели сестру несчастного самоубийцы...

Наконец кто-то объявил, что все дела сделаны и пора уходить. А жуткое слово «самоубийство» так и не было произнесено.

Ушли все, кроме следователя да Кости с Лидой. Прошлись еще раз по комнатам, проверили, все ли заперто. И уже перед самым уходом заметили под диванчиком плеер - тот самый, незаметно соскользнувший с груди Сергея.

Костя его поднял. Следователь открыл его, увидел, что внутри стоит кассета. Перемотал пленку - она была короткая, такое впечатление, всего на пару-тройку записей, включил, вложив в уши «ракушки», предварительно протерев их - не без брезгливости - носовым платком.

Изумление на его лице сменилось странной тоской, а потом каким-то озлобленно-трогательным выражением.

- Да так, ничего особенного, - сказал он, выключая плеер. - Песня душевная. Плеер я заберу - мало ли, вдруг это вещдок. В протокол его внесли, не помните?

- Внесли, - кивнул Костя. - Погодите, а что там за песня?

- Послушайте, - разрешил следователь.

Костя приложил к ушам «ракушки», и Лида уставилась на его лицо. Она постепенно выходила из ступора и сейчас вдруг с неожиданной остротой осознала, что видит на лице Кости ту же

смену выражений, какую наблюдала только что на лице следователя.

Странная ревность одолела ее. Что узнали эти мужчины о ее мертвом брате - чего еще не знала она? Что за музыку слушал он? Раньше, помнится, любил «Машину времени», «Энигму», «Бони-М» и Розенбаума, а еще Чайковского любил, «Лебединое озеро» и Первый концерт для фортепьяно с оркестром. Кого из них позвал Сережа, чтобы сопровождали его в последний путь?

- Может, послушаешь, Лида? - Костя протянул ей плеер.

Она взяла, прижала магнитофончик к себе - неужели его заберут? Он потеряется там, в милиции, не исключено, его кто-нибудь присвоит, а вообще-то его можно положить в могилу с Сережей. Мысль о грядущих похоронах брата стала уж просто каким-то *coup de grace* [2] - контрольным выстрелом, по-нынешнему выражаясь. Чувствуя, что если сейчас расплатится, то уж не сможет остановиться, Лида с силой воткнула в уши «ракушки», с силой нажала на play.

Короткий проигрыш - и зазвучал женский голос, чуть хрипловатый, словно бы сорванный, неровный, тревожный:

Кружится снег - зима пришла опять,
Закат в крови - и жизнь к закату мчится.
Теперь настало время вспоминать
Тебя, моя прекрасная волчица!
Настало время вспоминать теперь
Тебя, царица, в тысяче обличий.
Матерый волк, вожак, отважный зверь
Всегда считал тебя своей добычей.
И лебеди летели на восход,
И клекот ястребиный в небе таял,
И мчался по реке последний лед —
И я увел тебя из волчьей стаи.
Навеки отражен в глазах твоих,
Навеки опьянен тобой, волчица...
Мы обрели свободу для двоих
И поклялись навек не разлучиться.
Опять пришла зима белым-бела.
Я одинок в снегах земного круга.
Скажи, зачем судьба нас развела
Так далеко-далёко друг от друга?
С тех пор я навсегда в твоём плену.
Взошла луна. Снег под луной кружится.
И волчья стая воет на луну...
Я умираю, красная волчица!
вернуться

2

Последний удар, решающий удар, убивающий удар - фехтовальный термин (фр.).

20 декабря 2002 года

Лида продолжала нажимать на кнопку, словно боялась, что лифт не послушается и поедет

назад, к этому черному мрачному взгляду исподлобья, к этому твердому рту и чуть подавшейся вперед в нетерпеливом ожидании фигуре убийцы.

Мельком удивилась, что Лола не возмущается, почему это ей не дали выйти из лифта. И вдруг заметила, что она тоже давит на кнопку – правда, не пятого, а четвертого этажа.

«Что-то забыла?»

Спрашивать Лида не стала – боялась не справиться с голосом. Да это и неважно было.

Четвертый этаж. Лола выскочила и, не простившись, не сказав ни слова, побежала по коридору мимо очереди дверей. Лида снова нажала на кнопку с цифрой «пять», подумав при этом, что внизу на табло сейчас высветилась четверка, и если убийца вздумает ее выслеживать, то искать будет именно на четвертом этаже. Небось решил, что она поехала туда...

Лидино воображение, подстегнутое страхом, вышло из-под контроля. Сейчас ей казалось возможным все самое невероятное: вот убийца отшвыривает в сторону охранника, который пытается его остановить, и даже выпускает в него пулю, то же делает с другим охранником, выбежавшим на шум из подсобки, перескакивает через турникет – и кидается к лифту.

Нет, лифт надо еще вызвать и дождаться, это долго. Он распаивает стеклянную дверь, ведущую на лестницу, и мчится через две, три ступеньки, хватаясь за перила и швыряя тело вперед и вверх, так что движется быстро, быстро, быстрее и не бывает... как пуля!

Пятый этаж! Лифт остановился, дверцы распахнулись. По Лидиным расчетам, убийца был сейчас где-то на втором этаже, может быть, приближался к третьему. Пока доберется до четвертого, пока обежит его, пока удостоверится, что жертва ускользнула... У нее есть пара минут!

Выскочила из лифта и, бросив затравленный взгляд в сторону стеклянной двери, ведущей на главную лестницу, побежала по периметру этажа, приближаясь к обычной неприметной двери, над которой в былые времена светилась надпись «Запасной выход», а потом лампочка перегорела, вкрутить новую руки ни у кого не доходили годами, поэтому о том, что существует еще одна лестница, знали только старожилы студии, ну и народ особо любопытный. Вроде Лиды Погодиной.

Лестница выводила не в вестибюль студии (хотя, если убийца оттуда убежал, там, может быть, как раз безопасно, а ну как не убежал, а ну как караулит по-прежнему?!), а во внутренний двор, где стояли гаражи и технические постройки. Ворота этого двора были всегда заперты, однако Лида не сомневалась, что как-нибудь выберется. Вроде бы в ангаре, где стояла громадная неуклюжая ПТС (передвижная телевизионная станция), есть калитка, которая выходит на боковую аллею парка Пушкина. Лида уговорит дежурного ее отомкнуть, уговорит непременно, но сначала надо туда добраться!

Она рванула дверь запасного выхода, выскочила на площадку и кинулась вниз по ступенькам. И пробежала не меньше этажа, прежде чем расслышала сквозь свое запаленное дыхание частую дробь чужих шагов.

Ноги подогнулись. Как она не подумала, что на четвертом этаже тоже есть выход на эту же самую запасную лестницу! И там-то, над дверью, кажется, табличка в порядке. Убийца обежал этаж и мигом смекнул, что жертва попытается спастись через черный ход.

И теперь бежит вниз, чтобы отрезать ей путь к спасению!

У Лиды подогнулись было ноги, но в этот миг логичность мышления, всегда бывшая ее самым сильным качеством и непременно помогавшая в трудные минуты жизни, робко приподняла задавленную слепым, безрассудным страхом голову и спросила: «А не глупость ли это?» В смысле, не глупость ли – бежать убийце вниз, вместо того чтобы перехватить жертву на лестнице? Ведь если беглянка почувет опасность, то запросто улизнет на тот же четвертый этаж, или на третий, или на второй, а тогда успеет выбраться из студии прежде, чем терминатор местного разлива спохватится!

А может, это вовсе даже и не он несется там впереди?

Лида приостановилась и свесилась в пролет. И в ту же секунду различила внизу тонкую руку, сжимающую красные варежки и скользящую по перилам. И поняла, кто это, еще прежде, чем снизу на нее поглядело бледное личико Лолы.

При виде Лиды она замерла, повисла на перилах, с усилием переводя дух, и Лида через минуту поравнялась с ней. Темные, яркие глаза Лолы казались огромными на помертвевшем лице, взгляд испуганно метался, алый рот приоткрылся, и Лида с привычной завистью подумала, что Лола обладает редкой красотой: ее не портит даже испуг, даже следы недавно пролитых слез, у нее даже веки после рыданий не опухли, и макияж умудрился каким-то непостижимым образом не размазаться! Она была гораздо больше похожа не на перепуганную женщину, а на актрису, которая играет перепуганную женщину.

А между прочим, с чего бы это Лоле пугаться?..

И стоило Лиде подумать об этом, как логика вновь высунула голову из-под пуховых подушек страха и спросила: «А зачем этот кошмарный парень, от которого ты так панически спасаешься, вообще притащился на студию? Почему, если он так уж обуреваем желанием убить тебя, не сделал этого там, в квартире Ваньки с Валькой, тихо и спокойно, без риска, без посторонних, а собирался учинить смертоубийство на глазах охранника и Лолы? Спыхватился, что оставил свидетельницу, которая видела его и может описать? Не поздно ли спыхватился? И вообще, откуда он узнал, где ты работаешь? А может быть, он пришел на студию вовсе не за тобой? А за кем тогда?..»

И тут догадка ужалила ее, как пчела!

- Лола, кто этот парень? – спросила она как бы между прочим.

Лола споткнулась и кубарем покатила бы с лестницы, если бы не успела ухватиться за перила.

- Како-ой па-арень? – простонала она, заикаясь, таким голосом, словно преодолевала дурноту, подступающий обморок.

- Тот, который ждал около лифта. Тот, от которого ты бежишь. Кто он такой? – настойчиво повторила Лида.

Какого угодно ответа она ждала, только не того, который последовал!

- Это мой жених, – упавшим голосом сказала Лола.

Ее жених?!

Теперь настала очередь спотыкаться Лиде... На счастье, они были уже на первом этаже, так

что ноги переломать она не рисковала. Здесь не горела лампочка, и дверь пришлось искать на ощупь. Кое-как, мешая друг другу и сталкиваясь руками, нашарили ручку, кое-как сообразили, куда ее поворачивать, чтобы открыть, – и наконец-то выскочили во двор.

– Гос-споди, – простонала Лола, – какой колотун! Побежали скорей!

Девушки ринулись по двору, причем Лола чуть впереди, а Лида отставала, не зная, чему больше дивиться: тому ли, что Лола ее ни о чем не спрашивает, как бы априори допуская, что ее жених – сущее пугало, от которого должны кидаться врассыпную все нормальные люди; то ли тому, что эта молодая актриса, гость на студии телевидения редкий, так хорошо знает местные закоулки. Сначала запасную лестницу отыскала, а теперь безошибочно ведет Лиду к тому самому хитрому гаражу, в котором имелся выход в парк Пушкина... Что характерно, Лоле даже не пришлось стучаться, спрашивать у кого-то разрешения: с уверенностью завсегда она отыскала какую-то дверцу, пробежала по темному, гулкому, выстуженному, пахнущему бензином помещению, в центре которого громоздилась громадная, застывшая ПТС, и мгновенно нашла нужную дверь. Та была заложена могучим засовом, словно ворота какого-нибудь амбара, однако Лола, поднатужившись, смогла его отодвинуть – и через минуту они выбежали на тропку, ведущую куда-то в глубь парка.

Лида оглянулась: дверь-то в гараж осталась незапертой! По идее, надо бы сообщить об этом охране, но как это сделать, интересно? По телефону позвонить? Но свой мобильный она сегодня забыла дома, а у Лолы неведомо, есть он или нет. Можно спросить... но слишком многое надо было Лиде спросить у этой загадочной красотки, чтобы тратить время на какой-то мобильник!

Ладно, доберется до дому и позвонит на студию. Авось ничего страшного в третьем часу ночи тут не произойдет. А произойдет – ну что ж, сами хозяева виноваты, надо покрепче двери запирать. Чтобы две ошалевшие от страха девицы не смогли с ними справиться!

А вот, кстати, – насчет ошалевших от страха... Созрел первый вопросик для Лолы: с чего это она так перепугалась, увидев любимого жениха?

Но спросить Лида не успела, Лола ее опередила:

– Слушай, ты в верхней части живешь?

Вопрос для аборигенов не праздный. Нижний Новгород разделяется на две части: верхнюю, расположенную преимущественно на довольно высоких Дятловых горах над Окой, а также над местом ее слияния с Волгой, и нижнюю, называемую еще Заречной и занимающую низину между двумя реками, от знаменитой Стрелки до Волжского железнодорожного моста. В верхней части находятся все вузы, в том числе и университет имени Лобачевского, кремль, музеи, центральная улица Покровка, площадь Минина и Пожарского, элитные дома, Верхневолжская набережная – любимые места скопления нижегородцев. Что характерно, Нижневолжская набережная, регулярно затопляемая при весенних разливах, тоже считается принадлежностью верхней части города. Такой вот топографически-географический парадокс. То есть верхняя часть – это все правобережье. Нижняя часть, левобережная, – это площадь Ленина, Сормово, автозавод, Московский вокзал, Канавинский базар... Жизнь в той или иной части города проводит между нижегородцами-снобами (а с некоторых пор в этом чудном городе завелись и такие – с подачи москвичей!) и остальными жителями незримую, но достаточно четкую грань. Впрочем, и снобы полагают, что уж лучше жить в самом захудалом районе нижней части Нижнего, чем в области. Но так думают все на свете горожане!

- Ну да, в верхней, - ответила Лида. - На Полтавской. А ты?

- В Гордеевке, - махнула рукой Лола (микрорайон Гордеевка находится за Московским вокзалом - то есть в нижней части города). - Туда сейчас не добраться. Да и боюсь я... - Она оглянулась на высоченную телевышку, нарядно перемигивающуюся огоньками, словно новогодняя елка, и вдруг схватилась за Лиду обеими руками: - Слушай, пусть до утра перекантаются, а? А то мне хоть в сугробе ночуй. Денег нет, да и боюсь я домой возвращаться!

Лида терпеть не могла таких случайных ночевальщиков. После случившегося с Сергеем она жила одна, совершенно одна, и гостей своих всегда старалась выпроводить пораньше, пока еще ходил транспорт, а в крайнем случае - вызывала им по телефону такси. Строго говоря, она могла и сейчас махнуть какой-нибудь проезжающей мимо машине, сунуть шоферу сотню и спровадить безденежную актрисульку в ее Гордеевку. Она, в общем-то, почти так и поступила: проголосовала бродячему такси, но вместо Гордеевки велела ехать на Полтавскую и отделалась не сотней, а всего лишь пятьюдесятью рублями. Все равно обдираловка: езды от телецентра до Полтавской по Белинке - ровно три минуты. Она поступилась принципами потому, что вопросы Лолы все-таки не были еще заданы. А Лиде надо непременно выяснить, связан ли ужас Лолы перед явлением жениха с тем жутким происшествием, которое приключилось утром с Ванькой и Валькой? Иначе говоря, известно ли ей, что именно этот остроглазый мрачный тип стрелял в главных героев «Деревеньки»? Это вопрос первый и главный. Второй же связан с личностью жуткого жениха. Лиде до зарезу надо было знать, кто он: профессиональный киллер или обыкновенный провинциальный Отелло? Еще ей требовалось выяснить его домашний адрес и телефон...

Если кто-то думает, что она намеревалась отнести эти сведения в милицию и помочь оперативникам в розыске человека, покушавшегося на Ваньку с Валькой, то он глубоко ошибается.

10 апреля 2002 года

Не раз и не два было замечено, что все самое важное происходит в жизни случайно. И если проследить ту цепочку, которая вела к событиям, ставшим в твоей судьбе определяющими, поразишься, с какой мелочи, ну просто-таки с ерунды все началось! Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда... Вот именно: когда б мы знали, из какой ерунды раздувается иной раз вселенский пожар, опаляющий наши лица... и лица тех, кто рядом с нами!

Все уже осталось позади: и Серезины похороны (единогласное решение следствия было: смерть в результате несчастного случая - после алкогольного опьянения и отравления угарным газом), и девятины, и сороковины, и Лида постепенно снова начала привыкать к своей размеренной одинокой жизни. Но тут в нее ворвалась «Деревенька», и пришлось подстраивать свои дела под расписание трактов (Саньч требовал непременно присутствия на них сценариста, понятия «не могу» для него просто не существовало), опаздывать из-за этого на лекции или вообще переносить их (Лида вела факультативный курс русской демонологии в университете - практически бесплатно, из любви к искусству, как говорится), писать не просто когда и что хочется, а то, что потребно Саньчу в данный конкретный момент. Порою то, что он одобрял вчера, сегодня казалось ему никчемным барахлом, поэтому Лида вскоре привыкла просыпаться от его безумных звонков в половине пятого утра и, путаясь в халате и остатках сна, срочно падать за компьютер и переделывать уже принятую сцену. Надо было встречаться со спонсорами передачи... В принципе, их брал на себя Саньч, но отчего-то эти новорусские

скоробогачи становились гораздо податливее и щедрее, когда болтливый телевизионный хиппарь приводил с собой молчаливую, сдержанную, порою надменную, порою откровенно высокомерную, красивую Лидию Погодину – типа, писательницу, кандидата наук, в натуре, чисто интеллигентную, конкретно, местную знаменитость! Короче, выпадали дни, когда она себя не помнила из-за суеты. Воистину, довлеет дневи злоба его! И вот как-то раз, за кофе, одним глазом заглянув в программу телепередач, Лида увидела анонс фильма, который она давно хотела посмотреть. Это были голливудские «Опасные связи». И, конечно, – вот свинство! – он шел по местной программе ННТВ именно в то время, когда была назначена запись очередной «деревеньковской байки».

На счастье, у Лиды имелся видеомагнитофон, который, само собой разумеется, можно было запрограммировать на какое угодно время. Но именно тогда, когда она обозначала часы и минуты начала фильма, за спиной раздался телефонный звонок. От неожиданности палец въехал в единицу вместо двойки, Лида этого не заметила. Так вот и получилось, что видеомагнитофон включился на десять минут раньше, и перед фильмом записалось несколько рекламных роликов.

Усевшись на другой вечер – свободный, домашний, не «деревеньковский»! – на диван и включив видак, Лида, конечно, сразу поняла, что ошибочка вышла, но делать было нечего – и она терпеливо разглядывала какой-то кабинет с огромными хризантемами, стоящими в вазе почему-то на верхушке книжного стеллажа, письменный стол, за которым сидела улыбающаяся красивая женщина; темноватый зальчик, столики, задвинутые в полутемные, уютные ниши, стойку бара, чуть-чуть приподнятую над полом эстраду, каких-то девиц и парней, которые выплясывали под музыку, изувеченные рубящими лучами стробоскопов.

«Ночной клуб, что ли, новый открылся?» – устало подумала Лида. Потом на сцене появился худенький трогательный парнишка лет двадцати, не больше, с ворохом соломенных волос, стянутых на затылке: парнишка брэнчал на гитаре; потом мелькнула высокая женская фигура в красном длинном платье и с длинными красными же волосами. В руке у нее был микрофон – кажется, она пела, Лида удивилась, узнав ту же красивую женщину, которая сидела за письменным столом: видимо, она была и директором клуба, и выступала в нем. Хорошо поставленный мужской голос зазывал всех нижегородцев и «гостей нашего города» в новый ночной клуб (Лида похвалила себя за догадливость), который открылся на Рождественской улице, недалеко от знаменитого «Барбариса», и назывался «Красная волчица».

Как? Что такое?!

Лида нажала на stop, перекутила пленку на начало и снова просмотрела ролик.

После него прошла еще какая-то реклама, потом начался фильм, который она так мечтала посмотреть, но Лида не видела ни блистательного Джона Малковича, ни юного красавчика Киану Ривза, ни порочно-хорошенькой Умы Турман, ни кого-то другого из знаменитых актеров, снятых в этой лучшей из экранизаций романа Шодерло де Лакло. В конце концов она выключила телевизор.

Ладно, фильм от нее не уйдет! А вот «Красная волчица»...

Красная волчица! Песня, которую слушал Сергей в последние минуты своей жизни!

Плеер и пленку ей, конечно, не вернули, но именно об этой потертой старой кассете она жалела куда больше, чем об изделии великих Panasonic'ов. Все это время подспудно размышляла: почему из великого множества мелодий и песен Сергей выбрал именно эту? Что

значила она для него? И что за странное словосочетание – «красная волчица»?

Лида была девушка дотошная, она посмотрела в энциклопедию и узнала, что красными волками называются китайские степные волки, имеющие рыжий оттенок шерсти, но все же рыжий, а не красный! Однако Лида вспоминала свой сон... Накануне того дня, как она узнала о смерти Сергея, она видела красную волчицу, даже двух. Теперь Лида не сомневалась, что этот сон возник не просто так – ей послал его именно умерший брат. И вот, оказывается, в Нижнем существует еще какой-то человек, для которого это сочетание слов – красная волчица – столь же знаменательно, как и для Сергея, а потом и для Лиды. Или это просто совпадение?

Так или иначе, она должна была все выяснить досконально.

Не столько ради Сергея, сколько ради себя.

Между прочим, до чего странная вещь – эти родственные чувства! Откуда что берется и куда девается? Как уже говорилось, Сергей был Лиде сводным братом: Николай Погодин женился на Марии Вересовой, будучи вдовцом с семилетним сыном. Маша три года воспитывала Сережку как родного, потом родила дочку Лидочку. Когда той было шесть, а Сереже, стало быть, шестнадцать, родители погибли – уехали отдыхать в Грузию и во время экскурсии по Военно-Грузинской дороге попали под лавину.

На дворе стоял 1976 год. Николай Погодин хорошо зарабатывал – он был ведущим инженером на военном заводе, а начинал вообще в Магадане, где в те советские времена платили бешеные деньги. Поэтому у сирот остались квартира, машина, очень неплохие сбережения. Мгновенно повзрослевший Сергей вызвал из деревни тетку – сестру отца – и поручил ей Лиду. Тетя Сима поворчала, конечно, что придется бросить хозяйство, но детей она очень любила, поэтому смирилась с тем, что превратилась из деревенской жительницы в городскую дачницу. Под ее ласковым приглядом, не больно-то стесненные в средствах (обоим до совершеннолетия полагались пенсии за погибших родителей, да и отцовы сберкнижки позволяли стоять на земле уверенно, деревенский огород обеспечивал их продуктами), ребята окончили школу, занимаясь, чем хотели: Сергей – баскетболом, плаванием и стрельбой; Лида – французским языком, танцами, музыкой, да еще она ходила в фольклорно-музыкальный кружок «Рябинка» при областном Доме фольклора.

Там-то и приключилась с ней история, о которой до сих пор было тошно, стыдно, поганно вспоминать... тем более, если послушать соседей, история эта стала поводом к трагедии Сергея.

В те блаженные советско-патриархальные годы детское творчество процветало и поощрялось. Фольклорно-музыкальный кружок пользовался жаркой любовью первого секретаря обкома партии, который был родом не из Нижнего, а из области и вообще увлекался краеведением. С легкой руки «первого» фольклорный коллектив поощряли все, кому не лень. Его беспрестанно посылали на разные слеты, приглашали выступать перед «высокими гостями» (был в ту пору такой официальный термин), без него не обходился ни один праздничный концерт в Нижегородском кремле. Разумеется, идеологическая направленность танцев, песенок и драматических сценок непременно курировалась свыше – по принципу, как бы чего не вышло. Тогда вообще все на свете курировалось. Может, в этом и был смысл... Короче, среди прочих надсмотрщиков, приставленных к «Рябинке», был молодой инструктор отдела культуры обкома комсомола Валерий Майданский. Был он партийцем потомственным: его отец работал завотделом культуры обкома партии, и Валерий считался кадром сугубо проверенным, доверенным и серьезным. Однако никто не знал, что двадцатипятилетний инструктор питал

патологическую слабость к девочкам-подросткам – тем, кого Владимир Набоков называл нимфетками. Ни о каком Набокове Валерий Майданский, понятное дело, и слыхом не слыхал: книги этого «белогфардейца» были в то время под запретом, да и вообще, чтение было его слабым местом, Валерий больше увлекался парными телодвижениями под музыку, однако длинноногие и длиннорукие, по-щенячьи неуклюжие девчонки приводили его в исступление, сходное с тем, которое испытывал Гумберт по отношению к Лолите. Лида Погодина, задумчивая и отстраненная, высокомерная недотрога, которая в наш суетный мир словно бы заглядывала по необходимости, пребывая, как правило, в мире собственном, далеком отсюда, распалила воображение Майданского так, что он совсем перестал владеть собой. И однажды после комсомольского слета, на котором выступала «Рябинка», изрядно подвыпивший инструктор поймал Лиду в укромном закутке ТюЗа (там проходил слет, там же были накрыты щедрые столы для его участников), в одном из многочисленных и довольно глубоких «карманов» сцены, прижал ее к себе и принялся целовать и тискать. Совершенно ошалелая от изумления и страха, Лида минуту или две не сопротивлялась. Валерик распалился донельзя, воспринял это как зеленый свет и повалил девчонку на грудь какой-то мягкой бутафории. Он уже задрал ей юбку и начал стаскивать колготки, когда Лида очнулась и завизжала так, что пыл Валерика угас, а страсть сменилась страхом. Не дожидаясь, пока сбегутся люди, он выпустил девочку и спрятался среди декораций, откуда потом незаметно выбрался в зал – как ни в чем не бывало.

А Лида между тем кинулась бежать. Дело было зимой, в январе, в двадцатипятиградусный мороз, однако она выскочила на улицу как была – в танцевальных туфельках, ситцевом сарафане и батистовой рубашке, начисто забыв про шубку, – и пробежала так через площадь Свободы, Театральный сквер и два длинющих квартала улицы Белинского, ворвалась домой и потеряла сознание на руках открывшего ей Сергея. Ей было тринадцать, ему – двадцать три, парень был уже опытный и сразу понял, что именно напугало сестру. Сообразил он также, что самого страшного не произошло, а потому остановил тетку, порывавшуюся звонить в милицию и «Скорую помощь», и взялся сам приводить Лиду в чувство. Дождался, пока она открыла глаза и расплакалась – значит, напряжение ее отпустило, – спросил одно только:

– Кто?

Видимо, такой был у него голос, что Лида мгновенно перестала плакать и назвала своего обидчика.

Сергей, внешне совершенно спокойный, оделся и ушел в ТюЗ. Громкого скандала он не хотел: боялся опозорить сестру, пойдут разговоры – не остановишь, а у нее жизнь впереди. Поэтому дождался, пока комсомольцы наелись, напились и стали расходиться, пристроился к полупьяному Валерику (тот уже успел забыть смертельно напуганную девчонку: снял напряжение с какой-то штатной давалкой в том же «кармане», и теперь ему было море по колено) и проводил его до дома. Но, войдя вслед за ним в подъезд, подняться на этаж ему не дал: отметелил так, что Валерик остался без передних зубов – как нижних, так и верхних, – потом приказал раздеться до трусов (Сергей был брезглив!) и заставил сдать стометровку тут же, вокруг дома, босиком по снегу. Затем закопал парня в сугроб – чтобы охладился малость! – и, постояв над несчастным маньяком минут пять, спокойно ушел.

Самое поразительное, что эта история не имела вообще никакого продолжения. Сергей отлично понимал, что Валерий его узнал – да он и не прятал лица, не скрывал от пакостника, за что свершается над ним эта месть, – но при всем при том он был убежден: Майданский не осмелится и слова пикнуть против него. Им приходилось пересекаться и раньше в молодежных компаниях, где за Сергеем утвердилась слава абсолютно бесстрашного, рискованного человека, который на спор хоть бутылку шампанского выпьет, сидя на подоконнике четвертого этажа

(как Долохов), хоть расколотит окна в пикете милиции на площади Минина – центральной площади города, хоть въедет на мотоцикле в университетский корпус (Сергей учился на радиофаке), когда там идет торжественный митинг, посвященный... да чему угодно посвященный, хотя бы первому выступлению римских рабов против патрициев под интернациональным лозунгом «Хлеба и зрелищ!». Майданский отлично знал репутацию Сергея и понимал, что, если решит пожаловаться партийному отцу и напустит на мстителя местных ментов, Погодин тоже молчать не станет. И уж тогда Валере Майданскому мало не покажется. А если еще при этом всплывут и прежние грешки любителя маленьких девочек, заботливо прикрытые отцом и его приятелями из областного УВД...

Короче, в ту безумную ночь Валерий притащился домой и сказал, что его били не-знаю-кто-не-знаю-где-не-знаю-почему. Сломанный нос ему выпрямили, зубы вставили, благоприобретенную в сугробе пневмонию вылечили и перевели на работу в отдел строительства обкома комсомола. Завотделом. То есть повысили в должности.

Вскоре Валерий, человек вообще-то легкий и не отягощенный особым умом (про таких в народе говорят: «Думает не головой, а головкой!»), забыл и Лиду Погодину, и ее опасного братца. Или почти забыл. При всей своей дурости он был немного философом и понимал, что пострадал за дело и еще легко отделался. Ведь Сергей мог его вообще убить...

Уж не предчувствие ли вешее его посещало? Но если даже и так, Валерий был слишком самоуверен, чтобы прислушиваться к каким-то там предчувствиям!

Нижний Новгород – город не бог весть какой большой, но все же и не столь маленький. Здесь можно годами не видеть старых знакомых – особенно если не стремишься с ними встречаться и вы вращаетесь в разных сферах. Особенно если страна в это время вдруг пошла вразнос и надо пытаться как-то усидеть в этой полуразбитой колеснице. Каждый думал о себе, и было не до старых обид и старых счетов.

Во время павловской реформы остатки сбережений Николая Погодина, заботливо оберегаемые его сестрой, превратились в нечто эфемерное. Лида в это время доучивалась на филфаке университета и уже была замужем за Виталием Приваловым, своим другом детства (они когда-то вместе занимались еще в том приснопамятном фольклорно-музыкальном детском коллективе). Вместе с мужем и его приятелем Иннокентием Корневым они организовали первое в Нижнем Новгороде частное издательство и попытались наводнить рынок той литературой, которую все трое любили больше всего на свете: сказками.

К сожалению, это было время всеобщего беспредела. Тот, кто помнит, меня поймет, а кто не помнит, все равно не поверит. «Лимонные» состояния (это никакая не метафора, ибо деньги в ту пору были такие – миллионы-«лимоны») наживались и исчезали за один день, а то и за час. Получить товар от поставщика и не заплатить – вошло в норму, это называлось «кинуть». Фальшивые накладные, фальшивые авизо, фальшивые договоры и ордера... Финансовые пирамиды, обман на каждом шагу, полный беспредел, полуматерное слово «плюрализм», как девиз жизни... Зазвучали первые контрольные выстрелы, профессия киллера вошла в моду, а самыми авторитетными и значимыми людьми стали воровские «авторитеты». Они определяли цены, моды, политику (хотя нет, политику страны определяло ЦРУ!), музыкальные и литературные пристрастия, стиль жизни и стилистику речи.

Это было безумное время... Впрочем, почему было? Оно и теперь продолжается, просто мы к нему малость приспособились, привыкли, стали воспринимать как норму то, от чего раньше падали в глубокий обморок, умирали от инфаркта или травились выхлопными газами в автомобиле.

Но вернемся в 1991–1992 годы и в Нижний Новгород. Издательство «Ребус», руководимое Лидой Погодиной, Виталием Приваловым и Иннокентием Кореневым, распродало сотни тысяч тиражи своих сказок по городам и весям и теперь тратило целые состояния на телефонные переговоры, пытаясь выколлотить деньги из недобросовестных плательщиков. Как назло, именно в это время полным ходом шел распад Союза, намечался распад России, «самостийные и незалежные» страны Балтии, Грузия, Украина, Казахстан и иже с ними плевать хотели на какое-то там нижегородское издательство, которое мечтало получить свои кровные. Отдельные, особо мечтательные футурологи грезили о создании Дальневосточной республики. А потому один из покупателей сказок, сахалинский предприниматель Игорь Малышкин, решил не выбиваться из стаи и кинуть этих волжских лохов на двадцать пять тысяч долларов.

Сумма-то, может, была и не бог весть какая... но дело в том, что ее взял в долг Иннокентий у каких-то очень серьезных мужиков. Трудно было поверить, что с ним сделают именно то, что грозились, однако приятели все же решили подсуетиться и начали ездить по неправедным должникам с просьбой вернуть деньги. Поездки в Киев и Ташкент толку не принесли. Грозный вообще разучился говорить по-русски. Однако на Сахалине Виталию неожиданно повезло. Он выдрал-таки из Малышкина – то ли подбредшего, то ли усовестившегося, то ли напугавшегося при виде «варяжского гостя» – всю сумму долга и полетел домой. Однако при пересадке в Красноярском аэропорту деньги у Виталия были отняты какими-то лихими людьми, так что он вернулся домой с дрожащими руками, ножевым порезом на боку и прорезанным же карманом куртки. Разумеется, пустым...

История в то время совершенно типичная, никого не удивившая, и последствия она, увы, имела тоже типичные. И кошмарные.

Через неделю после возвращения Виталия Иннокентий, который не вернул в срок долг, был избит до полусмерти и чуть не полгода провел в больницах. Его беременная на пятом месяце жена была так напугана случившимся с мужем, что у нее случились преждевременные роды, и она умерла от болевого шока.

Но эти страшные события проходили как бы вдали от Погодиных-Приваловых, потому что Лида немедленно после возвращения мужа с Сахалина заявила о своем намерении развестись с ним.

О причинах этого она ни брату, ни тетке не сказала. Просто вернулась в свою прежнюю квартиру и попыталась жить, как жила прежде. Однако это не получилось, потому что Сергей, который тоже дружил с Виталиком много лет, оскорбился за друга и откровенно сказал сестре, что подло бросать человека, которого и так стукнула жизнь.

– Видимо, ты рассчитывала, что он начнет приносить тебе в клювике легкие денежки? – беспощадно спросил Сергей. – Значит, в радости ты быть с ним готова, а как насчет горя? Пройдешь стороной? А может быть, ты хотела что-то урвать втихаря от этих двадцати пяти тысяч баксов, которые он не привез? Слава богу, что те подонки, которые его ограбили, уберегли тебя от искушения, иначе то, что случилось с Кореневым, было бы сейчас на твоей совести!

В ответ Лида промолчала – и брат с сестрой вообще не разговаривали месяц. За это время Лида, которая все эти годы параллельно с учебой на своем филфаке упорно занималась французским языком, познакомилась с девушкой-француженкой и вскоре уехала к ней погостить. Совершенно неожиданно для себя она нашла работу в Париже. Именно тогда в столицу мировой моды хлынули потоком новые русские богачи, битком набитые деньгами, жаждущие их потратить, но не умеющие связать даже двух слов для того, чтобы выразить свои намерения. Лида устроилась в Галери Лафайет (там работала ее новая подруга) переводчицей-

консультантом и пять лет только и делала, что переводила с французского на русский все, что имело отношение к одежде, белью, обуви, аксессуарам, косметике, посуде, пластинкам, книгам, видеокассетам и компьютерным дискам... Она хорошо зарабатывала, она была довольна жизнью, она вполне могла бы остаться во Франции, если бы захотела, например, выйти замуж, ибо у нее было два очень даже серьезных кавалера! Но три года назад она получила известие о том, что Сергей арестован за убийство Валерия Майданского и получил пять лет лагерей, а тетя Сима умерла.

Пришлось возвращаться. Страшно звучит, конечно, однако Лида была рада вернуться - пусть и по такому печальному поводу. Она была из тех людей, которые способны жить полноценной жизнью только дома, только на родине. Страшно захотелось наверстать все, чего она сама себя лишила: например, защитить кандидатскую диссертацию по русской демонологии. Деньги у нее были, и немалые: в Париже она хорошо зарабатывала, а жила очень скромно.

Вскоре Париж забылся, как прекрасный, но далекий сон. Напоминали о нем только вещи, которыми Лида обзавелась на годы и годы вперед: свитерки, юбки, брюки, блузочки, пиджачки... В Галери Лафайет для персонала часто устраивались распродажи по поистине смехотворным ценам, так что она и впрямь изрядно прибархла.

Теперь жизнь ее резко изменилась. Сидела в библиотеке, готовила диссертацию, вела факультативы, занималась оформлением невеликого наследства, хлопотами о брате: посылками, переводами, письмами... От свиданий с Лидой Сергей отказывался: он находился в лагере в Оренбургской области и считал, что сестре ни к чему подвергать себя таким тяготам и ехать бог знает куда, чтобы встретиться с ним. Ничего, скоро это кончится. Осталось три года, осталось два года...

Он вернулся этой зимой - подобием человека. Вернулся, чтобы умереть.

За годы разлуки они стали чужими: ведь не переписывались, не перезванивались, когда Лида была в Париже, связь между ними осуществлялась только через тетю Симу. И только страшное увечье Сергея и его тихая, воистину *мученическая* смерть заставили Лиду осознать: кровь - не вода, и есть в кровной связи людей нечто не объяснимое словами да и, наверное, не нуждающееся в объяснениях. Она не предполагала - она вдруг безошибочно почувствовала той кровью, которая была у нее общей с Сергеем: его преступление, увечье, его гибель - не случайность. Не просто роковое стечение обстоятельств! Это звенья одной цепи... цепи, каким-то образом замкнутой словами «красная волчица».

Сначала они были просто эфемерным образом, бесплотной тенью. Теперь в них забились, заиграла некая жизнь. Так мигают, словно пульсируют, разноцветные огоньки на вывесках в ночных клубах.

Вывеска «Рэмбо» была синяя, «Льва на Покровке» - золотая, «Гей, славяне!» - голубая; вывеска «Барбариса» ослепляла смешением красок. Ну а у «Красной волчицы», само собой, она была красная.

Как зимний закат. Как кровь.

Закат в крови - и жизнь к закату мчится...

20 декабря 2002 года

Пистолет вдруг выпал из его рук, и патроны начали один за другим выкатываться из ствола с

протяжным, заунывным звоном...

Что за чушь? Как они могут выкатываться?!

Ярослав вздрогнул, открыл глаза и уставился на пол. Никакого пистолета там и в помине нет, разумеется. И, уж конечно, никаких патронов. Приснилось? Неужели он заснул? Ну, видимо, да... А этот назойливый звон – его издает тот предмет, которому положено звонить по должности. А именно – дверной звонок.

Ярослав с усилием приподнялся с кресла: по своей дурацкой привычке он сидел, поджав ногу, и та затекла. Бросил взгляд на часы, стоявшие напротив, на телевизоре, – сколько? Шесть?

Шесть?! Он что, весь день проспал, до вечера? Судя по всему, да, потому что кому взбредет в голову являться в гости в шесть утра? Главное дело, сейчас-то, в декабре, что в шесть утра, что в шесть вечера – на улице одна картина: темень! Правда, в шесть вечера в домах светятся окна. А в шесть утра нормальные люди еще спят.

Все еще припадая на затекшую ногу, он шагнул к окну, выглянул. Слава те, господи, в многоэтажном доме на той стороне Звездинки освещены только несколько окошек. Значит, он проспал не весь день, а только час или полтора. Да и то, если рассудить, за день сидения в кресле нога не просто бы затекла, но и вовсе отвалилась бы, а теперь уже ничего, «оттерпла», можно идти и выяснять, кого это принесло ни свет ни заря.

Он уже стоял у двери, когда вдруг пришло в голову, что это явилась Лола. Хотя нет, вряд ли. Не для того она так панически смывалась от него несколько часов назад, чтобы сейчас взять да прийти с повинной головой!

Скорее, там не Лола, а те, кого она привела с собой... Узнала о случившемся, перемножила два на два и поняла, *кто виноват*. И решила, что ее очередь следующая. А что она еще могла подумать после его дурацкого появления на студии телевидения? А он ведь просто хотел спросить, зачем она этих ребят подставила? Ведь после того, что Ярослав узнал из «Трудных итогов», стало ясно, что он сваял невиданного дурака! Забавно: никогда не смотрел эту передачу, терпеть не мог ее ведущего, напоминающего живого покойника, однако именно этот типчик открыл ему глаза на величайшую ошибку его жизни.

Да нет, не могла Лола оказаться такой стервой, не могла!..

Звонок вновь залился трелью. Ярослав угрюмо покачал головой. Может, он и дурак, но уж трусом-то никогда не был. Хватит стоять тут, словно в надежде, что тот – вернее, *те!* – кто ломится в дверь, передумают и уйдут. Как будто в шесть утра эти ребята приходят для того, чтобы тотчас же *передумать!*

В двери не имелось глазка, а Ярослав был слишком горд, чтобы задать сакраментальный вопрос: «Кто там?» Уже поворачивая ручку замка, вспомнил, что те двое тоже точно так же не спросили, кто это к ним пожаловал, а просто открыли – и... Уж кто-кто, а Ярослав отлично знал, чем это для них кончилось! А вдруг его ждет то же самое?!

Но было уже поздно нравственно пятиться. И Ярослав, вздохнув и покачав головой, как бы подготовив себя к худшему, взял да и открыл наконец дверь.

Никаких «ребят» там не оказалось. На площадке стояла высокая молодая женщина в куртке-дубленке, клетчатой коричнево-зеленой юбке из толстой ворсистой ткани и сапожках с меховой оторочкой. Ее темно-русые волосы были заплетены в короткую косу, а светлые глаза

тревожно смотрели на Ярослава.

Лицо с нервными, изломанными бровями и небольшим ртом показалось ему знакомым. Точно, он ее уже видел! Именно в этом полушубочке и сапожках, с этой смешной косой, из которой выбивались кудряшки. И юбку эту клетчатую он уже видел... такое впечатление, на каком-то полу...

Но тут незнакомка заговорила – и спугнула воспоминание, которое уже начало было оформляться.

– Вас зовут Ярослав Башилов? – спросила она с высокомерным видом, который непременно вызвал бы у Ярослава дикое раздражение, если бы он каким-то образом не догадался, что девушка вовсе не гнет перед ним форс, а, во-первых, это ее обычная манера разговора, а во-вторых, она сейчас изо всех сил пытается спрятать под этой маской страх. Однако отчего бы ей бояться Ярослава? Повода вроде бы и нет. Разве что бывало такое в ее жизни: приходила в шесть утра к одинокому мужчине, называла его по имени и нарывалась на...

Так, а откуда она, между прочим, знает, как его зовут?

И тут он внезапно вспомнил, где и когда ее видел. Да пару-тройку часов назад! В лифте, за спиной Лолы! Вот именно, сначала он увидел вытаращенные, полные ужаса карие глаза своей неверной невесты, за ее спиной столь же перепуганные светлые глаза вот этой девушки. А потом дверцы сомкнулись, и лифт увез наверх и Лолу, и ее подружку. И вот теперь Лола прислала подругу к нему...

Зачем? Мириться? Ну, это вряд ли. Выяснить отношения – вернее, его намерения? Это вполне возможно...

Ну и наглая же девка – Лола, имеется в виду. Да и этой светлоглазой особе наглости не занимать стать, если отважилась притащиться к человеку, который... который... А ведь вполне возможно, что Лола ей не сказала всей правды. Наплела небось невесть чего... Как эта красотка умеет врать, никто лучше Ярослава не знает. Интересно, под каким же предлогом она вынудила свою приятельницу потащиться в шесть утра к незнакомому мужчине? И что поручила ей сделать? Что ему сказать?

Между прочим, нет смысла теряться в догадках. Гораздо проще принять вид, что он не узнал гостью, и, поваляв перед ней некоторого «пинжака», выслушать все, что она ему скажет, – вернее, все, что поручила ей сказать эта врунья, эта...

Ладно. Каким бы словом он Лолу ни назвал, ей все будет мало, однако с ней у него так и так все кончено, а потому не надо оскорблять себя – прежде всего себя! – оскорбляя женщину, которой когда-то был увлечен, на которой даже подумывал жениться.

И вдруг промелькнула – словно стрела мимо уха просвистела! – мысль о том, как ему повезло, что Лола спровоцировала всю эту историю и вынудила его сделать то, что он сделал. Потому что он теперь начисто освободился от привязанности к этой... к ней, словом. Теперь ему даже страшно подумать, какая жизнь у них могла быть. Ведь все равно он прозрел бы рано или поздно – но тогда это уж точно было бы поздно. Ох, идиот, о чем он? Что может быть хуже того, что произошло? Он совершил кошмарную, чудовищную глупость, он совершил преступление, он готов был убить, и если бы не чудо в образе той перепуганной девушки, которая сидела на полу и смотрела помертвелыми глазами в ствол его пистолета, поджимая ноги под свою клетчатую юбку...

Ну и ну! Так ведь эта она стоит сейчас перед ним – та самая девушка в той самой юбке, с той самой косичкой, которая так забавно свернулась калачиком на полу, когда ее хозяйка шлепнулась в обморок – в *той самой* квартире. И он стоял, глядя на эту косичку, и на эту юбку, и на ее коленки, обтянутые коричневыми колготками, напоминавшими коричневые чулочки прилежной школьницы, – стоял, значит, глядел... И в эту минуту его *отпустило*. Ушло то безумие, в которое повергла его Лола, которое погнало его в ту квартиру, заставило совершить то, что он совершил. А ведь он готов был добить двух раненых подонков! Эта косичка, эти кудряшки над лбом, эти коленки, эти серые, сначала смертельно испуганные, а потом крепко сомкнувшиеся глаза удержали его на краю пропасти, в которую он уже готов был соскользнуть – и сгинуть в ней!

А она? Она-то запомнила его? Она-то понимает, к кому ее послала Лола?!

«Дурак ты, Башилов, это точно», – подумал Ярослав сердито. Да ведь девушка потому и боится, что отлично знает, кто он! Если Ярослав ее узнал – то и она его узнала. Может быть, не сейчас, а еще раньше – когда смотрела на него из кабинки лифта. Но если так... если так, зачем она пришла?!

Промелькнула угрюмая мысль, что без *ребят* здесь все-таки вряд ли обойдется. Небось затаились между этажами, сопят от нетерпения и вот сейчас, по сигналу, взлетят с лестничной площадки, навалятся уроем...

Но было тихо: никто нигде не сопел, сигналов не подавал, ниоткуда не взлетал и на Ярослава не наваливался. Девушка стояла, глядя на него с прежним высокомерно-вопросительным выражением, и Ярослав сообразил, что она так и не дождалась от него ответа. Все это довольно длительное время он молчал и только пялился на нее как дурак.

- Ну да, Ярослав Башилов – это я, – с некоторым усилием разомкнул он губы. – И что?

Она слегка пожала плечом:

- Как – что? Ведь вы, по-моему, меня узнали. Разве нет?

Ну и девка... Пожалуй, у этой «школьницы» в коричневых чулочках и с косичкой нервы как стальные тросы!

- Само собой, – кивнул Ярослав. – Неужто не узнал? Да и вы меня узнали. Разве нет?

Он ее нарочно передразнил. И она чуть дрогнула губами в улыбке: оценила шутку.

- Само собой.

Тоже передразнила! Ох, рискованная штучка...

- Я вас сразу узнала. Но теперь вот какой вопрос: вы нынче ночью на студию приходили из-за меня или из-за Лолы?

- Из-за Лолы, конечно. Я и представления не имел, что вы там работаете.

- Я там не работаю. То есть, в принципе, работаю, но... Хотя это совершенно неважно, – махнула рукой девушка. – Извините, Ярослав, а... а можно я войду? Мне надо с вами поговорить.

- Быть того не может, - усмехнулся он. - Поговорить, да? И о чем, интересно? Хотите, угадаю с трех раз? Вернее, с одного? Небось о том, что вам довелось наблюдать вчера утром?

Она на миг опустила ресницы, потом снова блеснула на него взглядом:

- В общем, да. Но... можно все-таки войти?

Ему до смерти хотелось выглянуть на площадку и проверить, где конкретно таится кавалерия, готовая в любое мгновение броситься на выручку отважной и безрассудной героине. Но гордыня не позволяла.

- Проходите, - посторонился Ярослав. - Вы как, одна войдете или своих телохранителей прихватите?

Она изумленно вскинула брови, хлопнула два раза ресницами. Потом сообразила и криво усмехнулась:

- Вообще-то я пришла одна. Но, честно сказать, некоторые меры предосторожности приняла.

Сообщив об этом, она спокойно прошла в коридор, как если бы слова создали вокруг нее некий кокон безопасности. Оглянулась, посмотрела, как Ярослав запирает дверь. Спросила:

- У вас тепло? Шубу снять можно?

- Ради бога. - Он вынул из стенного шкафа плечики. - В принципе, у меня бывает даже жарко, но сегодня ветер как раз в окна, северо-западный, так что малость выстудило. А насчет мер предосторожности - можно поконкретней? Вы что, оставили дома конверт с надписью: «Вскрыть в случае моей внезапной смерти или исчезновения»?

- Ну, что-то в этом роде, - осторожно ответила она, спуская с плеч шубку и поворачиваясь к нему спиной.

Ярослав понять не мог, чего это она так стоит, чего ждет, почему не раздевается. Потом доехало: да ведь она ожидает, что он снимет с нее дубленку!

Начал помогать, вышло это суетливо и неловко. Ярославу стало стыдно, он разозлился - и на себя, и на нее. Ну и наглая же особа. Приходит к человеку, которого боится до смерти, которого знает как убийцу, - и в то же время ждет от него каких-то утонченных манер.

И тут же ему стало смешно от просто-таки вопиющей нелепости ситуации:

- Рискнули прийти сюда, а у самой все же поджилки тряслись? Письмецо оставили? Ну разве вы не понимаете, что я запросто мог бы... еще там... если бы хотел?.. - Он махнул рукой.

- Я знаю. И я очень благодарна вам, что вы этого не сделали, - кивнула она церемонно, с таким видом, словно зачитывала приказ с благодарностью. - Спасибо, что вы меня не убили. Дело в том, что у меня еще остались очень важные дела, и поэтому нужно еще немного пожить.

Он не выронил дубленочку только потому, что уже повесил ее на плечики, а плечики пристроил в шкаф.

Ну и ну! Эта особа находится у него каких-то десять минут, а то и пять, и за это время умудрилась уже который раз поставить его в такой тупик, что остается только глазами хлопать от растерянности.

Значит, у нее неотложные дела? И только поэтому хочется пожить? А завершив их, она что, застрелится?

Нет, понять что-либо в ее поведении совершенно невозможно. Раньше ему казалось, что самая большая загадка женского рода – это Лола. Но с Лолой теперь все ясно и просто – до тошноты. А вот эта штучка с косичкой...

Его вдруг зазнобило – от напряжения и недосыпа.

– Кофе хотите? Или чаю?

Она обхватила плечи руками, словно и ее тоже познабливало:

– А вы что будете?

– Кофе. У меня растворимый. «Нескафе-голд» – устроит?

– Конечно. Только очень крепкий, если можно, две или три ложки на чашку, и с одной ложечкой сахару. А то я ночь вообще не спала, поэтому как-то зябко.

Ну вот, аналогичная ситуация.

– А я думал, девушки пьют все без сахара, и кофе, и чай, – не удержался Ярослав от банальности. С другой стороны, надо же с ней о чем-то разговаривать, не сидеть же молчком в напряженном ожидании, когда она соблаговолит высказаться!

– Да, – кивнула она, принимая чашку и с удовольствием приюхиваясь. – В принципе – да, именно так они и пьют. Но я же говорю, что не спала, а от сладкого кофе быстрее просыпаешься и взбадриваешься.

Все-таки у нее забавная манера говорить – такая обстоятельная. Как будто в неторопливом нанизывании слов она обретает спокойствие и уверенность. Как будто убеждена – звук ее голоса должен действовать умиротворяюще.

Между прочим, так оно и есть. Ярославу ни с того ни с сего стало удивительно спокойно. Наверняка она и злых собак вот так же приветливо, неторопливо пытается уговорить, чтобы не кусались!

А ему-то что бы такого ей сказать, чтобы не выглядеть совсем уж чурбаном? Да, кстати...

– А как вас зовут? Вы кто?

– Лидия Погодина меня зовут. Я пишу сценарии «Деревеньки» – ну, той передачи, в которой снимаются Лола и Иван с Валентином. Те ребята, которых вы... – Она проглотила слова вместе с кофе.

Так, все. Краткое спокойствие было разрушено. Ярослав напрягся так, словно сзади, за спиной, оказался кто-то невидимый, незнакомый, молчаливый, чьих намерений он не знал, не понимал – только ощущал опасность, исходящую от незнакомца. Так у него было однажды в жизни – еще давно, еще там, в Талкане, в Амурской области, – он тогда чудом остался жив, а потому это ощущение навсегда осталось предвестием каких-то очень больших неприятностей.

Да уж, наверняка эта сероглазая «школьница» пришла к нему не для того, чтобы рассуждать, когда девушки кладут кофе в сахар, а когда – нет! В смысле, сахар в кофе.

Да какая разница, ко всем чертям?!

Она вмиг почувствовала вспышку его раздражения и тоже напряглась. Отставила чашку, сложила руки на груди: закрылась.

- В общем, так. Пора переходить к делу, как мне кажется.

Ярослав кивнул, глядя исподлобья.

- Лола у меня, вы о ней не беспокойтесь. Мы когда убежали из студии от вас, сразу поехали ко мне. Там у Лолы началась истерика, и, пока я ее успокаивала, она мне все рассказала, как и что у вас вышло.

- Все рассказала? - переспросил Ярослав. - Неужели *все*?!

- Ну да, - чуть растерянно кивнула Лидия Погодина. - Рассказала, что вы собирались пожениться, что она уже переехала к вам, но вам не нравилось, что она так часто задерживается на студии, на съемках, вы были уверены, будто здесь что-то не так, очень ревновали ее, а когда она прошлой ночью не пришла ночевать, потому что попала в компанию, которая собралась у Ивана и Валентина, вы жутко приревновали, потеряли голову и отправились... ну...

Она замялась и пожала плечами, словно не желая или опасаясь называть своими именами все, что видела в той квартирке на улице Полтавской.

Ярослав смотрел на нее, вот только что не вытаращив глаза. То, о чем она говорила, в принципе, смахивало на правду и в то же время было невероятно далеко от нее. Да уж, Лола здорово умела морочить людям голову и переводить стрелки! С другой стороны, ты что, Ярослав Башилов, хотел, чтобы она направо и налево рассказала, как спровоцировала тебя на убийство? Как ты ждал ее всю ночь, то шалея от ревности, то с ума сходя от беспокойства и не представляя, что делать, где ее искать? Как она притащилась наутро: от шубки оторваны пуговицы, помада размазана по лицу, брюки разорваны - и сказала, что ее изнасиловали два актера? Затащили к себе будто бы по делу: надо, мол, завтрашнюю сцену прогнать, а там набросились на нее и по очереди...

У него сердце остановилось, когда Лола сказала, кто эти парни. Конечно, он не раз видел их в «Деревеньке». Валька, смазливый, как девчонка, невысокий, но весь точеный, изящный, весьма удачно изображал всяких мелких бесов, соблазнительных томных вдовушек и глупых девок. А Ванька Швец - это был ее постоянный партнер в «Деревеньке», Ярославу тошно становилось, когда он видел его рядом с Лолой на экране. Глаз у Ивана горел так, что невозможно было поверить, что это лишь ради съемок. А впрочем, Ярослав всегда считал - может, по глупости? - что актеры изображают именно то, что чувствуют, и, значит, между Иваном и Лолой правда что-то есть, не может не быть! Теперь его подозрения получили страшное подтверждение. И он ни на минуту не усомнился в том, что она говорит правду. Эти безумные глаза, эти слезы... она так рыдала! Она сказала, где именно это происходило, *что* они с ней делали.

Ох, артистка! Вот именно - Ярослав забыл, что перед ним артистка. Сам по-дурацки правдивый, он с трудом распознавал ложь и терялся, когда сталкивался с наглым, вопиющим враньем. Просто он не мог поверить, что возможно выдумать такое. Потому и поверил Лоле безоговорочно.

До утра успокаивал ее, а потом, когда она уснула, достал из тумбочки «вальтер» и поехал туда, на Полтавскую. Странно, должно быть, но ни Лола, ни он сам даже словом не обмолвились о

том, чтобы пойти в милицию и заявить об изнасиловании. Ее позиция была объяснима: Ярослав понимал этот стыд, боязнь позора, огласки... Ну а он просто привык в жизни рассчитывать только на себя. Так отец приучил, так жизнь приучила – в разоренном, заброшенном Талкане. Он сам за отца отомстил его убийце, он сам вывернулся из той темной истории и бесследно исчез с Дальнего Востока. Все и всегда он делал сам. И за свою девушку решил отомстить тоже сам.

Открыл ему Иван – открыл, не спрашивая, устало позевывая. Наверное, ждал кого-нибудь знакомого, ну да появился не тот! Ярослав дважды выстрелил ему в грудь, потом продырявил спину того, другого, который пытался убежать. Потом кто-то начал открывать дверь, вошел в квартиру, и Ярослав скрылся в соседней комнате. Надеялся, что человек испугается и убежит, и тогда он успеет добить поганцев.

На то, что он уложил их первыми выстрелами насмерть, надежды не было никакой. И не потому, что Ярослав плохо стрелял: прожив большую часть жизни в дальневосточной тайге, невозможно не научиться стрелять! Но пистолет – в том-то и штука! – у него был не настоящий, боевой, а пневматический. Хороший, отличный, немецкого производства «вальтер», полное подобие настоящего. Разница одна: он стрелял с помощью газового баллончика, оттого звук выстрела был гораздо глуше, чем если бабахать из настоящего «вальтера». Кроме того, для него нужны были не пули, а металлические шарики. Латунные или медные.

И что? Вполне убойное оружие, когда стреляешь в упор. Если угодишь в глаз или в ухо – считай, все, смерть верная. В другие места попадешь – тут уж какое у тебя счастье будет. Именно в ухо намеревался стрелять Ярослав, чтобы добить свои жертвы. Латунный шарик в мозг – это штука, не совместимая с жизнью! Сначала он хотел прострелить им их поганые причиндалы, чтоб не поганили больше девушек. А по-том пристрелить. И он пристрелил бы их, точно! Ес – ли бы не эта барышня с косичкой... если бы не Лида Погодина.

Когда она повалилась в обмороке на пол, его словно *вытолкнуло* из им самим учиненного кошмара. Он сразу ушел; даже мелькнула мысль вызвать «Скорую» к подстреленным. Ну да, это из серии анекдотов про Тараса Бульбу: чем я тебя породил, тем и убью. Только наоборот! Конечно, звонить он не стал – ушел. Поспешил домой, чтобы сообщить Лоле: ее обидчики наказаны. А ее там не оказалось. Она ушла. Позвонил ей домой – мать предположила, что у нее может быть утренняя репетиция в театре. Вечером запись «Деревеньки» и утром – репетиция в театре. Ярослав набрал номер ТЮЗа: точно, подтвердили на вахте, сейчас идет прогон детского новогоднего утренника, Лола Мартынова занята на репетиции. И вот в эту минуту и появилось у Ярослава ощущение, что здесь что-то не так... Как бы плохо ни знал он женщин, но все же представить, что *жертва насилия* рано поутру бежит на репетицию, чтобы изображать Снегурочку, – на это не хватило бы даже самой смелой фантазии.

Ну, он вообще был глуп и отходчив: решил, что это она в шоке ринулась в театр, вроде как по инерции. Почему-то в памяти выплыла жуткая байка, недавно прочитанная, о том, что курица с отрубленной головой способна сделать еще несколько шагов. Существует даже исторический факт времен Ивана Грозного о каком-то человеке, которому снесли на плахе голову, а он потом встал да и зашагал куда-то... недолго, правда, шагал – через пару шагов упал да и умер. Но сам факт... Эти бессмысленные воспоминания надолго выбили Ярослава из колеи: он все представлял, как Лола с остановившимися глазами, с тем же бессмысленным выражением лица, с каким вчера появилась у него, кружится по сцене в белой шубке Снегурочки – ничего не соображая, словно заведенная кукла!

Разумеется, он ошалел от жалости к ней и помчался в театр. Но опоздал: репетиция только что

закончилась. Возвратился домой, почти не сомневаясь, что Лола уже там: у нее был ключ от его квартиры, они ведь последнее время жили практически вместе, собирались заявление в загс подать, но что-то все мешало: то повседневная суета, то беспричинные, порохом вспыхивающие ссоры... Лолы дома не оказалось. Опять начал звонить ее матери. Та сообщила, что дочка появилась, ничего толком не сообщила, кроме того, что у нее полный порядок, в отношениях с Ярославом все отлично, дел невпроворот, подрядилась на Новый год работать Снегурочкой в фирме «Ваш досуг» (проведет ночь на колесах, разъезжая по домам, где жаждут новогодних поздравлений от Деда Мороза с беленькой внучкой; четыреста рублей каждому на руки с одного вызова, а таких вызовов уже набралось шестнадцать!), потом переделалась и усвистела неведомо куда, пообещав звонить.

Ярослав решил, что Лола наплела семь верст до небес матери потому, что боялась ее расстроить. Он все еще ждал, что Лола появится у него. Придумывал всякие причины, почему этого не происходит. Самой достоверной казалась та, что Лола стыдилась происшедшего.

Утром, значит, она стыдилась милиции, теперь – стыдилась жениха. То есть, в принципе, это понятно. И все же каким дураком он был, если верил, что такие понятия, как Лола и стыд, вообще совместимы!..

В конце концов Ярослав решил проехать на студию и дожидаться ее. Там, в вестибюле, под подозрительным взглядом охранника он и посмотрел ночной выпуск «Трудных итогов», увидел свои окровавленные жертвы, узнал, кем они были по жизни... и малость притупел от жуткой шутки, которую сыграла с ним Лола. Главное, непонятно было – зачем?! За что она хотела отомстить этим двум парням? Может быть, она клеилась к Ивану, а тот оставался к ней равнодушным? А потом Лола узнала, что мужчина ее мечты предпочитает мальчиков, взбесилась и спустила с цепи лютого пса по имени Ярослав Башилов... Еще вчера даже допустить такую мысль о женщине, с которой он собирался связать жизнь, было для Ярослава невозможно. А сегодня... сегодня он понял, что все бывает. Все!

И еще он понял: антипод любви – вовсе не ненависть, как это принято считать. Полная противоположность любви – равнодушие. Стоило ему увидеть глаза Лолы, когда она тупо давила на кнопку лифта, чтобы закрыть дверцы, стоило разглядеть этот ее ужас – словно молчаливое признание в совершенной подлости, – как у него что-то выключилось в душе. Не умерло, нет, это слишком красиво, как-то по-книжному, а именно технологически выключилось. Даже вроде бы слабый щелчок он услышал. Лола в это мгновение перестала для него существовать. И что бы она ни предприняла против него, что бы ни затеяла – Ярослав знал, что уже не сможет выбраться из этих пут тупого, вязкого равнодушия.

А она, дурочка, значит, спасалась что было сил и даже не постеснялась потащиться к этой Лиде Погодиной. Или они такие уж близкие подруги? Или правда – все бабы одним миром мазаны? Как это говорил один его знакомый врач, объясняя смысл эмблемы медиков: змея обвивает чашу... все мужчины пьяницы, а женщины – змеи!

Ярослав невольно хохотнул:

– Ладно, черт с ней, с Лолой. Пусть все будет так, как она сказала. Но вы! Может, объясните наконец, что вы-то здесь делаете? Зачем пришли?

Лида вздохнула, поставила локти на стол, уперла кулачки в щеки и сказала спокойно, словно о чем-то совершенно обыденном:

– Если честно, я пришла вас шантажировать.

20 апреля 2002 года

Пойти в эту самую «Волчицу» Лида набиралась храбрости как минимум неделю. Опыта посещения таких мест у нее не было никакого. В Париже консервативные кавалеры гораздо чаще приглашали Лиду в фешенебельные рестораны, чем в ночные клубы, которые там считаются все же не тем местом, куда можно повести приличную девушку, которую мужчина хочет не просто в койку затащить, а намерен сделать с нею рядом по жизни некоторое количество шагов. А здесь было просто некого попросить составить ей компанию. Заикнулась было Санычу, но он ответил прямо и честно: «Настеха обидится. А с собой взять ее нельзя: сейчас, с ее-то животом, какие «найт-клубы» могут быть? Еще родит там с перепугу от слишком громкой музыки!» Настеха – это была молодая жена Саныча.

Честно говоря, Лида даже обрадовалась отказу. Саныч привлекал к себе чрезмерно много внимания, а ей хотелось в этот вечер быть незаметной. Что-то ей подсказывало: в «Красной волчице» она найдет ответы на многие вопросы – но только в том случае, если не будет бросаться в глаза.

Вот если бы затеряться в какой-нибудь броской компании... Оставалось только решить, от кого она будет теряться!

В конце концов Лида решила для начала провести телефонную разведку. Набрала номер (столько раз смотрела рекламу «Красной волчицы», что давно выучила телефон наизусть) и спросила, изо всех сил стараясь придать голосу небрежные нотки завсегдатая ночных заведений:

- Скажите, а как бы мне попасть в ваш клуб?

- Очень просто, – серьезно ответил молодой мужской голос. – Взять да и прийти.

- А когда можно?

- Да хоть сегодня, господи! – Чувствовалось, что молодой человек пожимает плечами, дивясь вопросам. – У нас сегодня хорошая программа. Два молодых стриптизера, канкан, фокусники, танцоры, ведущий очень милый, певица, само собой. Так что скучно не будет. Хотя... сегодня лучше не надо. Этим вечером практически весь зал снимает косметическая фирма «Мэри Кей» для своего банкета. Вы же, наверное, захотите посидеть в своей компании?

- Да нет, в том-то и дело, что я одна, – смущенно призналась Лида. – Мне бы как раз лучше к кому-нибудь присоединиться. А эти, из «Мэри Кей», они что, никого вообще в зал не пускают?

- Да почему? Пускают. Но у них своя тусовка, там все друг друга знают, а вы будете на отшибе. Но если хотите – приходите, конечно. Но столика отдельного не гарантирую. У нас входной билет триста рублей, вам поставят салатик, вино, а если захотите что-то еще, закажете согласно меню. Подходит это вам?

- Подходит, – растерянно сказала Лида. – Нет, правда, прямо сегодня можно прийти?

- Да, конечно же! Начало их вечера в восемь. На какую фамилию ваше место записать?

Она оценила изысканность вопроса. Не грубо: «Как ваша фамилия?» – а чрезвычайно деликатно: «На какую фамилию вас записать?!» То есть назовитесь как угодно, это ваше личное дело, мы ценим ваше право на самоопределение вплоть до отделения. Отчего-то – наверное, из соображений той же интуитивной конспирации – не было никакого желания

называть свою подлинную фамилию. Однако почему-то ничего не шло в голову. Наконец вспомнилась фамилия соседки, и Лида брякнула:

- Евгения Поливанова.

Ничего, Женька все равно никогда не узнает, как Лида пользовалась ее именем. А узнает, так простит!

- Госпожа Поливанова, ваш столик четырнадцать, место два. Ждем вас в нашем клубе!

Лида положила трубку и, чтобы унять трусливую дрожь в пальцах, принялась твердить себе, что это - всего лишь ни к чему не обязывающий звонок. Если будет неохота, можно ведь никуда не идти. И тем не менее она знала, что, конечно, пойдет.

Кое-как решив проблему, что надеть (во-первых, надеть было решительно нечего, а во-вторых, Лида не знала, в чем принято появляться в ночных клубах), она вышла из дому без четверти восемь. И через полчаса выскочила из маршрутки на Нижневолжской набережной, откуда было рукой подать до Рождественской улицы. Прошла мимо ресторанчика «Скоба», мимо знаменитого разноцветного «Барбариса», мимо жутковатой, мрачной «Ультры» и увидела знакомую по рекламному ролику россыпь алых огней.

«Красная волчица»! И в самом деле - огоньками вычерчено изящное, гибкое тело бегущей волчицы. Вообще говоря, она здесь больше похожа на лисицу, потому что не бывает у волков такого пышного хвоста. А хвост у них, между прочим, называется не хвост, а полено. Кстати, и у лисы вовсе не хвост, а труба. Во всяком случае, так утверждает толковый словарь Даля, который Лида регулярно почитывала, дабы персонажи ее «Деревеньки» выражались сочным, богатым языком, а также не ленились вставлять в речь самые разнообразные пословицы и поговорки.

Даль также уверяет, что у коровы вместо хвоста махало, или охлест, у козы - репей, у овцы - курдюк, у дворняжки - ласк, у борзой - правило, у гончей - огон, у легавой - репица, у медведя - куцук, у бобра - лопата, у белки - пушник, у льва, тигра и скорпиона - ошибень; цветок или пучок - у зайца, у рыбы - плеск, у рака - шейка, у павлина - сноп, а если павлин хвост распушит, то он называется «колесо», причем так же именуют распущенный хвост индюка или глухаря, у петуха и селезня - косица, у ласточки - вилка...

Заговаривая собственную нерешительность таким вот нехитрым способом, Лида наконец-то отважилась потянуть за ручку двери - довольно тяжелой, металлической - и оказалась в полутемном коридоре. Дальнейшее продвижение загоразивал огромный парень в черной водолазке - блондин скандинавского типа, с лицом викинга-убийцы.

- Зал снят под банкет, - глухо, словно штормовое, северное море, прошуршал он. - Или вы тоже «Мэри Кей»?

- «Мэри Кей», «Мэри Кей»! - закивала Лида.

В северных широтах малость потеплело. Парень простер вперед руки. Лида с трудом сообразила, что он готов не в объятия ее заключить, а просто-напросто принять ее плащ. То есть он вовсе не викинг, а гардеробщик! Раз так, Лида позволила ему оказать ей такую любезность. Между прочим, как давно с нее никто не снимал плаща! Аж с тех приснопамятных парижских времен! Так недолго и дисквалифицироваться, однако.

- Прощу, - приглашающе махнул рукой гардеробщик. - Там уже весело.

Видимо, дамы из фирмы «Мэри Кей» были весьма дисциплинированы, потому что пришли гораздо раньше назначенного времени, а теперь все, как одна, плясали в нешироком кругу перед небольшой эстрадой. Лида кое-как пробралась за свой столик номер четырнадцать. Он прятался за колонной в виде неошкуренного ствола, подпирающего потолок. Кроме Лиды, за столиком никого не было. То ли ей предстояло сидеть одной, то ли соседи пошли плясать.

Лида воспользовалась случаем заплатить официанту за вход, перевести дух и приглядеться к народу и интерьеру.

Ого, какие красивые дамы работают в «Мэри Кей»! Все, как одна, худые, подтянутые, ухоженные, отлично одетые. Такими бывают обычно жены богатых мужей. Но эти красотки, судя по всему, сами зарабатывали на свои туалеты. Мужчин в зале вообще было раз-два и обчелся, да и те, видимо, иностранные представители фирмы, и среди русских красавиц они имели вид откровенно затрапезный и растерянный. В том смысле, что глаза у них разбегались при виде такого изобилия дерзких грудей и не менее дерзких попок. А уж глазок сверкало! А уж напомаженных губок улыбалось! А уж ножек мелькало в зазывных разрезах длинных юбок и под символическими полосочками коротких!

В основном красотки были в черном. Лида, надевшая узенькие шелковые брючки от Буртон и стрейчевый пуловер от Черутти цвета мокрого асфальта, поняла, что попала в самую точку.

Наплясавшись, возбужденные дамы расселись. Лида оставалась за столиком одна, но кругом так кричали, смеялись, курили, чокались, что одинокой она себя не чувствовала.

Торопливо оглядела зал. Так... несочетаемая смесь дерева и красного кирпича: низкий сводчатый потолок, огромный камин, в котором горят настоящие дрова. Слава богу, вытяжка хорошая, не то в этом подвальчике можно было бы задохнуться. По стенам имитация волчьих, кабаньих, медвежьих голов, олени рога – якобы охотничьи трофеи. Тяжелые деревянные балки, столбы, подпирающие потолок, грубые столы и лавки. Впечатление не то гнетущее, не то шутовское. И при этом почему-то уютно. Наверное, из-за пляски живого пламени в камине.

Началась развлекательная программа. Тут Лида малость приуныла. Стриптизеры-шутники с костлявыми телами и мохнатыми слониками на причинном месте, канканные девицы в несвежем белье – все это показалось ей ужасным. Фокусники, правда, были хороши. А танцоры – и того лучше. Они показали румбу и вызвали, не соврать, бурю оваций. Правда, Лиде показалось, что аплодировали не дуэту, а только партнеру. Парень и впрямь был несусветной, просто-таки дьявольской красоты, с огненно-черными глазами, пластичный, словно расплавленный металл, льющийся из тигля в форму. Девушка тоже танцевала очень хорошо, но на фоне этого черного пламени ее просто видно не было. После окончания танца на лицах дам надолго воцарилось тоскливо-голодное выражение: небось все мечтали о красавчике-танцоре, и ведущий напрасно силился овладеть вниманием аудитории, подбрасывая ей забавные загадки, типа: «Как раньше назывались шахматы: чатуранга, чебуранга или бурабанга?» или «На территории бывшего Союза водится некое зловерное насекомое, случайно импортированное из-за рубежа. Как оно называется? Предлагаю три варианта ответа: гималайская малявка, мавританская козявка или ирландская древогрызка».

Наконец мысли косметических дам понемногу начали отвлекаться от магии черных очей и возвращаться к суровой прозе жизни. Соединенными усилиями решили, что загадочное насекомое зовется ирландская древогрызка. А оказалось, что это – мавританская козявка! А шахматы некогда звались чатуранга... Вся «Мэри Кей» дружно хохотала – за исключением американцев, которые никак не могли взять в толк, чему смеются загадочные славянки.

И вдруг в зале погас свет.

Произошло это так внезапно, что на миг воцарилось молчание, а потом дамы начали нервически повизгивать и кричать: «Сапожники!» Впрочем, крики и визги тотчас стихли, как только тьму прошло несколько трассирующих красных огоньков. Сначала тихо, потом громко зазвучала протяжная мелодия, напоминающая не то плач, не то вой. Он вздымался выше, выше, он уже бил по барабанным перепонкам – и вдруг оборвался порывистым аккордом камуса.

Зал зааплодировал. Наверное, среди посетительниц были завсегдатаи, которые отлично знали, что сейчас произойдет. И ждали этого с нетерпением.

Сцена осветилась красным, и все увидели, что на ней стоит высокая женщина. На ней было обливающее тело короткое красное блестящее платье. Длинные, прямые, тяжелые волосы тоже казались красными; в свете прожекторов лицо, руки и ноги отливали медью.

Музыка опутывала зал, колола его, подхлестывала. Мелодия была изумительная, и женщина в красном двигалась в одном ритме с нею. И не сразу Лида поняла, что она не только танцует, но уже поет.

Это был голос такой глубины и диапазона, что Лида тихо ахнула. Вот это да! Настоящая джазовая певица! Ну просто Глория Геймур или Грейс Джонс, ничуть не хуже. Даже лучше, лучше, честное слово!

Музыка оборвалась, певица склонила голову. Красные сполохи сменились обычным освещением.

Кожа у певицы была белая, а платье и волосы – красные. Это именно ее видела Лида в рекламе. Очень яркая. Очень красивая. И – опасная...

Выходит, это она и есть – «красная волчица»?..

Ей аплодировали, кричали что-то. Лида вслушалась в разноголосицу.

– «Расскажи», «Расскажи»! – кричали одни.

– «Ты», «Ты»! – надрывались другие.

– «Май харт, май харт»! – надсаживались третьи.

Лида поняла, что певицу знают и любят. Та чувствовала это и улыбалась безмятежной, счастливой улыбкой всеобщей любимицы.

– Тише, тише! – махнула она рукой. – Я все спою!

– И «Красную волчицу»? – крикнул кто-то нетерпеливо, и Лида вздрогнула.

А певица только еще раз улыбнулась:

– Я же сказала – все спою!

Она опять махнула рукой, теперь в сторону будочки, где сидел звукооператор. Послышалась запись оркестровки: ритмическая музыка в стиле диско.

Расскажи, хороший, расскажи, красивый,
Любишь ли меня? Хочешь ли меня?
По тебе страдаю, молча погибаю
Днем и ночью я, днем и ночью я.
Ты проходишь мимо, вновь проходишь мимо,
Отводя глаза, отводя глаза.
В моем сердце горе, на губах улыбка,
На щеке слеза, на щеке слеза...

Теперь это был совсем другой голос – легкий, девчоночий, отчаянно-слезливый. Девушки из «Мэри Кей» начали тихонько подпевать.

Лида улыбнулась. Эта песня невольно отправляла всех в детство! Вернее, в юность, примерно в восьмой-девятый класс. Первая любовь, мальчик-старшеклассник, который вновь проходит мимо, отводя глаза... Может быть, такие же колдовские, как у того танцора...

У всех это было. Первые слезы на разрыв рыдающего горла. Чудесное время!

Отхлопали. Музыка изменилась. Теперь это была всем известная «Belle», но с неизвестными словами:

Ты...
Свет очей моих и мрак желаний – ты.
Счастье и беда мои – все вместе! – ты.
Когда смотрю в твои глаза, тогда живу.
Неужто снам моим не сбыться наяву?
Я душу дьяволу с восторгом заложу,
Я в церкви свечи воску белого зажгу.
Мне все равно, молиться или проклинать,
Чтоб только раз, хоть раз тебя поцеловать.

Лида заметила, что певица пристально поглядывает иногда в сторону будки звукооператора, словно там сидел этот некто, к кому она обращала свои слова.

Ты...
Меня не любишь и не хочешь ты,
И сокрушает время все мои мечты.
Обречена я наблюдать из темноты,
Как в танце кружишься по сцене жизни ты.
Глаза твои – о злая сила, смерть моя!
Никто, никто тебя не любит так, как я.
Давно желаньями бредовыми живу,
Но снам моим, увы, не сбыться наяву.

Ну что тут стало с бедными дамами! Певица кланялась, кланялась, улыбалась, улыбалась – аплодисменты не утихали.

Наконец она махнула рукой – из будки выбрался невысокий, довольно хлипкий парень лет двадцати четырех, не больше. Его пышные, можно сказать, роскошные волосы были связаны в хвост, тонкое лицо пылало от смущения.

– Позвольте представить вам моего мужа, композитора, аранжировщика, автора всех, вернее, почти всех моих песен – Олега Сиверцева!

«Ее муж?!» – Лида покачала головой.

В ее представлении мужем такой яркой и эффектной женщины, как эта певица, должен быть какой-нибудь «новый русский», но не толстопузый debil с пальцами веером, а хамовато-утонченный джентльмен с прочным капиталом, англазированной внешностью, уложенными в парикмахерской волосами и маникюром, с «бизнес-английским». Простонародное его происхождение выдает только привычка материться по поводу и без повода, а также сугубо нижегородский выговор с неистребимыми «чо», «всеж-ки» и «без пя-ать». Ну и, конечно, трудности в обращении со столовыми приборами. И вдруг на тебе! Какой-то мальчик – явно моложе жены лет на пять, а то и больше. Но, видимо, очень талантлив, она за него держится двумя руками. Композитор, аранжировщик... У этих творческих людей всегда сложности в семейных отношениях! Женщины даже фамилию мужа не всегда берут, чтобы сохранить иллюзию независимости. Хотя у этого мальчика звучная фамилия – Сиверцев. Вполне годится для сцены!

И тут Лида сообразила, что не знает ни фамилии певицы, ни даже ее имени.

Обернулась к соседнему столику, где сидели четыре барышни, настолько разомлевшие от вина и душевной музыки, что предприимчивый мужик мог бы взять их сейчас голыми руками. Беда – ни одного такого мужика в пределах досягаемости не было! Американцы не в счет, само собой.

– Девушки, извините, а вы не знаете, как ее зовут? – спросила Лида.

– Кого? – склонились к ней разом все четыре красотки.

– Певицу. Как зовут певицу, не знаете?

Красотки дружно откинулись на спинки стульев и воззрились на Лиду, мало сказать, потрясенно. С громадным осуждением!

– Нет, вы серьезно? – наконец спросила одна.

– А что такое?

– Вы серьезно не знаете Майю?! – воскликнула другая.

– Да ладно, может, она из другого города, – попыталась урезонить их третья. – Вы из другого города, да?

– Что ты такое говоришь? – перебила четвертая. – Как она может быть из другого города, если тут собралась только «Мэри Кей»?

– Я из Саратова, – брякнула Лида первое, что в голову пришло, чувствуя, что дело доходит до крутой разборки. – Из саратовской «Мэри Кей». Приехала перенимать опыт – ну, меня и пригласили на вечеринку. Поэтому, простите, я не знаю никакой Майи. Это певицу так зовут?

Барышни кивнули, но глядели они при этом уже не на Лиду. Их взоры с каким-то молитвенным выражением были обращены к сцене, на которой вновь заиграли алые сполохи.

Олег Сиверцев успел уйти за пульт, и теперь в зал полилась музыка, показавшаяся Лиде щемяще-знакомой.

А при первых же словах ее словно током ударило! Потому что это была *та самая* песня.

Кружится снег – зима пришла опять,
Закат в крови – и жизнь к закату мчится.
Теперь настало время вспоминать
Тебя, моя прекрасная волчица!

Та самая песня, под которую умер Сергей! Лида узнала ее сразу, хотя до этого слышала лишь единожды. Оказывается, каждое слово врезалось в память.

Песню про «хорошего-красивого» и даже «Belle» Майя исполняла совсем иначе. Она просто пела. Здесь же стонало ее страдающее сердце.

И Лида вдруг осознала: это была не просто *та самая* песня. Это был *тот самый* голос!

Майя сошла с эстрады и двинулась вдоль зала. Ох, как ее слушали! Как смотрели на ее отрешенное, самозабвенное лицо!

Опять пришла зима белым-бела.
Я одинок в снегах земного круга.
Скажи, зачем судьба нас развела
Так далеко-далёко друг от друга?
С тех пор я навсегда в твоём плену.
Взошла луна. Снег под луной кружится.
И волчья стая воет на луну...
Я умираю, красная волчица!

Майя закончила песню рядом со столиком, за которым сидела Лида.

Рассеянно слушая аплодисменты, опустила вздетую руку, печально улыбаясь, обвела глазами восторженные женские лица и вдруг встретилась взглядом с Лидой.

Ее большие глаза очень красивого орехового цвета стали совсем огромными. Губы приоткрылись, рука вновь взлетела – и застыла у горла. И внезапно она закашлялась, неотрывно глядя на Лиду, громче, громче, надрывно!

Из-за пульта выскочил ее муж, подбежал к Майе, протянул ей платок. Она зажала рот, унимая кашель, заглушая его, и наконец плечи ее перестали конвульсивно содрогаться.

Опустила платок, окинула взглядом встревоженные лица зрительниц и даже смогла слабо улыбнуться:

– Извините меня, милые дамы. Но дело в том, что у меня страшная аллергия на запах полыни. А у этой девушки, видимо, духи на основе экстракта полыни. У вас «Кризантэм д'ор» от Нины Риччи, да? Извините... у меня на них аллергия! Ну, ничего! – воскликнула она тотчас. – Пора потанцевать! Музыка!

Майя ушла за сцену, Олег проворно ускакал за пульт, и оттуда понеслась пылкая скороговорка Рикки Мартина. Но дамы не торопились выйти из-за столиков и начать танцевать. Лида чувствовала на себе косые, осуждающие взгляды, как будто она нарочно устроила эту жуткую диверсию: надушилась духами с запахом полыни – и сорвала выступление всеми любимой певицы!

«Как бы они меня тут не побили, эти фанатки!» – подумала Лида и поспешила пройти к гардеробу. В самом деле, не станешь же объяснять всем и каждому, что духи у нее не от Нины Риччи, а от Элизабет Арден, называются они не «Кризантэм д'ор», то есть «Золотая хризантема», а «Грин тии», то есть «Зеленый чай», и запаха полыни в них невозможно учуять просто потому, что его там нет. Поработав столько времени в Галери Лафайет, Лида все эти парфюмерные тонкости знала на клеточном уровне. Это первое. Второе... Отнюдь не приступом кашля был вызван лютый страх, который вспыхнул в глазах Майи, когда она посмотрела на Лиду.

Да, да, страх! Эта краснокудрая красавица безумно ее испугалась!

С чего? Почему? Ведь они определенно виделись сегодня впервые в жизни, Лида Погодина и Майя... Сиверцева? Или как ее там?

– Извините, – спросила Лида, послушно просовывая руки в рукава своего плаща, с которым уже навис над нею любезный гардеробщик. – А как фамилия Майи?

– Майданская, – сообщил гардеробщик. – Майя Майданская. Вижу, вам понравилось, как она пела!

И признательно сомкнул кулак, в который Лида неловко сунула ему полтинник – вместо запланированного червонца, между прочим.

От потрясения.

22 декабря 2002 года

К таким визитам Виталий привык. Практически дня не проходило, чтобы телефончик не брякнул, а потом не появился бы кто-то на пороге и не проямлил искательным голосом:

– Здрасьте, я от Виктора (или Михал Михалыча, от Родиона, от Светы, от Людмилы Ивановны), – и тэдэ и тэпэ.

Виталий кивал, откладывал недожеванный бутерброд, или недочитанную газету, или недокуренную сигарету, или неразгаданный кроссворд, или незаконченное рентгеновское заключение к снимку – словом, откладывал все свои дела (ну, конечно, плановых больных не выпроваживал, тут уж посетителям приходилось сидеть в коридорчике и терпеливо ждать!), принимал робко сунутую бутылку или коробку конфет (народ шел по большей части понимающий, искушенный в деле общения с блатными врачами вообще, а с рентгенологами – в частности), спрашивал, что конкретно нужно посмотреть или общую флюорографию сделать, и начинал готовить аппаратуру. Иногда при виде мзды его разбирал смех. В диагностическом центре человек заплатит сотню – и получит рентгеновский снимок без всяких хлопот, без предварительных звонков, реверансов и заискивающих улыбок. Однако такова уж натура человеческая, что все предпочитают обращаться к «своим» врачам. Как будто они внимательней, добрее, профессиональнее «не своих». Иногда, безусловно, разбиваешься в лепешку ради какого-нибудь приятеля, это точно, но какого черта ты станешь это делать ради приятелева двоюродного друга детства? Исполняешь свои профессиональные обязанности, и не более того, ну а если человек уверен, что ты такой приветливый и обходительный исключительно с ним и только за его коньяк «Дагестан», а на других собакой рычишь, ну что ж, это его личное заблуждение. В конце концов, все мы живем теми или иными иллюзиями!

Ну, конечно, приходили к нему не каждый день – это он малость преувеличил, однако, когда

Виталий дежурил по воскресеньям, народ валом валил, примерно с полудня часов до шести вечера. Потом наступало затишье. И этот парень в черной дубленой куртке привалил к нему как раз в минуту такого затишья...

Деликатно стукнул в дверь, дождался, пока Виталий отозвался, и только тогда вошел в кабинет. Поздоровался с Виталием и с Анютой, которая, конечно, как всегда во время их совместных дежурств, торчала в рентгенкабинете, наплевав на всех своих больных, занятая сугубо устройством своей личной жизни. Поскольку неожиданный посетитель этому самому устройству помешал, Анюта посмотрела на него свирепо, а Виталий – с откровенным облегчением. Анюта была сегодня какая-то такая... непривычно раскованная. То и дело присаживалась на топчанчик, где имел обыкновение отдыхать Виталий в дежурные ночи, скрещивала ножки в безумных чулочках (ну зачем бы дежурному врачу торакального [3] отделения в разгар декабрьских морозов шататься по выстуженным больничным коридорам в ажурных колготках и туфлях на шпильках, когда все нормальные женщины ходят в сапогах на меху и рейтузах?!)... И халат у нее то и дело расстегивался на груди. Можно представить, как ей холодно было в этом кружевном лифчике: больше, как успел заменить Виталий, под халатом ничего не имелось... Короче, он не сомневался, что сегодня ночью Анюта предпримет решающую атаку на его добродетель. Ну и разделась бы к ночи, если уж такая охота приспела, а то ведь недолго застудиться до срока и в решающий момент обчихать любимого мужчину! А если честно, Виталию вовсе не хотелось тискаться ночью на этом шатком топчане... С Анютой или с кем другим – без разницы. А почему не хотелось – это вопрос. Может, и в самом деле уже давно имеет место быть нестохастический [4] и вполне закономерный эффект от работы в радиоактивной местности?.. Стохастический там был эффект или нестохастический, однако Виталий, не скрываясь, радостно встрепенулся, когда парень с привычной многозначительной интонацией произнес:

- Я от Семена Петровича! Он вам должен был звонить... насчет сломанной ключицы, помните?

Виталий не помнил, совсем не помнил, хоть убей! Однако Сема вообще отличался патологической рассеянностью: сколько раз он присылал к Виталию своих «человечков», а через месяц вдруг спохватывался, словно с печки упавши, и начинал трезвонить: «Слушай, к тебе там должен подойти мой человечек, ты его погляди, сделай божескую милость!» Видимо, и этот парень был таким же «человечком», узнать о приходе которого Виталию только еще предстояло. Иногда, когда на него нападала вредность, он мог помариновать такого посетителя в ожидании, а то и вовсе завернуть. Но только не сегодня, когда парень явился как ответ небес на тихие мольбы Виталика о спасении от раскованной Анюты! И он закричал:

- Звонил, конечно, Семен мне звонил насчет вашей ключицы! – так радостно, словно этот незнакомец был директором банка, где Виталик держал свои сбережения, и пообещал повысить с нового года процент лично ему.

Анюта обреченно вздохнула и поднялась с топчана:

- Ладно, Виталик, я попозже найду. Мне еще надо посмотреть снимки Маркушева и Кривцова.

- Если я их найду, – ответил Виталий, мечтая, чтобы до Анюты дошел скрытый в его ответе подтекст, но, похоже, он скрыл его слишком глубоко... И неведомо почему он вдруг подумал, что Анюта, выйдя отсюда, опрометью кинется в ординаторскую и примется с лихорадочной скоростью натягивать на себя теплые колготки, штанишки, толстые носки, маечку с рукавами, свитер, надевать что-то еще столь же весомо-шерстяное, только бы согреться, согреться, согреться...

«Может, ей будет лень снова все это снимать?» – подумал Виталий с надеждой.

Обернулся к посетителю, который с непроницаемым видом наблюдал эту маленькую жанровую сценку:

- Ну, в чем дело? Раздевайтесь до пояса. Майку можете оставить, прохладно у нас; цепочку, если есть, снимите.

- Да, у вас тут и в самом деле прохладно, – кивнул парень. – Поэтому я пока погожу раздеваться, а сначала покажу вам кое-что.

И он достал из сумки, висевшей через плечо, пластиковую папку.

- Что это у вас? – спросил Виталий. – Прежние снимки вашей ключицы? Да зачем они? Главное, как она сейчас себя чувствует.

- Нет, прошу вас, посмотрите, пожалуйста, – вежливо, но чрезвычайно настойчиво попросил парень, и Виталий, пожав плечами, раскрыл папку, освещенную мертвым светом неугасимого негатоскопа. [5]

Увидел верхний снимок – и резко захлопнул папку.

Это был отнюдь не рентгеновский снимок. Это была фотография, взглянув на которую Виталий мгновенно понял, что этот парень явился вовсе не от Семена.

Бог ты мой... Неужели *она* все еще не поняла, что ничего у нее не получится?!

- Кто вас прислал? – спросил он раздраженно. – Говорите быстро, ну!

- Да вы, наверное, и сами понимаете, кто меня прислал, – угрюмо ответил парень. – И сразу вам скажу: вам же будет лучше, если вы все эти материалы прочтете. Или хотя бы просмотрите выделенные места. Предупреждаю: пока вы все это не сделаете, я отсюда не уйду. И меры к вам буду применять самые неожиданные. Вплоть до принуждения.

С этими словами он щелкнул кнопкой английского замка на двери, а сам уселся в кресло рядом со столом Виталия и положил себе на колени... пистолет.

Он был какой-то длинновольный... а впрочем, в оружии Виталий не разбирался. При виде пистолета у него что-то холодно защекоотало на пояснице. И дыхание захватило от догадки: «А ведь это не *она* его прислала! Где ей раздобыть такого киллера – а у парня и в самом деле взгляд профессионального киллера как раз перед контрольным выстрелом!»

Не то чтобы он заглядывал в глаза многим киллерам накануне этого самого выстрела, но в жизни все-таки повидал немало чего. И очень четко понимал, когда надо морально и физически попятиться. Поскольку в данную минуту он сидел, попятиться физически не мог никак. Зато морально это сделал с превеликой готовностью:

- Ладно. Я прочту. Давайте вашу папку.

Да уж, знал бы он, что его ждет, когда выпроваживал Анюту... Дурак! В ней было его спасение!

А впрочем, в ней было не спасение, а только отсрочка приговора. Разве ты не ощущал в глубине души, уже после первого разговора с *ней*, – разве не ощущал, что добром дело не кончится, что если *она* уже ступила на скользкую дорожку, то скоро с нее не сойдет? Вообще

не сойдет? С ее-то несусветным упрямством и безумными принципами? Он уже один раз стал жертвой этих принципов – так что же, сейчас ждал от нее пощады?

Снова открыл папку. Виталий уже был готов к тому, что увидит, однако все равно так резанул этот снимок! Тем самым по тому самому. Он ведь уже и забыл, что Иннокентий был раньше вот таким. Беззаботным, с широкой улыбкой, с этим смешливым взглядом чуть исподлобья. Впрочем, теперь он улыбался не менее широко, но это была совсем другая улыбка. Кто и когда видел искренность в улыбке публичного политика, недавно избранного мэра Нижнего Новгорода? А впрочем, с того времени, как была сделана эта фотография, прошло тринадцать лет. Конечно, Иннокентий изменился. И тот человек, который стоял рядом с ним, тоже изменился. Это Виталий точно знал, потому что видел его каждый день. И даже не один раз в день!

В зеркале видел. Ну да, рядом с Иннокентием стоял его лучший друг – Виталик Привалов.

Он отложил фотографию и принялся перебирать бумаги, лежащие под ней. Там было не меньше тридцати листочков: что-то переснято на ксероксе, что-то отпечатано на компьютере: видимо, качали из Интернета. Часто мелькали фотографии Иннокентия: выступает где-то, общается с какими-то тетками – типичные сормовские жительницы по виду... Да ведь он и сам был родом из Красного Сормова, потомственный пролетарий, выбившийся в люди! Вот он с представителем президента – не зря, значит, плевались его соперники на выборах: Коренев – ставленник партии власти! Еще про него говорили, что в дружках у него ходят «криминалы» – пожалуйста, рядом с ним на другом фото Данила Гордеевский. На этом мужике пробы ставить негде. А вид такой, словно они кореша – не разлей вода. О, да это заметочка из черного пиара предвыборных соперников Иннокентия. Забавный текст:

вернуться

3

Так называется отделение легочной хирургии.

вернуться

4

Иначе говоря, прогнозируемый, вероятностный – тот, который может возникнуть в результате ионизирующих излучений.

вернуться

5

Специальный матовый экран для просмотра рентгеновских снимков.

«Недавно бывшие братки снова встретились и договорились о намерениях. Данила Гордеевский, небезызвестный авторитет, который, по настойчивым слухам, держит нижегородский общак, во всеуслышание поклялся, что, если кто посмеет только пикнуть против его любимого кореша Иннокентия, тот будет конкретно иметь дело с ним, Данилой, и тогда известная угроза замочить в сортире покажется детским лепетом по сравнению с

участью, которая чисто в натуре ожидает Кешиного обидчика».

Эта заметка была вся обведена красным маркером, а последние строки подчеркнуты.

Виталий передернулся и поспешно сунул листок вниз всей стопы.

Парень, сидевший в кресле, слегка усмехнулся.

Виталий насупился и принялся просматривать другие листки.

Да, тот, кто собирал все это, не поленился, что и говорить! Статьи, заметки, интервью... Взгляд Виталия выхватил еще один отчеркнутый абзац:

«- Иннокентий Петрович, в вашей жизни было много тяжелых страниц...

- Ну, наверное, они есть в жизни каждого.

- Я хотела бы спросить о личном. Извините, если мои вопросы покажутся вам не деликатными. Если вам не хочется на них отвечать, вы можете...

- Нет, почему, я счастлив буду поговорить об Эле. Вас ведь именно это «личное» интересует? Она была для меня всем на свете. Я так любил ее, что иногда даже ревновал к будущему ребенку. Думал: зачем нам кто-то еще, ведь нам так хорошо вдвоем. Ну, наверное, и... накликал, наверное.

- А вам никогда не приходило в голову еще раз жениться?

- Нет. Для меня это исключено.

- Как ваше здоровье теперь?

- Ну а что мое здоровье? Нормальное. Оно не мешает мне заниматься политикой, не помешает стать нормальным мэром для моего родного города. Больше ничего меня в жизни не интересует».

Последняя строка была обведена и отчеркнута несколько раз. Чудилось, на нее легло огромное кровавое пятно.

«- Иннокентий Петрович, вы стали преуспевающим бизнесменом, вы богатый человек. Скажите, зачем вам менять вашу успешную деятельность на горький хлеб публичного политика? Или вы думаете, что их хлеб не очень горький? Судя по тому, что вы смеетесь...

- Ну, знаете, я думаю, что всякий хлеб бывает то горьким, то сладким. Думаю, тут не может быть никаких обобщений. Я в своей жизни всякого нахлебался. И такое было горькое, что горло судорогой сводило. Ничего, как-нибудь и с политикой справлюсь.

- А вы согласны с пословицей, что все, что ни делается, делается к лучшему?

- Нет.

- Почему?! Говорят, мы даже ошибки совершаем для того, чтобы извлекать из них уроки!

- Это верно. Однако случаются ошибки, которые невозможно исправить. И никакие извлеченные из них уроки не идут впредь. Бывают такие дела, знаете... они все выжигают в человеке, остается мертвая земля. На ней уже ничего не может взойти. С этим надо жить. И вечно проклинать себя за то, что ты остался жив».

Подчеркнуто четыре последних предложения. Еще одно кровавое пятно.

«- Иннокентий Петрович, в вашей жизни были события, которые вам хотелось бы пережить еще раз?

- Конечно. Сколько угодно.

- Какие именно, не назовете?

- В основном они связаны с Элей, моей покойной женой. С нашей встречей, с нашей любовью. Мы прожили вместе всего три года - это были лучшие годы моей жизни. Я хотел бы испытать все это снова. Снова, снова, бесконечно!

- А какую бы страничку вы в своей жизни хотели переписать набело?

- Эта страничка в далеком прошлом. Я взял деньги в долг у одних людей и не смог вернуть. Это стоило мне... всего. Всего на свете. С тех пор я никогда не беру в долг. И не даю, кстати сказать».

Подчеркнут последний абзац. Строка «Это стоило мне... всего» - кровавое пятно.

Больше Виталий не мог читать. Дрожащими руками собрал все в папку, отодвинул от себя. Но один листочек все же выпал. Он сделал вид, будто не заметил, однако парень так на него глянул, что счел за благо все же подобрать вырезку.

Ч-черт! Да это же та самая, где Иннокентий снят с Дániлой Гордеевским! И текст, этот текст: *«...если кто посмеет только пикнуть против его любимого кореша Иннокентия, тот будет конкретно иметь дело с ним, Дániлой, и тогда известная угроза замочить в сортире покажется детским лепетом по сравнению с участью, которая чисто в натуре ожидает Кешиного обидчика».*

Виталий и эту бумагу сунул в папку. Отложил ее и теперь сидел, насупясь.

- Вам нужны какие-нибудь дополнительные разъяснения? - спросил парень.

- Да нет... - пожал плечами Виталий. - В принципе, она мне все еще в первый раз объяснила вполне доступно, логично и доходчиво. Нынешняя психическая атака еще более усугубила впечатление. Я, каюсь, сначала не принял ее всерьез... думал, с ума бабенка сошла.

- Ну как же это может быть? - усмехнулся парень. - Если логично и доходчиво объяснила - то как же она может быть сумасшедшей? Логичность и связность изложения - признаки нормального рассудка.

- А вы что, психиатр? Или, не дай бог, психоаналитик? - покосился на него Виталий.

- Нет, ни то ни другое. Просто рассуждаю.

- Ну и не надо рассуждать о том, в чем ни черта не соображаете, - окрысился Виталий. - Именно сумасшедшим свойственна такая внешняя логичность поведения, что они любого эксперта вокруг пальца обведут. Целую комиссию Фрейдов одурачат. Но я говорю именно о внешней логичности. Потому что, если заглянуть в глубинные причины их поступков... исследовать, так сказать, мотивацию... тут диву дашься: как могло *такое* в голову прийти! Как нормальная вроде бы женщина может таить в душе столько злобы! Ненависти! И что бы она мне там ни говорила...

Виталий осекся, заметив, что парень метнул в него какой-то очень уж заинтересованный взгляд.

Похоже, он не в курсе дела. Может, рассказать, из-за чего весь сыр-бор?.. Поведать, к какой цели стремится его чокнутая работодательница? Чем черт не шутит, вдруг да удастся воззвать к его благоразумию, добросердечию, ну, какими еще качествами может обладать человек? К совести... да нет, вряд ли! У самого-то Виталика этого пережитка нет и никогда не было, так что предполагать его наличие в других - слишком с его стороны смело. Добросердечие, кстати, из той же оперы... И вообще! Ну, расскажет он парню о *мотивах*. И чего добьется? Ведь может стать, он из породы таких же чокнутых, как *она*. И имеет столь же вывихнутое понятие о справедливости и своем праве ее восстанавливать. А главное - *она*, конечно, этого парня чем-то держит. Вряд ли большими деньгами - ну откуда у нее настолько большие деньги? - скорее, здесь что-то личное. Амур-тужур? А если так, между этой парочкой вряд ли удастся вбить клин.

Ну а хоть бы это и удалось? Получилась бы минутная отсрочка, не более. Все равно эту пламенную идиотку на полпути не остановишь. Она всегда была такая - упертая, сколько Виталий ее знал. Фанатичная! На все ведь пойдет, на все! И если пообещала рассказать Иннокентию о том давнем случае правду - значит, расскажет. Ох, господи...

- Между прочим, Коренев не женится не только потому, что не может забыть свою покойную жену, вам это известно? - вдруг произнес парень. - Есть основания думать, что он был так избит и изуродован - тогда, много лет назад, - что... навсегда потерял некоторые мужские способности. Ну, я уже не упоминаю об этой его странной манере сидеть, как бы наваясь на правый бок. И о прооперированном легком. И об отбитых почках. Да, его не пощадили. За какие-то несчастные двадцать пять тысяч долларов он расплатился со слишком большими процентами. Чрезмерно большими! Хотя платить должен был другой человек, верно? И если бы Иннокентий Петрович узнал, что обязан всеми своими несчастьями лучшему другу... узнал бы даже сейчас, через столько лет, что на основе тех двадцати пяти тысяч баксов тот сколотил себе небольшое, но весьма стабильное состояньице, позволяющее ему относиться к работе рентгенолога без напряжения, а с удовольствием, трудиться исключительно ради искусства, потому что он и правда любит свою работу, вдобавок кандидатскую пишет неспешно, с удовольствием, вот уже который год... Думаю, самое малое, что сделал бы Коренев, узнав правду о том приключении в Красноярском аэропорту, это попросил бы Данилу Гордеевского исполнить долг дружбы. А может быть, просто сделал бы эту историю достоянием гласности. Наши СМИ набросятся на этот сюжет, как голодные псы. Понимаю, потеря честного имени вас пугает меньше, чем мастера зачисток Данилу Гордеевского. Поэтому... подумайте о своих внутренних органах, умоляю вас. Сами подумайте. Врачу, изцелился сам!

Мимолетно Виталий отметил, что, даже откровенно ерничая, парень произнес это старинное изречение совершенно правильно, поставив ударение там, где надо: врачу, а не врачу. Ибо слово «врач» здесь употреблено в старинном звательном падеже. Был такой в старославянском и древнерусском языке. Открыла это Виталику в свое время одна филологиня... надо думать, та же самая, которая обучила правилам произношения этого психологического киллера! А

может, нынче киллер сам по себе пошел такой образованный, кто его разберет.

Черт... Эх они его обошли, скрутили! Она, все она – дура беспонятливая. Ну ясно же, что Виталик отдал, отдал бы эти дурацкие деньги, если бы знал, как это все обернется для Иннокентия! Что он, в самом деле, зверь какой-то, что ли? Думал, обойдется... В крайнем случае, даже был готов, что ему тоже морду малость набьют. Они же тогда, в 92-м, еще не знали, в какое кошмарное время живут! Не знали, что все прежние понятия о человечности потеряли смысл. Ну разве не могли эти опасные ребята, у которых занял денег Иннокентий, подождать немного с возвратом долга? Не подождали... С другой стороны, Иннокентий сам виноват: взял бы деньги у порядочных людей, а не у братков. Нет, это был не Данила, который у него теперь в лучших корешах ходит, а какие-то совсем уж отвязные маргиналы первой демократической волны. Сущие, как теперь модно выражаться, мизерабли. Они ведь даже никаких оправданий его слушать не стали: сразу начали колотить, требуя, чтобы или долг выложил, или подписал документы на продажу квартиры. Как бы в счет долга. Нет, Кеша все же был дурак упертый. Ну, взял бы да и подписал эти документы! Но он думал об их с Элькой будущих детках. И начал форс гнуть. А вышло, что его согнули в такую дугу... от него отступились только потому, что решили: ну, перестарались, забили клиента до смерти. Элька и нашла его... таким. Конечно, все понятно, что с ней потом приключилось. Если бы Кеша на самом деле так ее любил, как теперь кричит на каждом углу, он бы ради нее же поступился малым. Чтобы сохранить большее. Что такое квартира в сравнении с жизнью! В конце концов, он мог бы назвать браткам курьера, у которого украли деньги в Красноярске. Выдал бы им Виталика – и дело с концом!

Вот что не давало Виталию покоя все эти годы. Нет, не муки совести за то, что ради этих баксов устроил красноярскую инсценировку: куртку себе разрезал, бок не пожалел исполосовать – только кожу, конечно, но все равно это было чертовски больно. Попробовал бы кто-нибудь... Да он еще, для пушего эффекта, приложился подбородком к дверному косяку. Якобы вмазали ему. Отняли деньги, избили, порезали, пригрозили, чтобы не вздумал идти в милицию, – за ним следят, за каждым шагом...

Каждый за себя, один бог за всех – так говорили в старину. Ну вот и он был за себя там, в Красноярском аэропорту, когда устроил себе эту пытку в туалетной кабинке, чтобы присвоить двадцать пять тысяч баксов. В конце концов, именно Кешка втравил его в эту дурацкую издательскую авантюру, которая не принесла им ни денег, ни славы, ни удачи – ничего, кроме хлопот и нервотрепки. Он и расквитался с Кешкой за свои обманутые надежды.

С другой стороны, было бы, наверное, справедливо, если бы Коренев отдал своим мучителям Виталия. Бросил бы его им, как кость. Само собой, он, Виталий, вернул бы деньги. Не сумасшедший же – ради каких-то бумажек, пусть даже зеленых (между прочим, серых!), все на карту ставить, жизнью рисковать! Но Иннокентий промолчал... И Лидка ведь тоже промолчала, не выдала мужа! А она знала, она все знала. Виталик ей сам рассказал. По пьянке, дурак, расхвастался, когда она совершенно случайно наткнулась на деньги, захованные на самой верхней – под потолок! – книжной полке. Кто знал, что Лидке, которая отличалась патологической аккуратностью, вдруг привидится какая-то болтающаяся паутинка в углу и она полезет сметать эту галлюцинацию веником! Ну и смела... пачки денег.

Что характерно, она решила, что эти деньги прятал здесь хозяин квартиры, которую они снимали с Виталиком в то время! И удержать ее от немедленного звонка этому старому придурку, который вообще ни одного доллара в глаза не видел, небось и знать не знал, что это такое, можно было только одним способом: рассказать ей правду. Что Виталик и сделал, дурак.

Ну и... кончилась их семейная жизнь. Потому что Лидка потребовала вернуть деньги Кеше. А

он пообещал - и не сделал этого. Просто не успел: на другой день Кешку взяли в оборот, потом случился этот кошмар с Элей... словом, тут уже никакие деньги помочь не могли. А Лидка, когда узнала, что муж деньги не отдал, взяла да и подала на развод. Но, что самое удивительное, не заложила его ни Кеше, ни брату своему. Серега Погодин, надо отдать ему должное, хорошо к Витале относился и если не вразумил сестру кулаками, то потому лишь, что предрассудки у него такие были: женщину пальцем не трогать. А Лидке не помешала бы хорошая порка! Если бы Виталик был росточком сантиметров на пять повыше и пошире в плечах, он непременно вломил бы женушке как надо! Но разве можно с позиции силы разговаривать с женщиной, в которой те же сто семьдесят два сантиметра, что и в тебе, а когда она на каблуках, то сразу начинает смотреть на тебя сверху вниз? А Виталик вдобавок тонкокостный, поэтому кажется более хрупким, чем есть на самом деле, Лиду же формами бог не обидел, то-то она все мечтала похудеть. Теперь-то и в самом деле похудела, даже отошала. Небось довел ее до точки этот безумный план отмщения, в котором она отвела бывшему мужу ведущую роль!

И продолжает отводить, если судить по тому, что прислала к нему этого киллера с непроницаемыми глазами и зачесанными назад светлыми волосами, которые придавали его худощавому лицу вызывающий вид.

Ну, что делать? А нечего делать. Пора включить воображение и в самом деле представить, что сделает с ним Кеша, если только узнает правду... А если дело дойдет до прессы, то Виталию никогда в жизни кандидатскую не защитит, факт. Эти нищие интеллигенты его не пропустят. В том случае, если, конечно, он останется жив после разборок с ребятами Данилы Гордеевского. Да небось и сам Кеша не погнушается руки испачкать в крови бывшего друга детства.

О, за-ра-за... Зараза Лидка! Ну за каким чертом ей понадобилось всколыхнуть в душе Виталия все давно забытое, давно притихшее, уснувшее под толстым слоем времени! Скажем, попросила бы у него денег. Разве он не дал бы? Дал! Нет, ей деньги не нужны. Ей нужна его душа.

А ведь делать нечего. Придется соглашаться. Душу у него все равно вынут. Или Лидка - фигурально, или Кеша с Гордеевским - буквально. Так уж пусть лучше это произойдет метафорически.

- Ладно, согласен, - буркнул Виталий. - Скажите ей - все сделаю. А когда?

Парень не удивился его согласию. Похоже, не сомневался в нем. Правильно рассчитал: такие доводы, как эта папка, *нестохастическая* - хоть и гипотетическая! - реакция Иннокентия и мрачный образ самого визитера с этим пистолем в руке, действуют более чем убедительно.

- Теперь осталось устроить так, чтобы эта особа сама к вам обратилась, - мягко пояснил парень, не убирая, впрочем, пистолета. Видимо, просто так, на всякий случай. - Подвести ее к этой мысли. Заставить, грубо говоря... Но это уже не ваша проблема. Вы просто должны будете позвонить ей. Когда конкретно - вам скажут. Позвонить, заинтересоваться ее проблемами и пригласить к себе на прием. И как только назначите ей время, немедленно сообщите - сами знаете кому. Номер мобильного у вас есть? Ну, вот я вам оставляю на всякий случай.

Положил на стол заранее приготовленную бумажку.

Виталий с ненавистью смотрел на твердый, крупный, сильно наклонный почерк своей бывшей жены. Согласно исследованиям графологов, люди с таким косым почерком весьма подвержены

чужому мнению, их легко сбить с пути.

Черта с два! Спите спокойно, господа графологи! Ваши заключения ни к черту не годятся! Покажите мне человека, который Лидку с пути истинного собьет! Ему надо при жизни памятник поставить, авансом Нобелевскую премию выдать. А также Букеровскую. Хотя это из другой оперы...

- А скажите, э... не знаю, как вас, - Виталий досадливо прищелкнул пальцами. - Вот вы говорите, что теперь *эту особу* надо заставить мне позвонить. А кто будет ее *заставлять*? Не вы ли, позвольте спросить?

- А вам что за печаль? - осведомился парень, сгребая папку, легко поднимаясь из продавленного кресла и весьма профессионально - не поворачиваясь к Витале спиной - отступая к двери.

- Да так, интересуюсь, - пожал тот плечами с видимой небрежностью. - Просто хотел вас остеречь - по знакомству, так сказать. *Эта* особа не менее тонкая штучка, чем *та*, которая вас ко мне послала. А может, и более. У нее весьма расплывчатые моральные принципы и полное отсутствие осторожности, если закусит удила. А кусается она очень больно. Ясно? Так что опасайтесь, как бы не попасть из огня да в полымя. Не оказаться меж двух огней. Понятно?

Честно говоря, он тихо надеялся: если не поставил Лидке палки в колеса, то хоть песочек в бензобак подсыпал, выражаясь доступным языком. Но он недооценил киллера!

- То есть как бы не очутиться в том же положении, в каком пребываете вы в данный исторический момент? - хмыкнул тот. - Ничего. Как-нибудь отобьемся! Всего хорошего, Виталий Павлович.

И киллер ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь, оставив свою жертву в состоянии тихого, бессильного бешенства. Между прочим, у Виталия стало бы значительно легче на душе, если бы он мог предвидеть, что настанет день, когда его пророчество сбудется... И настанет сей день очень скоро! Но поскольку он не обладал паранормальными способностями, то оставался в глубокой тоске и печали еще долго. И никому, тем более бедной Анюте, не удалось вывести его из этого состояния!

21 апреля 2002 года

Майя Майданская... Неужели та самая?! Жена, а теперь вдова Валерия Майданского. Понятно, почему она ужаснулась при виде Лиды: ведь перед ней вдруг появилась сестра человека, который убил ее мужа. Причем, судя по слухам, вроде бы даже на ее глазах...

Стоп.

Не проходит.

Лида зажгла лампу на тумбочке, нашарила халат, валявшийся на коврик у постели (она всегда сбрасывала халат на пол, чтобы не брести в одной ночной рубашке к креслу, дрожа от холода, а сразу завернуться в мохнатую ткань, сохранив накопленное за ночь тепло), сунула ноги в тапочки и взяла с туалетного столика щетку. Ей всегда легче думалось, когда голова была в порядке. Как если бы упорядоченная прическа упорядочивала мысли. По той же причине она никогда не садилась к компьютеру в халате: только вполне умытая, одетая, с тщательно заплетенной и уложенной косой. Однако сейчас Лида не намеревалась браться за

работу: все-таки половина третьего ночи. Ей надо было просто подумать. Потому что, пока до чего-нибудь не додумается, все равно не уснет.

Она согрела воды в джезве, опустила в чашку пакетик жасминового китайского чая (самого любимого) и села с ногами в кресло, завернувшись в плед.

Значит, так...

Где это она недавно читала, что всякое расследование непременно начинается с этой сакраментальной фразы? Кажется, в каком-то детективе? Ну что же, это правда!

Значит, так. Майя Майданская никак не могла признать в случайной посетительнице сестру убийцы своего мужа – просто потому, что никогда ее не видела. Ведь трагедия произошла, когда Лида была во Франции. На суде она не присутствовала. И тем не менее Майя ее знала, это несомненно.

Откуда? А это вопрос первый.

Вот напасть! Она думала, что посещение «Красной волчицы» даст ответ если не на все, то на очень многие вопросы. А вышло, что оно, наоборот, поставило еще больше новых!

Вопрос второй – он же главный. Тот, который в самое сердце поразил Лиду еще там, в ночном клубе «Красная волчица». Почему клуб так называется – понятно. Но почему Майя Майданская пела ту же песню, которую слушал перед смертью Сергей? Нет, не так. Почему Сергей слушал ту же песню, которую пела эта самая Майя? Это был ее голос, там, на пленке! Может быть, звучавший несколько в другой тональности, но явно ее, с этим непередаваемым тембром, с хрипотцой, которая тотчас сменялась резким повышением голоса, придавая ему такое обаяние и очарование, которого не дождешься от профессионально поставленных голосов. Майя и правда пела очень хорошо, а «Красная волчица» наверняка была ее хитом, ее визиткой.

Ну и что? Этого мало, чтобы Сергей выбрал именно эту песню для *последнего пути* ...

Значит, дело не в песне. А в чем? Вернее, в ком? Не в Майе ли Майданской?

Может быть, Сережа был к ней равнодушен? А что, это вполне объяснимо: Майя очень красива, и голос чарующий. Этакая сирена. Может быть, между ними даже что-то было? Ведь Лида совершенно ничего не знала о жизни брата все эти годы. Он не женился, но ведь какие-то встречи, какие-то романы у него должны были быть! Что, если он был влюблен в Майю и убил ее мужа из ревности?

Нет, вряд ли. На Сергея это не похоже. Не похоже! При всей своей порывистости и эмоциональности он был человеком разумным. Влюбившись, он бы сделал все, чтобы добиться этой женщины, но убивать ее мужа, как бы ни презирал, ни ненавидел его... К тому же, если Сергей даже и любил Майю, она-то, видимо, оставалась к нему равнодушной. Она ведь не бросила Валерия Майданского, каким бы подлым он ни был. Она жила с ним, а потом, вскоре после его смерти, нашла себе этого молодого хиппаря с пышными волосами. Сразу видно – любит его, счастлива с ним. Вон какие взгляды метала в его сторону. Нет, романтическая история с Сергеем что-то никак не вписывается в картину Майиной жизни.

И опять упираешься в то же самое! Почему Майя так испугалась при виде Лиды? Ответ может быть, конечно, самым простым: приняла ее за кого-то другого. От неожиданности растерялась – поэтому и отвиралась так бездарно: аллергия у нее, дескать, на полынный запах!

Предположить можно все, что угодно, потому что Лида вообще ничего не знает толком. Ни о Майе, ни о ее муже, ни о Сереже.

Бог ты мой... как же это так вышло, что жизнь единственного родного человека – брата! – стала для Лиды наглухо закрытой книгой? Кто в этом виноват?

Да никто, кроме нее. Она была по натуре своей одиночкой, лучше всего чувствовала себя в одиночестве, нисколько от него не страдала. Может быть, это эгоистично, но пока она не встретила людей, ради которых стоило бы надолго открывать ту шелковую, душистую коробочку, в которую была заключена ее душа, она быстро уставала от близкого общения, будь то сердечная дружба или романтические отношения. Но Сережа...

Даже не в нем дело. Вернее, не только в нем. Дело в его жизни и смерти. Дело в его изуродованном лице, изувеченном теле и погасшем голосе. Дело в его безропотности! Именно все это вместе прострелило шелковый кокон Лидиной души. Теперь она, если бы даже хотела, не смогла бы избавиться от ощущения, что жизнь дует в нее со всех сторон. Сквозит и сильно сквозит ветром боли. Она это чувствует всем телом, а не только душой. И самое малое, что она может сделать, стараясь вернуть хотя бы подобие прежнего комфорта, это попытаться узнать, что же на самом деле произошло между ее братом и Майданскими.

Осталось еще меньшее – сообразить, как это сделать. Лучше всего, конечно, добиться встречи с тем следователем, который вел дело Сергея. Но это практически нереально.

Попросить о свидании и разговоре Майю? Наивно думать, что она согласится. Кроме того, что доброго она может сказать об убийце мужа? Даже если и питала к Сергею раньше какие-то чувства, теперь их у нее явно не осталось.

Поговорить с людьми, которые в то время были рядом с Сергеем? С друзьями? Но Лида не знает его друзей... На похороны никто из них не пришел, хотя она дала объявление в газете. Были только соседи. Даже Виталий не пришел, хотя ему-то Лида нарочно позвонила – пересилила себя и позвонила. Правда, не застала, оставила сообщение на автоответчике. Виталий не отозвался и не появился. Может быть, просто не прочитал сообщение? Автоответчик забарахлил? Что ж, бывает...

А между прочим, Виталий мог что-то знать о случившемся. Но общаться с ним у Лиды нет сил. Только похороны Сергея могли заставить ее обратиться к этому подлецу. И просто воображения не хватает представить, что могло бы заставить Лиду еще раз обратиться к Виталию! Ну, нет, нет, не может быть такой причины. Надо искать какие-то другие пути к истине.

Поговорить с соседями? Но что им может быть известно? Все, что знали Костя, Женя и Клавдия Васильевна, они Лиде уже рассказали. И это были только общие слова: поздно вечером, возвращаясь из оперного театра, Сергей случайно встретился со своим давним неприятелем Майданским, который шел с женой. Тот начал задираться, Сергей ответил, ссора перешла в драку, Майданский был убит случайно. Это Лида и так знала. Никто из соседей не присутствовал на суде, им ничего в деталях не известно, к тому же процесс был закрытый. Газеты?.. В них что-то могло быть. Да, надо обязательно просмотреть газеты за 1999 год, начиная с мая месяца, когда произошло убийство. Странное, между прочим, совпадение. Май, Майя, Майданский... Сплошные созвучия! А в них есть какой-то смысл или нет?

Лиде всегда становилось немного легче, когда она принимала какое-то конкретное решение. Вот как сейчас: посмотреть газеты. Осталось дожидаться утра, а теперь можно лечь и поспать –

если не с чувством исполненного долга, то хотя бы найденного пути. Так оно, конечно, а вдруг зал периодики областной библиотеки по обыкновению будет закрыт? Снова кто-нибудь – пожарные, санэпидстанция, да мало ли кто еще! – обнаружит, что старинное здание бывшего монастыря, в котором примостился зал, категорически не подходит ни для хранения такого количества материалов, ни для нормальной работы людей. В принципе, это обычное состояние зала периодики – быть закрытым. Ну, наверное, подшивки местных газет не столь уж большой давности можно найти и в городской библиотеке...

Стоп. Зачем ждать до утра? Лиде все равно не спится – может быть, пошарить в Интернете? Вдруг там да найдется какая-нибудь информация?

Она прошла в другую комнату, включила компьютер и модем. Модем был старый и хиловатый, но сейчас, глухой ночью, когда линия не перегружена, даже он справился с задачей без напряжения и довольно быстро загрузил стартовую страничку мегаэнциклопедии «Кирилл и Мефодий». Лида набрала в окошечке поиска слово «Майданский», поставила задачу поискать по всему Интернету и нажала на Enter. Вскоре возник ответ: «По запросу «Майданский» на мультипортале найдено 4 ресурса. Из них мегаэнциклопедия – 1, рефераты, доклады, курсовые – 2, новости – 1». Для начала Лида кликнула на мегаэнциклопедию и узнала, что раздел повествует о полхов-майданской росписи. Рефераты были посвящены росписи пасхальных яиц в Полхов-Майдане и Крутце. Новости сообщали, что в Полхов-Майдане продолжается развитие традиционного токарного ремесла.

Попытки обратиться в другие поисковые системы возвращали Лиду все в тот же Полхов-Майдан.

То есть общение с Интернетом пользы не принесло. Придется, значит, ждать утра и шарить по газетам... Только ведь информация в них будет самая что ни на есть поверхностная. И недостоверная... Ну, поскольку машины времени у нее нет и не имеется никакой возможности незаметно оказаться в зале суда в то время, когда там шел процесс над Сергеем, придется довольствоваться...

Стоп! А вот, кстати, насчет зала суда. Областного суда... В областном суде есть архив, где хранятся материалы всех судебных заседаний. Дело за малым: проникнуть в этот архив и получить доступ к делу.

Шансы равны нулю.

Нет. Нет, не нулю, потому что у Лиды есть хорошая знакомая – местная детективная знаменитость по имени Алена Дмитриева, которая вроде бы в архиве облсуда практически свой человек, потому что щедро черпает там сюжеты для своих романов. Лида познакомилась с ней еще три года назад – как ни странно, отнюдь не в родимом городе, а в Париже, в Галери Лафайет. Подробно рассказывая веселой русской покупательнице о свойствах крема Face sculptor фирмы Helena Rubinstein, Лида спросила, откуда та приехала. Оказалось, из Нижнего! Немножко поболтали, нашли общих знакомых. А через месяц, когда Лида возвращалась домой, молодые женщины встретились в аэропорту Шарль де Голль на регистрации билетов. Сели рядом в самолете и проговорили все три с половиной часа полета до Москвы. Лида тогда была не в себе из-за внезапности случившегося с Сергеем и смерти тетки и не могла удержаться от откровенности. Выложила Алене все: и о том, как и за что бросила Виталия (без подробностей, конечно, просто сказала, что он подло подставил их общего друга), и о том, что брат встал на сторону мужа, хотя не знал сути дела, а у Лиды не хватило сил предать благоверного; рассказала о том, что прежняя боль утихла, а теперь всколыхнулась с новой силой: почему она должна бросить налаженный уклад жизни и заниматься проблемами Сергея?

Алена выслушала и просто ответила, что Лида всегда может вернуться в Париж - виза-то действительно до конца года. В принципе, можно улететь сразу, обратным рейсом. Взять билет в Шереметьево - и... Но, может быть, стоит хотя бы попытаться облегчить Сергею тяжесть его мучений? Просто так, для очистки химеры, именуемой совестью? Потому что, в конце концов, именно ему сейчас хуже всех и тяжелее всех.

Тогда, в самолете, Лиде показалось, что Алена чрезмерно просто воспринимает ситуацию. Привыкла общаться с выдуманными страданиями - вот и разводит чужую беду руками с легкостью необыкновенной! Только сейчас она поняла, что случайная знакомая была совершенно права.

У них с Аленой по-прежнему были хорошие отношения, однако в большую дружбу это не переросло: обе были слишком заняты своими делами, своими проблемами, к тому же между женщинами редко бывают совсем уж хорошие отношения, без доли соперничества. Как сказал какой-то классик - дружба двух красавиц редко бывает безоблачна... И все-таки Лида знала, что если Алена будет в силах ей помочь, то сделает это.

Поэтому она выключила компьютер и снова легла, уговаривая себя уснуть. Уговорила только часам к шести, поэтому еле продрала глаза в восемь. Может, кому-то и было в эту пору звонить еще рано, но только не писательнице Дмитриевой, которая во всех своих интервью заявляла, что встает в шесть, самое позднее - в семь утра, потому что, кто рано встает, тому бог дает. И в самом деле - трубку сняли после первого же звонка, а голос ранней пташки был свеж, звонок и бодр.

- Поступим так, - сказала Алена, услышав Лидину просьбу. - Я сегодня же зайду в архив и спрошу Кларочку, в смысле, Клару Федоровну, завканцелярией, что тут можно сделать. Я так понимаю, тебе это надо вчера?

- Хотелось бы даже позавчера, - улыбнулась Лида, восхищаясь тем, как мгновенно все просекла Алена. Вообще ей нравились люди, которые сразу улавливали суть дела и не разводили вокруг разговоры, а искали решение проблемы. Сама она, как ей казалось, была скорее склонна усложнять задачи и видеть неразрешимые проблемы там, где их вовсе не было. Но стоило только ей пойти по какому-то пути, как свернуть ее оттуда было немислимо.

- Тогда жди моего звонка, - велела Алена. - Номер мобильного у тебя не изменился?

- Нет. Но теоретически я весь день должна быть дома.

- Тем лучше. Я тебя найду. А сейчас, извини, у меня тут самый напряженный момент, - виновато сказала Алена. - Она наконец-то узнает, кто на самом деле виновен в смерти ее брата...

- Что? - вскричала Лида. - Какого брата?

- Старшего, - ответила Алена. - А что?

- Ничего...

Вот и не верь после этого в удивительные совпадения! Оказывается, героиня нового детектива Алены Дмитриевой тоже ищет, кто виновен в смерти ее брата! Тоже? Значит, Лида считает, что в смерти Сергея виновен *кто-то*, а не *что-то*?

Ладно. Кто или что - она это узнает. Выяснит. Найдет. Если не подведет Алена Дмитриева.

Что характерно, она не подвела.

В десять утра раздался звонок.

- Значит, так, - начала писательница, по своему обыкновению экономя время. Она вообще говорила очень быстро, а когда Лида однажды спросила, почему у нее такая забавная манера, Алена засмеялась и ответила, что набралась ее у сотрудников угро, которые торопятся обменяться информацией между двумя бандитскими выстрелами. Кстати, вот где Лида читала, что каждое расследование начинается с сакраментальной фразы «Значит, так». В каком-то детективе Алены!

- Значит, так. Кларочка готова нас с тобой принять сегодня после половины второго, как только закончится обеденный перерыв. Но есть одно «но». У них работает какая-то комиссия - проверяет состояние канцелярии. И это затянется неведомо на сколько. Поэтому все дело она нам дать посмотреть не сможет. Только приговор.

- Но я и так знаю приговор, - разочарованно сказала Лида. - Пять лет в колонии общего режима.

- Ты не поняла, - терпеливо объяснила Алена. - На языке судейских то, что ты сказала, - это вердикт. А собственно приговор - это квинтэссенция дела, точнее конспект, в котором кратко, сжато и предельно четко сформулировано все, что имеет к нему отношение. Нет, не этапы расследования, конечно, а все, что прозвучало на суде. В приговоре изложена суть всех показаний. А ведь именно это тебе и нужно, верно?

- Ну да, наверное, - нерешительно согласилась Лида.

- Тогда встречаемся в полвторого около облсуда. Только договоримся - не опаздывать! Пока-пока!

И писательница положила трубку.

Лида же подержала свою в руке с некоторым недоверием. Стремительность, которую придала ее неторопливым размышлениям Алена, ее не то чтобы напугала, но заставила несколько оторопеть. Интересно, откуда такой внезапный альтруизм у всегда страшно занятой местной знаменитости? Почему она вдруг, словно с печки упала, решила идти с Лидой в суд? В принципе, ответ прост: у писательницы там свои дела. Ей тоже нужно посмотреть какие-то материалы, вот она заодно и напрягла какую-то там Кларочку по поводу Лидиных проблем.

Так-то оно так... Однако Алены Дмитриевой ее знакомые последнее время слегка побаивались. Около этой дамы практически ничего не могло произойти, чтобы не оказаться отраженным в ее очередном романе. Мало того что все события своей жизни она препарировала с неким веселым мазохизмом, точно так же небрежно и потребительски она относилась к характерам и судьбам всех своих друзей и знакомых. Вполне достойные и приличные люди не без опаски вчитывались в очередной романчик Дмитриевой, с ужасом узнавая себя в героях, рядом с которыми они не решились бы оказаться в темном переулке! Самое смешное, что, когда проходил первый припадок неистовой злости, во время которого хотелось предать аутодафе писательницу - сжечь ее на костре из ее же многочисленных детективов, они начинали втихомолку гордиться тем, что угодили-таки в большую... ну, может, не в очень-то большую, но все же литературу, и с небрежной ухмылкой сообщали, что Алена опять их изобразила! У нее всегда был наготове блокнот, в который она весело записывала случайно оброненные фразочки и свои мимолетные впечатления. Рассказывали, что по всей ее квартире, у каждого из трех телефонных аппаратов, разложены подобные блокноты, что Алена дотошной Левия Матвея,

того самого, о котором бедный Иешуа Га-Ноцри как-то сказал: ходит, мол, тут за мной один с козлиным пергаментом и пишет, и пишет, и пишет...

А чем это для Иешуа закончилось, всем известно.

Ради бога, ремесло у них такое, у писателей, – писать, однако Лиде совсем не улыбалось сделаться одним из персонажей нового романа детективщицы Дмитриевой. И тем более таким персонажем сделается Сережа. Как быть, если окажется, что видимый альтруизм Алены имеет под собой совершенно конкретную и деловую базу? Дескать, я тебе помогаю докопаться до сути в деле твоего брата, а ты за это отдаешь мне свои и его боли и страдания на публичное растерзание.

Может, пока не поздно, позвонить Алене и отказаться от ее помощи? Но как же тогда узнать правду о случившемся? Самой-то ей нипочем не подобраться к материалам Сережиного дела...

Или не усложнять ситуацию? Воспользоваться тем, что само идет в руки? Может быть, Алена еще и не потребует «платы натурой». Она и без того пишет какой-то детектив о том, как сестра пытается выяснить, кто виноват в смерти ее брата. Вряд ли ей захочется писать два романа подряд об одном и том же!

И Лида в который раз в своей жизни призвала на помощь любимую подружку и утешительницу великого множества женщин – Скарлетт О'Хара, некогда сказавшую: «Я не буду думать об этом сейчас. Я подумаю об этом завтра!»

В данном конкретном случае – сегодня, в половине второго.

Только надо постараться не опоздать, потому что писательница Дмитриева была известна не только своей опасной всеядностью, но и редкостной пунктуальностью: она не опаздывала *никогда*.

29 декабря 2002 года

Ярослав взглянул на часы. Что-то задерживается номер... Уже пятнадцать минут сверх обычного времени прошло. Вчера она начала петь ровно в десять, позавчера – тоже. А сейчас уже одиннадцатый час, однако Майданской не видно.

Что-то произошло? Внезапно изменилась программа? Или просто случайная задержка?

– Когда певица-то будет? – поймал Ярослав за локоток проходившую мимо официантку.

– Осторожней! – Она с профессиональной ловкостью увернулась, едва удержав в равновесии поднос с грязной посудой, бывший у нее в руках. – Вы что, хотите, чтобы я испортила ваш джемпер?!

Голос ее, начавшись на высокой, возмущенной ноте, постепенно смягчился:

– Извините... Вот-вот начнется выступление... У нее там какие-то проблемы с платьем.

Ярослав улыбнулся, глядя девушке в глаза. Взгляд ее растерянно заметался, потом зажегся неподдельным интересом. Казалось, что только страх потерять хорошее место работы удерживает ее от того, чтобы не брякнуть поднос на пол и не прыгнуть на колени к этому клиенту.

Ярослав внутренне усмехнулся.

Раньше он умел зачаровывать девушек улыбкой так же, как, гласят легенды, святой Франциск зачаровывал птиц. Но, видно, что-то произошло с ним, а может, девушки нынче пошли похитрей, чем прежде, потому что сначала его обдурила Лола, а потом в его жизни появилась эта Лида Погодина, и теперь он сам был в ее руках чем-то вроде дрессированной птички... типа говорящего попугая.

А впрочем, это он себе польстил! Потому что птицы безобидны, он же - отнюдь нет. Он - не говорящий попугай: он скорее напоминает кобру. Ту самую, что послушно извивается под тихую музыку, которую извлекает из своей дудочки индийский или африканский заклинатель змей... Как же они называются?.. Буни, вот как! Одного такого змеечарователя Ярослав сам видел пару лет назад в Марокко, на базарной площади в Марракеше. Очень нехилое было зрелище! Заметив интерес туриста к своему искусству, буни на ломаном английском начал уговаривать его потрогать змею, тыкая в свои зубы двумя пальцами и таким образом объясняя, что у кобры ядовитые зубы вырваны.

- Тачь ит, тачь! [6] - твердил он.

Ярослав не прочь был испытать свою храбрость, он вообще любил судьбу пытаться, однако очень кстати вспомнил, как недавно в автобусе кто-то из братьев-туристов авторитетно объяснял, что ядовитые зубы у змей вовсе не вырваны. И в последнее время фанатики-мусульмане загубили таким образом немало доверчивых и безрассудно храбрых идиотов-белых. Преимущественно тех, кто бродит по базарной площади в одиночку. Потянется такой кичливый дурень к якобы обезвреженной и даже какой-то сонной змее, а она его цап своими зубищами! И в ту же секунду буни вместе с его коброй словно ветром сдувает с площади, на этом месте смыкается разноголосая толпа торговцев, причем каждый настолько занят своим делом, что даже внимания ему недосуг обратить на тихо (или громко, в зависимости от тяжести поражения) погибающего неверного.

Может, это были досужие байки, кто знает? Однако они отчего-то вбились Ярославу в голову...

- Нема дурних! - ответил он этому хитрецу на ломаном украинском, с помощью трех пальцев доходчиво объяснив, что бесплатного развлечения нынче никому не обломится.

Так вот, он, Ярослав Башилов, теперь такая же зачарованная змея, которая, при всей видимой сонливости, в любую минуту готова цапнуть любую неосторожную руку. А Лида Погодина очень крепко держит в своих ручках эту самую дудочку, мелодии которой Ярослав вынужден подчиняться...

вернуться

6

Потрогай ее, потрогай (англ.).

Так, очнись, кобра. Официантка все еще торчит у твоего столика, словно натурщица для статуи «Девушка с подносом», привлекая к твоей персоне ненужное внимание досужих зевак. Как бы это ее полюбезней спровадить? Не скажешь ведь, как надоедливой кошке: «Брыс-сь!»

- До сколько работаешь? - спросил он, глядя чуть вприщур. Знал, как это действует на таких

вот хорошеньких простушек.

- До двух. Мы вообще в два закрываемся... А что?

А то, что болтун - находка для шпиона.

- До двух... - протянул Ярослав. - А не страшно одной возвращаться в такое время?

- Страшно, - откровенно призналась крошка.

- А если будет провожатый? - поинтересовался Ярослав.

- Тогда другое дело! - Ее глаза засияли.

- Ну что ж... - поднялся со стула Ярослав. - Тогда я сейчас пойду прогуляюсь, а потом вернусь. Нормально?

- Нормально! - воскликнула она, цветя улыбкой, и унесла наконец-то прочь свою ношу.

Ярослав пошел в гардеробную. Забавно... Не дождавшись ночью обаятельного провожатого, официантка искренне будет считать его обманщиком. А ведь Ярослав ей ничего не обещал - просто поинтересовался, до которого часа она работает и не лучше ли ходить в такую позднюю пору с провожатым. И если девушка решила, что именно он будет этим самым сопровождающим лицом, - что ж, каждый понимает все согласно своей испорченности! Он ведь не обманул ее даже в том, что скоро вернется в клуб.

Вернется, да. Вот только заходить вряд ли будет...

Но это уже детали. Маленькие детали большой операции.

Операции, придуманной, кстати, не им. И не представляющей для него ни выгоды, ни интереса. Но он является в этой операции главным действующим лицом. Кобре ведь тоже до лампочки, кусать глупого белого туриста или не кусать. Но буни издает какой-то особый звук на своей дудке - и... фас!

Ярослав взял куртку в гардеробной, сунул десятку «викингу-убийце» (сравнение тоже было придумано не им, но ему нравилось) и вышел из дверей, слыша, как в спину ему ударили первые звуки мелодии. Итак, певица начала свое выступление!

Он отошел от «Красной волчицы» как можно скорей (и потому, что времени терять нельзя, и потому, что его раздражал вид снега, залитого алыми сполохами огней, точно кровью), перебежал улицу, миновал еще полквартила и приблизился к своему джипу, стоявшему у обочины.

Открыл дверцу, поглядел на женщину, сидящую на переднем сиденье, справа. Ее лицо казалось очень бледным.

В салоне было тепло, даже душновато. Пахло ее духами.

Ярослав мгновение постоял, вспоминая всплывшую откуда-то строку (много чего было в его жизни, даже стишки почитывал!): «Бензина запах и сирени остановившийся покой...» Ну какая сейчас сирень, в декабре? Хотя, конечно, опушенные щедрым снегом деревья и впрямь бывают иногда похожи на пышно цветущие сирени.

А, чушь все это. Ненужная лирика. Ее духи вообще не имеют к цветам отношения, а называются «Грин тии» – «Зеленый чай».

– Заждались? Она только сейчас начинает петь. Пошли?

Подал ей руку, но она проворно выскочила сама, высоко подбрав свою юбку.

Ярослав отвел глаза. Вот уж сколько времени прошло, а он все не может смотреть на ее коленки в этих коричневых чулочках. Психоз какой-то, честное слово. Сколько раз эти коленки снились ему ночью, кто бы только знал!

Но она будет последней, кто узнает об этих бредовых снах, о которых он и сам-то стыдится вспоминать, не то что другим о них рассказывать.

Ярослав запер машину и поспешил вслед за Лидой, которая уже перешла наискосок дорогу и нырнула в арку дома, который соседствовал с тем, где располагалась «Красная волчица». Здесь, на Рождественской улице, бывшей Маяковке, дома по обе стороны стояли плотной стеной, изредка прорезаемые только поперечными улицами (они здесь назывались съездами, потому что вели круто вниз с высокой горы – ныне набережной Федоровского) да этими арками. За внешне приличной стеной старинных, конца XIX – начала XX века, зданий с их многочисленными вывесками («Скоба», «Барбарис», «Джинсовый стиль», «Мегаполис», «Фортуна», «Фигаро», «Продукты», «Охранное агентство «Вестерн» и прочая и прочая) таилось хитросплетение проходных дворов, сохранившихся в неприкосновенности еще с тех времен, когда плохие мальчики народовольцы-бомбометатели скрывались тут от царских шпигов и жандармов, ну а воры, пристанищем которых была старая Рождественка, держали здесь свои «малины». В то время компьютерных салонов не было и в помине – их место занимали мелкие и крупные лавки, кабаки, рестораны, а также доходные дома и многочисленные «нумера». Кстати, именно эти «антикварные» местечки были, извините за выражение, воспеты местным уроженцем и завсегдаем, по совместительству буревестником революции Максимом Горьким в бессмертной пьесе «На дне». Хочешь не хочешь, а проходя этими темными подворотнями и проходными дворами, невольно вспомнишь порожденных означенным Буревестником трепача Сатина и ухаря Ваську из этой самой пьесы, а также Павла Власова в пору его ранней и крайне бестолковой молодости, еще не оплодотворенной революционными идеями. Хотя Павел-то, коренной сормович-пролетарий, здесь вряд ли хаживал, ему сюда ход был заказан...

Разумеется, вспоминал этих анахронических личностей лишь народ, отягощенный интеллигентскими предрассудками. Люди попроще и посовременней думали прежде всего о том, чтобы уберечь свои карманы и жизнь от нынешних обитателей этих заповедных местечек, крутейших маргиналов. И ни один человек в здравом уме и трезвом рассудке не сунулся бы в одиннадцатом часу вечера в этот проходной двор позади ночного клуба «Красная волчица».

На этом и строился весь план операции. Что здесь никого лишнего не окажется.

Внутри двора темно, черт ногу сломит, и единственное освещенное окошко мало спасало положение. Однако Ярослав и Лида уже дважды проторили здесь тропу двумя прошедшими вечерами, поэтому чувствовали себя в темноте почти уверенно.

Они держали путь именно к окошку.

Приблизившись, Ярослав заглянул за выступ облупившегося крыльца с новенькой металлической дверью (черный ход клуба «Красная волчица»), вынул оттуда загодя припрятанный деревянный обрубок и, подставив его как раз под освещенное окно, вскочил на эту подставку. Сначала он пригнулся, но постепенно выпрямился и заглянул в зарешеченное

окно. Теоретически, поскольку выступление певицы уже началось, кабинет директрисы (а ею и была эта самая певица) должен был пустовать, но чем черт не шутит...

Черт ничем не шутил - в кабинете никого не оказалось. Ярослав, не оглядываясь, опустил руку и тотчас ощутил в ней деревянный штырек. Он хмыкнул, потому что сейчас напоминал себе хирурга, ассистентка которого понимает шефа без слов. Ну, они с Лидой отработали каждое движение.

Он просунул штырек сквозь прутья решетки и осторожно начал постукивать в форточку. Та неохотно подалась. За два вечера наблюдений удалось установить, что форточка закрывается туго, поэтому хозяйка никогда не поворачивает шпингалет. Это было очень кстати.

Форточка приоткрылась. Ярослав опустил штырек вниз, Лида приняла его. Теперь в ладонь Ярослава легло что-то холодное и тяжелое. Знакомое ощущение! Его «вальтер». Ярослав просунул ствол в форточку, изогнулся, лоя в прорезь мушки букет огромных искусственных, очень красивых хризантем, стоящий чуть ниже уровня его глаз, на книжном шкафу (кабинет находился в полуподвале), прицелился и осторожно - он привык, что «вальтер» при выстреле чуть дергается и может сбить прицел, - нажал на спуск.

Раздался негромкий щелчок. Ярослав знал, что запас газа в баллончике уже на исходе, именно поэтому звук выстрела был еле слышен. Газ мог закончиться вот-вот, однако он сознательно шел на этот риск, чтобы выстрела не мог расслышать охранник, стоявший по ту сторону двери. Силы оставшегося газа вполне хватило, чтобы вытолкнуть из ствола маленькую желатиновую капсулу и заставить ее пролететь расстояние в два метра - от форточки до стены над букетом ненатурально красивых неживых хризантем. Более того, этой силы было вполне достаточно, чтобы заставить капсулу разбиться о стену и усеять цветы маслянистой росой. Больше ничего и не требовалось.

Кстати, он всегда жалел, что имеет не настоящий «вальтер», но только не сегодня вечером. В настоящем капсулу расплющило бы о боек в одно мгновение. Пневматика - это было именно то, что надо.

Ярослав знал, что не промахнется. Это надо было очень постараться - промазать с двух метров! Убийцу отца он застрелил тоже через форточку. Правда, в руках тогда у Ярослава был обрез, а стрелять пришлось с двадцати метров. Вдобавок, не стоя на удобной подставке, а сидя на березе на высоте четвертого этажа.

Ничего, попал, куда метил - в голову. До этого, правда, Ярослав месяц тренировался. Кажется, навыки стрельбы через форточку остались у него теперь на всю оставшуюся жизнь.

Это у него, во всяком случае, получалось гораздо лучше, чем стрельба в упор по живым людям. Взять хотя бы тот провальный эпизод на Полтавской... Именно благодаря тогдашней своей чудовищной глупости он сейчас торчит на этом чурбане в темном дворе и делает то, чего хочет от него девушка с косичкой школьницы и душой натуральной леди Макбет. У кого это, подумал Ярослав, у Лескова, кажется, есть рассказ «Леди Макбет Мценского уезда»? Так вот, эта красотка в клетчатой юбочке и коричневых чулочках запросто может зваться «Леди Макбет Советского района Нижнего Новгорода». А впрочем, у леди Макбет были совсем другие побудительные причины, чем у Лиды. Да и руки в крови означенная леди обагрела сама, лично, не нанимала киллеров...

Ярослав был уверен, что все в порядке, но на всякий случай нажал на спуск еще раз.

«Контрольный выстрел!» - подумал он с мрачной улыбкой и, перехватив револьвер за ствол,

опустил его вниз.

Револьвер был принят, а вместо него в руке Ярослава оказалась толстая металлическая проволока, согнутая крючком. Этим крючком он подцепил край форточки и начал тянуть его на себя. Когда край почти достиг фрамуги, Ярослав резко рванул проволоку и успел выдернуть ее из окна прежде, чем форточка закрылась. Почти. Хозяйка, правда, закрывала ее чуть плотней, но совсем ненамного. Вряд ли она заметит разницу. Главное, с виду все в порядке: окошко притворено.

Ярослав спрыгнул с чурбачка.

- Готово, - отрапортовал он сдержанно и, подняв чурбак, принялся ворошить ногами сугроб под окошком. Совсем ни к чему, чтобы кто-то обратил внимание на его следы. Вряд ли это произойдет, конечно, и все же, все же, все же... Это старая охотничья закваска - между прочим, еще покойным отцом заложенная.

Ярослав почувал на лице что-то влажное и поднял голову. Надо же! Начал сеяться снег. Очень кстати! До утра тут все заметет. И все же чурбачок надо унести подальше.

Поднялся ветер. Метель будет, *однако*, как выражаются чукчи в кинофильмах и анекдотах.

- Ваша куртка... - прошелестела Лида, но Ярослав отмахнулся:

- Потом. Пошли скорей, а то не успеем.

Они ушли тем же путем, каким добирались сюда: через соседний проходной двор. Там-то Ярослав сунул чурбачок в какой-то сугроб. До утра припорошит и его.

Теперь можно было и одеться, а то прохватит ветром. Ни к чему это.

Торопливо миновали арку, в которой какой-то прохожий приткнулся к стене и поливал темный угол. Он был так сосредоточен, что не обратил внимания на легкие, торопливые шаги за спиной.

Лида прошла мимо него быстро, почти пробежала, опустив голову. Ярославу вдруг стало отчего-то до того стыдно, что он едва сдержался, чтобы не поддать как следует этому бесстыднику и не сунуть его носом в ноздреватый, пожелтевший сугроб.

А что особенного? Дело житейское. Красивые девушки это тоже делают. Хотя не в грязных подворотнях, конечно.

Почему-то при этой мысли он опять разволновался. Ну все, клиника. Прямо-таки подросток в период полового созревания!

Сели в машину, причем Лида - на заднее сиденье. Этого требовал план дальнейших действий.

Ярослав завел мотор, включил обогреватель. При этом он покосился в зеркало и обнаружил, что и Лида украдкой глянула на него, но тотчас отвела глаза. Наверняка тоже вспомнила забавный диалог, который у них состоялся перед тем, как Ярослав отправился в «Красную волчицу» на очередную разведку (самой-то Лиде туда дороги не было, Майя живо бы ее заметила и потом уж смогла бы как-нибудь сопоставить причины и следствия некоторых событий!).

- А почему вы не выключаете мотор? - спросила Лида, когда Ярослав уже открывал свою дверцу, готовясь выбраться на улицу.

- Так вам холодно же будет, - не без удивления ответил он.

- Ничего, выключите, - потребовала Лида.

- Да вы же замерзнете!

- Выключите, пожалуйста, - негромко, но настойчиво сказала она, опуская глаза, и до Ярослава вдруг дошло, почему она на этом настаивает.

- Вы что, серьезно?.. - начал было он, но тотчас осекся под ее пристальным взглядом.

- А почему бы и нет? - сказала Лида спокойно. - Я достаточно прочитала в своей жизни детективных романов, чтобы понимать: поскольку я вас регулярно шантажирую и вынуждаю, так сказать, плясать под свою дудку (тут Ярослав вновь невольно вспомнил своего приятеля буни), вы должны, вы просто обязаны хотеть избавиться от меня. И предпринимать для этого какие-нибудь попытки. Сейчас зима, трагические случаи с автомобилистами не редкость: засиделся человек в машине со включенным двигателям, задремал, ну и...

- О-ох! - тяжело вздохнул Ярослав. - Ну зачем мне такие сложности? Разве вы не понимаете, что я запросто мог кокнуть вас когда угодно - если уж взбрела бы мне такая блажь в голову?

- Почему сложности? - дернула она плечом. - Как раз все очень просто. Я тут потихоньку задыхаюсь, отключаюсь, вы везете меня за город, выкидываете куда-нибудь в сугроб, я там замерзаю. Никаких хлопот с окровавленным трупом, которые бы вас ждали, вздумай вы меня пристрелить в собственной квартире...

Ярослав только головой покачал, глядя на нее.

- Я же не полный дурак, - с усилием усмехнулся он, чувствуя щемящую жалость к этой ожесточенной девочке с косичкой и бесконечную тоску от того, что может обсуждать с нею только одну тему: запланированное ею убийство. Такие рамки их отношений установила она сама, и любая, даже самая осторожная попытка Ярослава нащупать обходную тропу, придать их беседам другое направление или хотя бы тональность вызывала у нее такую реакцию отторжения, что он решил подождать. Разговаривать с ней можно было только с той же холодновато-насмешливой интонацией, с какой говорила она сама. Теперь-то Ярослав малость привык к этой манере, а сначала приходилось напрягаться. - Я тоже кое-что успел прочитать в жизни, к тому же у меня опыта в этих делах побольше, чем у вас. Успешно задыхаются в автомобилях только те, кто делает отвод выхлопной трубы в кабину для ее скорейшего подогрева. Чтобы просто так угореть, нужно как минимум ночь в машине проспять, да не на улице, а в закрытом гараже. Да и вообще, я не уверен, что в джипе это возможно в принципе. Все-таки «импортные» люди заботятся о безопасности покруче, чем наши. Понятно? Так что шансов угореть здесь у вас нет. Мне было бы проще свернуть вам шею где-нибудь на лестнице. Скажем, подстеречь в вашем подъезде, зажать локтем, чуть надавить, чуть повернуть, а потом спихнуть вас вниз по ступенькам. Полное впечатление, что вы оступились и сами сверзились с лестницы, сломав в падении шею. Выглядело бы это очень правдоподобно и ни в коем случае не наводило бы на мысль о непредумышленном убийстве. Но какой смысл мне это делать, если вы как следует позаботились о том, чтобы я в случае какого-то несчастья с вами был немедленно прищучен милицией? Логика требует, чтобы я, наоборот, всячески пекся о вашей безопасности! Мало ли что, вдруг вы элементарно угодите на улице под автомобиль, ведомый каким-нибудь пьяницей, а обвинят в этом меня? Так что не беспокойтесь и не подвергайте себя

риску простудиться в настывшем автомобиле. А если станет душно, отключите печку – вот здесь – или поверните ключик в стояке вот сюда. – Он показал, как выключать мотор. – Одна к вам слезная просьба: не вздумайте тренироваться в управлении автомобилем, хорошо? Иначе... иначе мы оба станем жертвой несчастного случая. Уговорил?

– Уговорил, – кивнула Лида, подумав, и осталась сидеть в теплом автомобиле.

Между прочим, джип до сих пор не успел промерзнуть. То есть они прошли первый этап намеченной на сегодня гонки без задержек.

Отлично! Можно приступать ко второму этапу.

21 апреля 2002 года

Лида нарочно пришла в скверик перед зданием облсуда на пять минут раньше, но чуть только ее электронные часы слабо пискнули, отмечая половину второго, как сзади послышался знакомый голос:

– Привет, ну что, пошли?

В ту же минуту ее подхватили под руку и повлекли к двери суда.

– Имей в виду, если что, ты – молодая начинающая писательница, которая хочет попробовать свои силы в детективе, а я тебя обучаю тонкостям ремесла, – предупредила Алена, стремительно летя по коридору.

Лида, влача в кильватере ее аромата – раньше, в Париже, Алена пользовалась духами «Барбара викенд», теперь это был сладковатый, волнуемый «Миракль», – только кивнула. В конце концов, она и правда в какой-то степени писательница. Сценарии для «Деревеньки» она ведь все-таки *пишет!*

Кларочка оказалась пухленькой блондинкой лет шестидесяти, хорошенькой, как сдобная булочка с изюмом. Роль изюминок играли ее темные живые глазки. Голосок у нее был юный и нежный, манеры ласковые и обходительные. Так и хотелось сказать – «манерочки». Описывая Кларочку, просто невозможно было удержаться от ласкательно-уменьшительных суффиксов! Приветливо чирикавая что-то насчет комиссии, которая совершенно не дает работать, она усадила посетительниц за свободный стол, выдала Лиде несколько листков, соединенных скрепкой, Алене – толстенную папку с надписью: «I, 2002 год», – а потом принялась истово наводить порядок в одном из трех огромных шкафов, загромоздивших канцелярию.

Лида посмотрела на свои листки.

Копия, – было начертано в левом верхнем углу. *По делу 2-83*, – значилось в правом.

«ПРИГОВОР

именем Российской Федерации

20 июня 1999 года», – прочла она посередине листка – и испугалась до дрожи.

Зачем она все это затеяла? А вдруг сейчас узнает про своего брата что-то такое... такое ужасное...

Заломило в висках, стало трудно дышать. Нет у нее сил читать все это! Давит на сердце

предчувствие: не надо, не надо, то, что тебе станет известно, причинит тебе еще большее горе!

Отложила приговор.

- А что это у тебя? - спросила она у Алены.

- Да приговоры за первый квартал этого года, - рассеянно отозвалась писательница, которая мгновенно углубилась в работу и уже что-то со страшной скоростью строчила в большой толстой тетради. Почерк у нее был настолько неразборчивый, ну просто крючки какие-то, что Лида даже испугалась: а вдруг Алена потом не сможет прочитать то, что сама же написала?!

Ничего, как-нибудь прочтет. В любом случае это ее проблемы. А задача Лиды - читать приговор, а не тянуть время!

Она с тоской посмотрела в окно. Ну и ну, погода этой весной подвергает людей каким-то просто-таки кошмарным испытаниям, проверяя на прочность их давление, сердце, сосуды, суставы, крепость головы, наконец! Ясный день мгновенно, буквально в течение нескольких минут, померк, откуда ни возьмись посыпался дождь, задул ветер. Понятно, почему так заболела голова: давление резко упало. И никакие предчувствия тут ни при чем.

Лида решительно взялась за приговор.

Судебная коллегия Нижегородского областного суда в составе:

председательствующего Кравцова В.К.,

народных заседателей Васиной Д.Ю.,

Мамонтова М.М.,

с участием прокурора Павлова Т.К.,

защиты в лице адвоката Амнуэля М.С.,

при секретаре Красновой Т.Ф.,

рассмотрев на закрытом судебном заседании в г. Н. Новгороде уголовное дело ПОГОДИНА Сергея Николаевича, родившегося 5 декабря 1959 года в городе Горьком, русского, образование высшее, холостого, юридически несудимого, до ареста работавшего в фирме по ремонту компьютерной техники «Сигнал», проживавшего в Нижнем Новгороде, ул. Полтавская, 7а, кв. 21,

установила:

Погодин С.А. умышленно убил Майданского Валерия Петровича, 1957 года рождения, и совершил попытку изнасилования Майданской Майи Михайловны, 1970 года рождения. Преступление совершено при следующих обстоятельствах...»

Да... кажется, падение давления, снег, перемена погоды - все это и в самом деле ни при чем. Сердце - вешун. Значит, убийством дело не кончилось, вон еще что было! Невозможно представить, чтобы Сережа мог кого-то изнасиловать или хотя бы попытаться! А представить, что он мог кого-то убить, - это возможно?.. Похоже, у этой красивой певички Майи

Майданской и в самом деле есть причины задыхаться чуть не до полусмерти при виде Погодиных. Это, правда, по-прежнему не отвечает на вопрос: откуда она знает Лиду?

Какая, впрочем, разница, откуда? Ну, случайно узнала! К примеру, у них есть общие знакомые, которые показали Майе Лиду и сказали: смотри, дескать, это сестра того самого, который...

Вот именно! Который!..

Ладно, что там дальше-то?

«Преступления совершены при следующих обстоятельствах:

19 мая 1999 года Майданские В.П. и М.М. выходили из областного театра оперы и балета после окончания спектакля «Лебединое озеро», в 21 час 30 минут. В дверях их обогнал Погодин С.Н. Майданский В.П. обратил внимание Погодина на то, что он толкнул его, Майданского, а также не пропустил вперед в дверях Майданскую М.М., которая имела на это право как женщина. Замечание свое Майданский выразил в нецензурных и оскорбительных выражениях, так как находился в состоянии легкого алкогольного опьянения после посещения театрального буфета. На это Погодин, также находившийся, по показаниям Майданской М.М., в нетрезвом состоянии, сказал следующее: «А, это ты, педофил поганый, я тебя и не заметил!» – и сделал попытку пройти дальше. При этом он еще сильнее толкнул Майданского, который счел это повторным оскорблением, схватил Погодина за плечо и сильно рванул, так, что тот отлетел к двери и ударился о нее головой. Погодин резко обернулся к Майданскому, но Майданская М.М. испуганно закричала на него и стала просить идти своей дорогой. Погодин матерно обругал Майданского, а глядя на Майданскую, сказал, что ему ее жаль, потому что женщина, которая живет с педофилом, не имеет права называться женщиной. После этого он повернулся и пошел пешком по улице Белинского по направлению к улице Полтавской, где проживал в доме номер 7а с престарелой теткой, Погодиной С.А.

Майданский почувствовал себя оскорбленным и попытался догнать Погодина, несмотря на то что жена пыталась остановить его и успокоить. Услышав голос Майданского, который окликал его, Погодин обернулся и нецензурно обругал Майданского, снова назвав его педофилом. Тогда Майданский схватил с обочины кусок кирпича и бросил в Погодина, попав ему в плечо. Погодин остановился, сунул руку в карман пиджака и достал оттуда пистолет, после чего назвал Майданского трусом и посоветовал не искушать судьбу, а идти домой. Майданская М.М. кричала, желая остановить мужа и зовя на помощь прохожих, но улица была пуста, а Майданский продолжал подбирать осколки кирпичей из лежавшей на обочине груды строительного мусора и швырять в Погодина. Тогда Погодин выстрелил в подбежавшего Майданского. Когда тот упал, Погодин подошел к телу и попытался выстрелить в него еще раз, но потом убрал оружие, схватил за руку подбежавшую Майданскую и потащил ее за собой. За углом улицы Ижорской он грубо повалил ее на землю и попытался стащить с нее блузку, но Майданская, у которой начался приступ астмы, стала задыхаться и закричала, после чего Погодин оставил ее в покое, встал и пошел в сторону своего дома. В это время из-за угла улицы Белинского, со стороны оперного театра, подбежал старшина милиции Краюхин П.П., вызванный работниками театра, которые наблюдали происшествие и видели труп Майданского. Краюхин попытался осуществить задержание Погодина С.Н., однако тот не остановился и продолжал идти в сторону дома. Краюхин по мобильному телефону вызвал патрульную машину милиции, которая находилась в это время на площади Свободы, и с помощью подъехавших патрульных осуществил задержание Погодина. Попыток сопротивляться работникам милиции Погодин не оказывал.

Допрошенный в ходе судебного заседания Погодин сообщил, что ссора с Майданским произошла на почве давних неприязненных отношений, связанных с тем, что Погодин презирал Майданского за его аморальные проступки, совершенные в то время, когда Майданский работал еще инструктором отдела культуры обкома ВЛКСМ. Погодин настаивал на том, что Майданский первым оскорбил его и явно нарывался на ссору. По словам Погодина, он достал пистолет, чтобы напугать Майданского, и выстрел произошел случайно, потому что пистолет попал к Погодину только сегодня, и он еще не успел ознакомиться со свойствами оружия. Когда Майданский упал, Погодин не поверил, что попал в цель, а потому подошел к потерпевшему и наставил пистолет, опасаясь, что Майданский вскочит и бросится на него. Вторично стрелять он не имел намерения, а когда понял, что Майданский мертв, решил спастись бегством.

Погодин не признал себя виновным в убийстве с заранее обдуманными намерениями, а признал свою вину в убийстве, совершенном по несчастной случайности.

Что касается пистолета марки «макаров», Погодин сообщил, что нашел его под крыльцом старого, предназначенного под снос дома, куда залезла кошка его знакомой, Левчук Р.И. Это подтверждается показаниями свидетельницы Левчук Р.И., приобщенными к делу. Погодин намеревался сдать найденный пистолет в милицию, однако, по его словам, забыл об этом, когда отправился в театр.

Погодин не признал себя виновным в попытке изнасилования Майданской, показав, что просто поддержал ее под руку, потому что она чуть не упала на тело мужа, а потом захотел как можно скорее отойти от места совершенного убийства и тащил за собой Майданскую машинально. Одежду с нее он стаскивать не пытался, а хотел расстегнуть ей блузку, потому что Майданская начала задыхаться, и он решил облегчить ей дыхание. На землю он ее не валил, а она упала сама, когда начался приступ».

- Нет, я просто не могу этого читать! - раздался рядом чей-то голос, и Лида резко вздрогнула от неожиданности.

Повернула голову, Алена смотрела на нее со страдальческим выражением.

- Нет, ну просто никакого проблеска разума у этих людей! - проговорила она дрожащими губами. - Ну хоть бы одно преступление совершили от избытка алчности, коварства, мизантропии, что ли! Ну просто так, для разнообразия! Просто для интереса! Ну хоть кто-нибудь возомнил бы себя Наполеоном, что ли! Нет, нет... Живут просто потому, что родились на свет. Убивают просто потому, что выпили лишнего. Это какая-то протоплазма, не люди, а навоз, грязь ходячая! Зачем они живут? Неужели какая-то женщина родила их в муках, кормила, любила только для того, чтобы они, став взрослыми, однажды напился, потеряли человеческий облик и убили такого же подонка, каким сделались сами?

Алена зло сверкнула на Лиду глазами, стукнула кулаком по толстой подшивке, из которой немедленно полетела пыль, и сердито перелистнула несколько страниц.

Лида зажмурилась. Алена простыми словами выразила то, что давило ей на сердце все время, пока она читала этот бесстрастный, корявым языком написанный приговор. Никакого чувства, ни любви, ни ревности - пустая злоба двух людей, ни с того ни с сего вспыхнувшая в тот теплый майский вечер и погубившая их обоих: одного раньше, другого позже. Как все просто, пошло и бессмысленно! И ужаснее всего, что оба были пьяны. Нет, не пьяны, а, как это мерзко говорят, - выпивши. Чуть, бред! Ну нельзя убивать из-за того, что мозги затуманены какой-то

перебродившей, прокисшей, вонючей гадостью! Однако... убийство совершено. Майданский хоть сразу умер, ему повезло, а Сережа?.. Что он с собой-то сделал?!

- Ой, и не говорите, - слышался ласковый голосок, и Кларочка, поднявшись со своего стула, подошла к ним. - Иной раз ужас берет, до чего злой стал человек! Раньше такого не было, вот что бы вы ни говорили, а не было раньше такого! Сейчас вообще народ зверем стал. Вы что читаете, - наклонилась она к Лиде, - Погодина - Майданского? Ну конечно, я это дело помню. Там секретарем была одна наша молоденькая девушка, Танечка Краснова, она удивлялась: такой красивый убийца, такое лицо необыкновенное, умный, тонкий человек, а ведь убил по пьянке, будто бомж какой-нибудь. Его всем жалко было, хоть и убийца, уж на что эта Майданская, жена убитого, сначала видеть его не могла, у нее даже обморок случился, когда Погодина на первом заседании в зал суда ввели и за решеткой посадили, ну вот, даже и она признавала, что ее муж сам был виноват, что первый оскорблять начал. А все равно - убил этот красивый парень ее мужа, убил и получил по полной мере. Хоть и эта Майданская стала отрицать, что он ее изнасиловать хотел, уверяла, что с перепугу так подумала, и Марк Соломонович как ни старался, но прокурор был очень сильно против убийцы настроен и судью сумел убедить, что достоинства подсудимого в данном случае обращаются как раз против него. Если он такой хороший, то почему повел себя как последний негодяй и убил Майданского на глазах его жены - ни с того ни с сего? То-то и оно, конечно...

- Марк Соломонович? - переспросила Алена. - Это Амнуэль, что ли?

- Ну кто же еще? - улыбнулась Кларочка. - Замечательный адвокат этому Погодину достался, и очень дорогой. Сказать страшно, сколько берет за процесс. Повезло Погодину, что у него были деньги Амнуэлю заплатить.

- А что толку? - угрюмо спросила Лида. - Все равно Сергей получил пять лет в колонии.

- Конечно, пять, а что же вы хотели? - пожала плечами Кларочка. - Там же не только предумышленное убийство, но еще и незаконное ношение и применение оружия, если не ошибаюсь. Ведь могло быть десять лет строгого режима с конфискацией имущества, что получалось по совокупности наказаний и на чем настаивал прокурор. Тогда прокурором был Павлов Тихон Константинович, а он человек старой закалки, да еще, говорили, с Майданским-отцом вместе работал. Убитого с детства знал. Если бы Амнуэль не постарался, дело бы для Погодина совсем худо бы кончилось. А так - ну что? Наверное, если вел себя разумно, то вышел уже. Вышел?

Лида пожала плечами, не в силах говорить. Алена искоса бросила на нее сочувственный взгляд и тоже промолчала.

- А скажите, Клара Федоровна, - пробормотала вдруг Лида. - Вы сами понимаете, что приговор - это просто бумага, просто слова, из которых можно только одно понять: встретились, поругались, Погодин убил Майданского... А нельзя ли поговорить с человеком, который все это видел, слышал? Вы назвали какую-то секретаршу, Таню Краснову...

- Ну, теперь уж она не Краснова, а... не соврать бы... - Кларочка взяла со своего стола узкий длинный конверт, в котором было что-то явно заграничное. - Эразюр ее фамилия, вот как. Вышла замуж за бельгийца, теперь с ним в Брюсселе живет, а нас с праздничками поздравляет. Вот, на Восьмое марта открытку присылала.

- Так, хорошо, а этот Амнуэль, адвокат, - он работает?

- Конечно, - закивала Кларочка, - слава богу. Прокурор-то, Павлов, умер два года назад, ну а

Маркуша, то есть Марк Соломонович, трудится, дай бог ему здоровья. Вроде бы он прибаливает сейчас, дома сидит, а в принципе-то еще ведет дела.

- Вы его хорошо знаете? - осторожно спросила Лида.

- Ну, я тут всех знаю! - усмехнулась Клара Федоровна. - А что, встретиться с ним хотите?

- Да, - быстро сказала Лида. - Как вы думаете, это возможно?

- Наверное, почему ж нет? Думаю, он с удовольствием согласится. Такие молоденькие да хорошенькие Марку Соломоновичу очень нравятся. Между нами, у него третья жена, ей тридцать два года, а ему шестьдесят два. Сыночка родил, Аркаше одиннадцать лет, он его Арчибальдом зовет. Маркуша еще хоть куда: как джинсы в обтяжку наденет да как понесется по двору семимильными шагами - у него ноги длинные-длинные, ну прямо циркуль, - так совсем, глядишь, мальчишка, молодой человек. Хотите, я его вечером спрошу? Мы же с ним соседи.

Лида нерешительно кивнула.

- Спросите, спросите, - поддержала и Алена. - Скажите ему - молодая, начинающая, очень талантливая писательница. А в следующий раз, скажите, придет не очень молодая, давно начавшая, но тоже очень талантливая. Я тоже хочу с этим вашей Маркушей познакомиться. Но сначала пусть Лида свои вопросы решит, а потом уж я. Договорились?

И она снова уткнулась в свою папку.

Лида с трудом заставила себя сосредоточиться на последних страницах приговора Сергея. Нового она ничего не узнала, никаких подробностей, только многократное повторение того же, что уже прочла. И чем дольше она читала, тем крепче становилось ее решение как можно скорей поговорить с адвокатом брата.

29 декабря 2002 года

Ярослав снова глянул в зеркало. О, Лида уже готовится.

Лицо сосредоточенное, пальцы торопливо расплетают косу.

Его пальцы задрожали на рулевом колесе.

Нет, лучше на нее не смотреть. Вот же завис парень, а? Интересно, она так ничего и не подозревает? До сих пор убеждена, что Ярослав участвует в ее безумных играх исключительно от страха перед возможным разоблачением в покушении на убийство этих двух ошибок природы, Ваньки Швеца и того, другого, как его там?

Да ладно-ка, как выражаются в Нижнем Новгороде! Началось-то, конечно, именно с ее вульгарного шантажа, но уже после похода к ее бывшему мужу, перед которым Ярослав, кстати сказать, тоже выступил в роли вульгарного шантажиста, отношение его к ситуации изменилось. Эта девчонка, в которой он всем своим существом ощущал высокомерную, какую-то потустороннюю, почти монашески-возвышенную чистоту (и это при том, что секс-эпил у нее был такой, у Ярослава в ее присутствии волосы на руках вздыбливались, не то что все прочее!), с удивительной готовностью собиралась окунуть руки в кровищу. Она не объяснила «подельнику» никаких подробностей, вскользь бросила только, что эта женщина, в кабинете

которой он сегодня распылил две капсулы с полынным маслом, погубила ее брата, который умер в какой-то там деревне Авдюшкино – вроде бы находящейся где-то за Кстовом.

Ну что ж, Ярослав очень хорошо понимал, что такое месть за близкого и дорогого человека. Бывает месть мгновенная, пылкая, неосторожная, а бывает расчетливая и спокойная, изощренная. Именно так в свое время отомстил он сам. Именно так пыталась отомстить и Лида.

Оказывается, они похожи... У него ведь ничего не дрожало в душе весь тот год, пока он выслеживал Стаса Морокова, после статьи которого в «Известиях» застрелился отец Ярослава, Максим Башилов, небрежно обвиненный журналистом в разграблении государственных средств и фактическом провале строительства Талканской ГЭС, которое он возглавлял. Случилось это еще в 86-м году, Ярославу было тогда восемнадцать, и он в самом деле долго верил, что произошел действительно несчастный случай, как это попытался обставить отец.

Проделал старший Башилов это и в самом деле очень ловко. Якобы наткнулся на собственный самострел, поставленный на медведя-шатуна, который той зимой шастал в окрестностях Талкана и отваживался даже подступать к окраинным улицам поселка. Ярослав едва с ума не сошел тогда от горя; вдобавок ко всему умерла от инфаркта мать, не перенеся этого кошмара: сначала публичного оскорбления мужа, затем его страшной смерти. Ярослав, для которого Талкан был родным домом, не уехал оттуда, а остался с бабушкой. Она заставила внука учиться дальше после десятилетки – поступить на заочное отделение юрфака. Однако когда Ярославу исполнилось двадцать и он уже вовсю работал в милиции (для поступления на заочное отделение юрфака нужен был профессиональный стаж), он получил письмо от старинного друга отца, жившего в Благовещенске. В письме была краткая записка, что он-де исполняет последнюю просьбу Максима Башилова, а также запечатанный конверт. На конверте значилось: «Сыну моему Ярославу Башилову. Передать после моей смерти», – а внутри лежало последнее письмо отца сыну.

Максим Ярославович (внука называли в честь деда, погибшего на Курилах 25 августа 1945 года) признавался в том, что собирается покончить с собой, потому что не может ни очистить свое имя от грязных и несправедливых обвинений, ни жить с ними не может. Он не приводил в свою защиту никаких доводов, как если бы заранее был уверен, что все проверки, происшедшие после его смерти, докажут, что Максим Башилов не положил в свой карман ни копейки государственных средств. Просто начавшееся строительство было признано бесперспективным, финансирование постепенно прекратилось. Когда на партактиве Башилов разругался с первым секретарем райкома партии, который даже не пытался противостоять начавшемуся развалу строительства и махнул рукой на судьбы людей, приехавших в Талкан со всех концов страны, тот затаил на дерзкого энергетика не просто обиду, а мстительную ненависть. Вскоре, будучи по каким-то делам в Благовещенске, областной столице, он познакомился с корреспондентом «Известий» Мороковым и ничтоже сумняшеся выдал свою версию событий в Талкане, расквитавшись со своим противником по полной программе. А Морокову и в голову не пришло что-то проверить: эффективность материала совершенно затуманила ему голову. В то время борьба за экологию вдруг стала очень модной, а строительство Талканской ГЭС означало затопление огромных лесных массивов... И вот так все и случилось: ГЭС закрыли, Башилов лежал в могиле, а страна стремительно катилась к такому развалу, на фоне которого смерть какого-то человека с обостренным чувством чести была совсем незаметной.

Однако этим человеком был отец Ярослава...

Поскольку парень успел поработать во внутренних органах, он имел очень своеобразное

понятие о справедливости. Именно эти годы в милиции укрепили его в старинном убеждении сибирских и дальневосточных варнаков: «Тайга – закон, медведь – хозяин». В тайге порядок устанавливает только тот, кто сильнее – и кто выстрелит первым. Поскольку клеветник-секретарь к тому времени уже умер своей смертью, объектом мести Ярослава стал Мороков. Долгое время тот был в заграничной командировке, в Германии. Ну а когда приехал на месяц в отпуск в родные места, был в один душный весенний вечер убит пулей, которая неведомо откуда *прилетела* в форточку.

Совершенно как в той песне: «Вот пуля прилетела – и ага...»

Со времени смерти Максима Башилова прошло уже четыре года – никому и в голову не пришло увязать давнюю, забытую причину и только что свершившееся последствие. Ярослав благоразумно исчез с Дальнего Востока. Он доучивался в Новосибирске, поработал там, потом перебрался в Нижний Новгород. Всегда хотел жить на большой реке, и если заказан был путь на берега родимого Амура-батюшки (не только из соображений благоразумия и осторожности – просто слишком многое там было обагрено кровью!), то почему не поселиться на берегах Волги-матушки? Город ему очень понравился, он познакомился с Лолой и начал подумывать о семье...

Ярослав даже сам не подозревал, настолько изувечила его душу месть Морокову. Теперь он подспудно считал себя вправе убивать – «Тайга – закон!» – и даже не заколебался, когда двинул расправляться с предполагаемыми насильниками невесты. Однако отнюдь не Лида открыла ему глаза на кошмарность ситуации. Он вдруг сам впервые задумался о том, что поступил с этими парнями совершенно так же, как Мороков поступил с его отцом. Ведь журналист фактически был орудием в руках первого секретаря райкома. Вернее сказать, орудием стало его непомерное тщеславие и профессиональная небрежность. Так же и он, Ярослав, стал орудием в руках Лолы. После стрельбы на улице Полтавской повезло ему не сесть в тюрьму только чудом. Надо было или изменить свое захватническое (он сам подобрал именно это слово) отношение к жизни, или... или приготовиться к тому, что когда-нибудь на него просто наденут наручники и упрячут за решетку. Но не этой жизни хотел для него отец!

Ярослав был человеком внезапных решений и крутых поступков. Он знал свою силу и понимал: данное себе слово никогда больше не поднимать руку ни на какого человека он сдержит.

Однако тут в его жизнь затесалась высокомерная праведница-мстительница...

Исполняя данное себе слово, он мог запросто расстаться с Лидой. Не таким уж простаком он был и прекрасно понимал: да никогда в жизни она не донесет на него, не заложит! Все ее рассказы о каких-то там мерах предосторожности – чистый блеф. Она играла своими двойками против тузов Ярослава и выигрывала именно благодаря своему простодушию и отчаянной, отважной решимости восстановить мировую гармонию и справедливость на одной, отдельно взятой планете своей судьбы. Но какими методами!..

Ну не мог, не мог Ярослав, который уже слишком хорошо знал, что это такое – жить с заскорузлыми от крови руками, допустить, чтобы нечто подобное испытала женщина, которую он...

Роковое слово еще не было произнесено им даже мысленно, но уже расцветало, созревало в душе.

Короче, все, что мог сейчас Ярослав, – это постоянно быть рядом с Лидой и брать на себя все те грехи, которые намеревалась совершить она сама. И – как минимум! – охранять ее.

Пока он размышлял, Лида уже изменила прическу, накрутилась и переоделась. Теперь на заднем сиденье джипа сидела пышноволосяя, можно сказать, раскосмаченная особа, постаревшая лет на десять. И сколько же она, бедняжка, таскала на себе макияжа!.. Но вид у нее был эффектный и шикарный, особенно в этой длинной, в пол, как принято выражаться, норковой шубе (позаимствованной Лидой, как было известно Ярославу, у соседки с третьего этажа). Свои простенькие сапожки с меховой оторочкой она сняла – теперь на ногах у нее были остроносые башмаки на шпильке, передвигаться в которых Лида могла только с помощью Ярослава. Ну что ж, он совершенно не возражал послужить ей опорой и движущей силой!

Наконец Ярослав остановил автомобиль.

- Красивый домик! – вынужден был признать он, глядя в окно на четырехэтажное элитное строение из серого кирпича с готическими башенками по бокам, романтическими балкончиками под окнами и с самой затейливой крышей, которую ему только приходилось видеть в жизни.

Лида молча кивнула, открывая дверцу.

- Секунду! – спохватился Ярослав. – Глотните-ка!

Он протянул ей фляжку, которую – по таежной, между прочим, привычке – практически всегда носил в кармане куртки.

- Это что? – заносчиво спросила Лида. – Водка? Зачем?

- Во-первых, это коньяк, – с той же интонацией ответил Ярослав. – А во-вторых, как вы собираетесь изображать пьянчужку без малейшего намека на запашок?

Она обреченно кивнула, взяла фляжку и приложилась к ней. Глотнула раз, другой.

- Хватит, надеюсь? – выдавила с несчастным выражением оштукатуренного лица.

- Сойдет, – усмехнулся Ярослав, в свою очередь делая добрый глоток из фляжки.

- Вы что?! – ахнула Лида. – Вы же за рулем!

- Ну, мне ведь придется вызывать огонь на себя, я тоже должен соответствовать вашему образу. Мы как бы муж и жена, а они – одна сатана, – пояснил Ярослав, понимая, что эта целеустремленная леди Макбет, конечно, даже не заметила, что он не обтер горлышко фляги, а припал губами именно к тому месту, которого касались ее губы. Где уж ей замечать такие душещипательные тонкости! Это когда речь идет об изоощренной мести, у нее рассчитан каждый шаг. Дура с косичкой!

Лида глянула на него подозрительно, но объяснение приняла. А может, сочла, что он не только анонимный убийца, но и анонимный алкоголик. Да ладно!

Ярослав выбрался из джипа, открыл дверцу Лиде, помог выйти. Она покачнулась и чуть не упала, Ярослав поймал ее, слегка прижал к себе, размышляя, нарочно она поскользнулась или нечаянно. Но если даже нарочно, то лишь для того, чтобы выглядеть более правдоподобно в глазах консьержки, которая уже пялилась на них через стеклянную стену подъезда. А совсем не для того, чтобы хоть на мгновение очутиться в его объятиях...

И это не она дура, это он дурак, что так напрягается в ожидании. Понятно же, что эта

амазонка не остановится, пока не добьется своего. Значит, надо постараться, чтобы это произошло как можно скорей. Успокоится – авось вспомнит, что в жизни есть кое-что еще, кроме ошалелой мести. Ярославу надо набраться терпения. А пока – молчи, грусть, молчи.

Лида с видом капризницы-недотроги оттолкнула Ярослава и, шатаясь очень натурально, потащила к подъезду. Нажала на кнопку звонка.

Консьержка вылезла из-за своего стола и приблизилась к двери.

- Вы к кому? – слышался ее голос, усиленный домофоном.

- К Маечке! – закричала Лида.

- К кому? – не поняла консьержка.

Лида не отвечала – уткнула палец в кнопку звонка и не отнимала. У консьержки сделался испуганный вид.

Ярослав сгреб Лиду в охапку и как бы с обескураженным видом склонился к микрофону:

- Пожалуйста, вы нас извините! Но мы приехали в гости к Майе Майданской, не могли бы вы нас впустить?

- Но Майи Михайловны сегодня нет, – раздался голос консьержки. – Сейчас, перед праздниками, у нее каждый день программа в клубе.

- Не может быть! – закричала во весь голос Лида, вырываясь из объятий Ярослава. – Она мне звонила, сказала: приезжай сегодня! Она обязательно должна быть дома! Откройте, я приехала к Майке! А то я тут вам двери расколочу, все стеклышки ваши разноцветные повыбью!

Ярослав снова принялся изображать обеспокоенного супруга, который пытается не дать своей даме разбуяниться и только по этой причине крепко сжимает ее в объятиях.

- Извините, пожалуйста! – выкрикнул он через плечо Лиды. – Ради бога, извините!

Сразу было видно, что даже через стекло он произвел благоприятное впечатление на консьержку.

- Ничего, ничего, – пропела она совсем другим голосом. – Мне очень жаль, что Майи Михайловны нет дома...

- Дома, она дома! – завопила Лида. – Она не могла позвать меня в гости, если бы собиралась в клуб!

- Ох! – страдальчески выдохнул Ярослав. – Может, вы нас впустите, а? Если жена убедится, что Майи нет, она успокоится. И мы уйдем. Очень вас прошу, откройте, пожалуйста!

Интересно, а святой Франциск сомневался когда-нибудь, что хоть одна птичка откажется сесть ему на руку? Лично у Ярослава не было в этом никаких сомнений.

Зачарованная консьержка открыла дверь, и Лида вихрем пронеслась мимо нее.

- Сейчас проверю! – погрозила она пальцем. – И если Майка дома, я... мы... мы из тебя компот

сварим, тетенька!

И она стала подниматься на второй этаж, грохоча своими каблучищами, дыша духами и туманами, помахивая полами шубы и размахивая золоченой театральной сумочкой.

Консьержка с обеспокоенным видом попыталась было проследовать за вздорной особой, однако Ярослав рухнул в кресло, стоящее около ее столика, и страдальчески вздохнул:

- О господи! Моя жена иногда бывает просто невыносима!

Чтобы женщина упустила такую возможность, как перемывание костей другой особе женского пола? К тому же одинокая женщина чьей-то законной жене?! Да такое просто вообразить нельзя!

Консьержка не оказалась исключением. Она незамедлительно устроилась за столом напротив Ярослава и устремила на него сочувственный и понимающий взгляд своих простых глазок. И если сакраментальная фраза «Счастье – это когда тебя понимают» не только банальна, но и истинна, то персонаж, изображаемый Ярославом, должен был сейчас быть воистину счастлив.

И в довершение эффекта консьержка изрекла:

- Ах, как я вас понимаю! Как я вас понимаю! Это так часто бывает в жизни: рядом два совершенно чужих человека, которым, быть может, было бы лучше врозь, чем вместе!

Сверху между тем доносились топот Лидиных каблучков и трель: это она названивала в квартиру Майи, не забывая причитать:

- Майка! Открывай! Это я, Женька!

- Как многое, как многое зависит в семейной жизни от женщины! Ведь именно она – хранительница семейного очага, именно ей вручает мужчина свою судьбу и судьбу их общего счастья! – прочувствованно возвестила между тем консьержка, и Ярослав невольно глянул на нее повнимательней: чтобы за одну минуту изречь такое количество прописных истин – это надо очень сильно постараться.

А впрочем, он кивнул, выражая полное согласие с этой воскресшей лекторшей из общества «Знание», и вдруг остро пожалел бедняжку. Ну что он на нее так ополчился? Бесцветная, неинтересная, средних лет, увядшая дамочка с претензией на интеллигентность сидит тут с утра до вечера, наблюдает за богатыми мужиками и их взбалмошными женами... Ведь, исследуя феномен новых русских мужчин, мы совершенно не обращаем внимания на их спутниц жизни. Мужики, может, и грубы, и бестолковы, и смешны, но они хоть какое-то дело делают! Типа, работают в натуре, конкретно, бизнес у них. А вот их жены – это же в массе своей сущий кошмар! О нет, внешне они выглядят очень даже презентабельно. Но это лишь до той поры, пока стоят где-нибудь в полутемном месте и молчат. Но стоит им открыть накрашенные ротки, тотчас видишь – вернее, слышишь, – насколько же они грубы и бесцеремонны, крикливы и бестолковы. Они истеричны и глупы, они не здороваются, не прощаются и не извиняются, считая, что это роняет их достоинство, а может быть, и вредит их тщательно сконструированной красоте, они матерятся и, даже сидя рядом с мужем или подругой в одном «Мерседесе», разговаривают так громко, словно им надо докричаться с одной станции метро на другую, они пьют пиво из горлышка и облизывают пальцы после чипсов, они называют жевательную резинку жвачкой и учат этому своих детей, они не восхищаются, а балдеют, не наслаждаются, а тащатся, не общаются, а тусуются, не отдыхают, а отрываются, не смеются, а ржут, не едят, а жрут... Они в основном бывшие модели – в

прикидах от кутюр, с ногами от ушей и с мозгами от кур, уток, гусынь и индюшек. Что характерно, эти роботессы еще и детей рожают и воспитывают... Бедные их дети, которые уже в пять лет матерятся так же, как их светские мамочки! Этим, как правило, заканчивается их духовное развитие и начинается компьютерное промывание мозгов.

Может быть, бывают исключения. А может быть, и нет. Хочется верить, что да... Но что-то плохо верится!

И вот на них с тоской и болью смотрит подобная консьержка – какая-нибудь бывшая учительница или библиотекарша, настолько затурканная жизнью, что даже презирать не может этих ослепительных кретинок – она способна только завидовать им и мечтать, что, будь она на их месте... Увы, вся беда в том, что на их месте она, во-первых, никаким образом не оказалась бы, а во-вторых, моментально стала бы точно такой же, разве что смотрелась бы менее эффектно!

«Интересно, – подумал Ярослав, – она со всеми жильцами мужского пола заводит такие общеобразовательные разговоры в надежде совершить в их головах и душах интеллектуальный переворот? И, типа, ждет, что вот-вот кто-нибудь из них прозреет и поймет: не нужна ему новорусская модель, ему нужна среднерусская моралистка!»

И только сейчас Ярослав вспомнил, что надо ведь что-то отвечать на все ее сентенции.

– И не говорите, – поддакнул он со вздохом, но отнюдь не сочувствия, а облегчения, потому что по лестнице уже снова грохотали Лидины каблуки. Леди Макбет спускалась, и это означало, что дело сделано, можно уходить.

Лицо консьержки выразило терпеливое смирение, и Ярослав понял, что она уже привыкла к таким поворотам судьбы: понимание мужчины может находить у одной, но жить (спать!) он продолжает с другой.

– Ну что? – с прежней застарелой бытовой усталостью осведомился Ярослав. – Убедилась, что нету твоей Маечки дома?

Лида только фыркнула высокомерно, словно признаться в собственной ошибке было ниже ее достоинства, и вылетела вон из подъезда. Ярослав, бросив консьержке прощальную улыбку, поспешил за Лидой, приговаривая:

– Ну вот, говорил же я тебе, что надо сразу в клуб ехать. Только время зря потеряли!

Дверь захлопнулась, и он с облегчением перестал валять ваньку.

Он ни о чем не спрашивал: судя по довольному лицу Лиды, все удалось, все было в порядке.

Сели в джип, развернулись, помчались к Сенной площади, оттуда свернули налево, на Белинку, затем к площади Свободы.

Здесь, неподалеку от гастронома, они всегда прощались. Как понимал Ярослав, Лида не хотела, чтобы он знал, где она живет. Все-таки, видимо, змеечарователь малость побаивался своей дрессированной кобры.

Ее попытки заметать следы были смешны до невозможности. Если бы он хотел, выследил бы ее в два счета, с его-то навыками таежного охотника. Он и хотел... однако подчинялся Лиде. Чем черт не шутит, проколы бывают у всех, а ему бы не хотелось, чтобы она по какой-то

случайности засекала слежку. Тогда вдребезги разобьется то хрупкое доверие, которое постепенно начало устанавливаться между ними. Оно напоминало Ярославу первый ледок, который затягивает полынью. Ступать на него всей тяжестью еще опасно, очень опасно!

Он и не рисковал.

Пока они ехали от дома Майи, Лида успела переменить шубу, переобуться и немного пригладить всклокоченные волосы. Косу заплетать, как понял Ярослав, времени не осталось, и он с сожалением вздохнул. Но ничего, зато ему снова выпала возможность украдкой полюбоваться тонким коленом в коричневом чулке. Шуба была упрятана в большой пластиковый пакет, там же лежали экстремальные сапоги и золотистая сумочка.

Они припарковались и вышли из машины.

Лида набросила капюшон, пряча волосы, и теперь лицо ее было полускрыто тенью.

- Значит, там все-таки была одна дверь? - решил спросить Ярослав.

Она кивнула:

- Да, вы оказались правы. Логично, конечно: охраняемый дом, да еще индивидуальная сигнализация... Одна дверь, и в ней две очень удобные скважины. Кстати! - Она сунула руку в сумку, вытащила какой-то небольшой продолговатый предмет и сунула его в ближайший сугроб. Ногой набросала сверху снег. - Совсем ни к чему мне его с собой тащить.

- Небось, если кто-то его найдет, подумает, что бросил недоколовшийся нарк, - усмехнулся Ярослав.

- Ну, кто его найдет до весны! - резонно возразила Лида. - Так и будет тут валяться, пока снег не растает. А там, кто что хочет, пусть то и думает.

- Это точно, - согласился Ярослав.

- Ну, спасибо. Я пошла? - сказала она, по своему обыкновению, с вопросительной интонацией, как будто не сообщала о своем решении, а спрашивала совета у Ярослава: уходить ей или нет? Покидать его - может быть, навсегда - или нет?

О, если бы она и в самом деле спросила... Он бы схватил ее и так держал, что она при всем желании не вырвалась бы!

И вдруг его словно ожгло: а что, если на этом все кончается? Если она сочла, что ее план вполне исполнен? Если ей больше не нужна помощь «кобры»? Что, если она больше не позвонит? И он ей больше не нужен?

Какой же он был дурак, что не узнал раньше, где живет Лида! Конечно, можно рискнуть и прямо сейчас. Но тут есть опасность. Если она и впрямь решила сегодня покончить со всеми делами, то будет таиться от него так, что слежка может и не увенчаться успехом. Черт... как бы это полочнее выведать, каковы ее планы?!

Вдруг резко запахло хвоей. Мимо протопал мужичок, согнутый в три погибели. На плече его лежала преизрядная елка. И тут Ярослава осенило!

- Кстати, а вы в курсе, что сегодня уже 29 декабря? - спросил он с самым равнодушным

видом. – Вы что-нибудь намерены предпринимать на праздники? А то я собирался съездить в деревню к друзьям...

– Ну так и поезжайте, – равнодушно пожала плечами Лида. – Пожалуй, стоит пока подождать и посмотреть, как будут развиваться события. Сейчас я приду домой и позвоню Виталию. Думаю, теперь он вполне может напомнить о себе своей старинной подруге. Я уверена, что она очень обрадуется его звонку. Особенно перед Новым годом, когда придется срочно решать, что ей делать... А у него как раз дежурство 31-го. Ну а потом, когда она сходит к Виталию, я решу, как будем действовать дальше. И позвоню вам.

Ярослав кивнул. Наверное, надо было что-то сказать, но он не мог из себя выдать ни звука: боялся, что в голосе прорвется мальчишеская, ошалелая радость – она не исчезнет! Она вернется! Она еще позволит ему смотреть на себя, слушать свой голос, украдкой вдыхать аромат духов... увы, изрядно отравленный теперь полынным ароматом, которым Лида невольно пропиталась, отравляя жизнь Майе. То эти капсулы, распыленные в кабинете директрисы клуба. То два кубика экстракта полыни, впрыснутые в замочную скважину ее двери с помощью того самого шприца, которому предстояло лежать затоптанным в сугробе... Еще один такой шприц был выброшен в урну на многолюдной Покровке, где Ярославу удалось подойти к Майе сзади почти вплотную и обрызгать эссенцией ее песцовую шубку. Бедняжка зашла таким кашлем, что даже не заметила диверсанта!

Лида, наблюдавшая за этой сценой с другой стороны улицы, была убеждена, что Майя не заподозрила ничего неладного, ей и в толк не взять, почему ее теперь на всех улицах будет преследовать ненавистный полынный аромат. А с сегодняшнего вечера начнутся ароматические глюки в кабинете из-за двух распыленных там капсул и в собственной квартире... И вот теперь в игру вступит Виталий Привалов, доведенный Ярославом до нужной кондиции...

Хоть бы Майя оказалась крепким орешком! Хоть бы не сдалась! Хоть бы услуги «кобры» еще понадобились Лиде!

И вдруг у Ярослава стало легче на душе. Никуда от него не денется Лида. Как бы она ни конспирировалась, как бы ни скрывала свой домашний адрес, есть такая штука – «адресное бюро» называется. Кстати, находится оно в двух шагах от «Красной волчицы» И уж там-то любой и каждый может узнать домашний адрес гражданки Погодиной Лидии Николаевны, примерно тридцати лет или чуть больше.

Ну, насчет любого и каждого неведомо, а гражданин Башилов Ярослав Максимович проделает это всенепременно. Причем завтра же!

А уж зная адрес, он и телефон выяснит в справочной службе!

Ярослав простился с Лидой так небрежно, как если бы только и мечтал сейчас оказаться от нее минимум за десять верст. И с легким сердцем поехал к себе на Звездинку.

25 апреля 2002 года

– Здравствуйте! – крикнул, открыв Лиде дверь, высокий худой человек с веселым лицом. – Это вы от Кларочки? Это вы, значит, молодая начинающая кропательница литературных произведений?

Лида запнулась на пороге, но тотчас же сообразила, что загадочная «кропательница» – это то

же, что писательница. От слова «кропать» – писать, сочинять. Растерянно кивнула. Это, что ли, известный адвокат? Она почему-то не очень поверила описанию Кларочки и ожидала увидеть вальяжного еврея с брезгливым выражением лица. А этот – какой-то немолодой мальчишка с быстрыми карими глазами. Даже глубокие залысины выглядят как супермодная прическа. Дорогие джинсы, такая же рубашка – и при этом растоптанные домашние тапки с дыркой на правой ноге, откуда торчит палец в шерстяном носке.

А музыка как гремит! Лида поежилась.

- Проходите, барышня! – прокричал хозяин. – Позвольте!

И он с легкостью необыкновенной вытряхнул Лиду из плаща.

- Пожалуйте в комнату!

Тут музыка была вообще оглушительной! Лида не без испуга смотрела на проигрыватель с огромными колонками – это был главный предмет обстановки. Рядом с ним диван и два кресла казались чем-то необязательным.

- Хорошо, что вы пришли! – прокричал хозяин. – А я тут лежу – больной в дрезину. Слушаю вот музычку. Вам нравится?

Лида только похлопала глазами, не зная, что сказать. Она ничего не слышала, не воспринимала – только грохот. Господи, как бы ему сказать, не обидев, чтобы сделал потише? Интересно, как они будут разговаривать?

Хозяин, глянув на ее ошеломленное лицо, хитро усмехнулся и легким движением скользнул к проигрывателю. В то же мгновение грохот стих, и Лида услышала в самом деле великолепную музыку.

- Это Гершвин, «Голубая рапсодия», – голос хозяина показался неожиданно громким. – Лучшее исполнение, по-моему, играет симфонический оркестр штата Юта, США. Дирижер Морис Абраминэль. Абраминэль, фу-ты ну-ты, ножки гнуты... Факт, что Абрамович! – И хозяин заржал – вот именно что не засмеялся, а громко, чрезвычайно весело заржал.

- Любите симфоническую классику? – спрашивал он, разглядывая Лиду. – Или что вы предпочитаете? Элвиса? Может, вам по душе четыре гарних хлопчика з Ливерпуля? А впрочем, они теперь тоже крутая классика. А вас не напрягает, что я слушаю «Голубую рапсодию»? Имейте в виду, это ничего не значит! Слово blu может быть переведено как «голубая» или «печальная». Так что, если хотите, назовем ее «Грустной рапсодией».

- Да я очень спокойно отношусь к слову «голубой», – сказала Лида. – Я долгое время жила во Франции, а там все национальные сборные имеют голубую форму. И комментаторы, и газеты, и радио, и ТВ так и заявляют: голубые, дескать, выиграли, голубые проиграли, голубые идут вперед, голубые то да се... Там на это никто не реагирует, потому что у них это слово не имеет того скабрёзного значения, как у нас. Эти самые ошибки природы называются у них «пидермоны» или «пиде».

- Да, у каждого свои прибабасы, – усмехнулся Марк Соломонович. – А вы, значит, жили во Франции? А почему вернулись?

- Семейные обстоятельства, – кратко ответила Лида, не имея никакого желания углубляться в суть дела.

- По-ня-ат-но... - протянул Марк Соломонович, пристально разглядывая ее своими молодыми карими глазами, и Лиде вдруг показалось, что этим взглядом он ее раздевает. И не просто так, как раздевает мужчина взглядом понравившуюся ему женщину! Марк Соломонович, чудилось, срывал все покровы с Лидиной души, обдирал ее, словно луковку!

- Ну так что, барышня? - вдруг решительно проговорил хозяин. - О чем будем говорить? О деле Погодина? Что именно вас интересует?

- Ну, вообще... все. Линия защиты, например.

- Линия защиты?.. - протянул адвокат. - Вот оно что! Вы дело читали?

- Нет, только приговор.

- Да, из приговора мало что можно понять, это точно, - пробормотал Марк Соломонович скучным голосом.

Лида встревоженно посмотрела на него. Что произошло? Почему эти яркие глаза вдруг словно бы белесой пленочкой подернулись?

Она растерялась. Надо что-то спрашивать у адвоката, но почему-то ни один вопрос в голове не складывался.

- Ну вот что, красавица моя, - решительно сказал Марк Соломонович, и глаза его вновь ожили, - давайте-ка ближе к телу. Что-то у нас с вами не разговор, а тишина ни о чем получается. Развейте наконец ядовитый туман несуществующей тайны! Все ваши проблемы мне видны, как грудь шестого размера на тощем теле. Вы сестра этого Погодина, так?

Лида откинула голову:

- Как вы догадались?

- Ну, догадки тут ни при чем, - пожал плечами Марк Соломонович. - Ни догадки, ни гадания, ни черная магия, хоть и заглядывал я встарь в эзотерический словарь. Вы бы хоть предупредили Кларочку, что хотите меня обдурить. Нельзя же скрываться под своей собственной фамилией. Кропательница Погодина пришла интересоваться делом Погодина! Бывают совпадения, не спорю. Но чтобы означенная кропательница прожила несколько лет во Франции, совершенно как сестра Сергея... да еще чтобы и звали ее Лидия! Вы его сестрица, так?

Лида молча кивнула, чувствуя невероятное облегчение оттого, что больше не надо притворяться.

- Как он? Вышел? Вернулся? - с искренним интересом спросил адвокат.

- Сережа умер два месяца назад, - сказала Лида сухо. - Он... попал в аварию там, в колонии, был изувечен и комиссован. Вернулся домой и умер.

Она органически не могла выдавить из себя, что смерть Сергея была самоубийством! Никому не говорила и говорить не собиралась, в том числе и этому адвокату.

- Умер? - вскинул брови Марк Соломонович. - Как жалко! С ним очень приятно было работать. Значит, все зря... Вот уж воистину - благими намерениями вымощена дорога в ад.

- Вы что имеете в виду?

- Я имею в виду мой гонорар, а что же еще?

Лида уставилась непонимающе.

Что за чушь? При чем тут его гонорар? Они что, эти адвокаты, вообще не могут ни о чем думать, кроме денег?!

- Да, - вздохнул Амнуэль. - Я так и думал, что вы ничего не знаете. Я за этот процесс десять тысяч долларов получил - как вам кажется, это хороший гонорар?

Лида откровенно вытаращила глаза. Она знала, что Сергей никогда не бедствовал. Но десять тысяч долларов... С другой стороны, это была цена его судьбы. Наверняка он отдал все, что было.

- Ошибаетесь, - усмехнулся Амнуэль, поняв ее невысказанную мысль. - Мне платил не ваш брат. Мне платила безутешная вдова.

- Безутешная... - непонимающе пробормотала Лида, но тут же вскрикнула: - Безутешная вдова?! То есть Майя Майданская вам платила?! Но как, почему?! А, теперь я понимаю, теперь понимаю, почему на Сережу навешали все эти статьи, почему он попал в колонию, почему вообще ничто не было принято во внимание, никакие смягчающие обстоятельства. То есть она откровенно вас подкупила, чтобы его засудили, да? И вы в этом так смело признаетесь?!

- Красивая и глупая, - пробормотал Марк Соломонович, откидываясь на спинку кресла и все так же внимательно разглядывая Лиду. - Почему все красивые непременно глупые, а? И, кажется, из этого правила вообще нет исключений! А впрочем, есть... Взять хотя бы эту самую Майданскую. Она была бесовски хороша и так же бесовски умна. И, кроме всего прочего, она оказалась на редкость благородной женщиной.

- И в чем же выразилось ее благородство? - ехидно усмехнулась Лида. - Из-за нее Сергей попал в тюрьму...

- Пардон, мадам! - Марк Соломонович проворно выставил вверх палец. - Почему это из-за нее? Не затмила ли ваш разум сестринская любовь, увы, пробудившаяся с некоторым опозданием?! Вас ведь не было на процессе, если не ошибаюсь... Ваш брат попал в тюрьму из-за того, что убил человека; какого - это вопрос восемнадцатый, но фак, пардон, факт, что убил. С этим вы, надеюсь, согласны? Это вы принимаете как объективную реальность?

- Принимаю, - нехотя согласилась Лида, благоразумно пропустив мимо ушей справедливый, в общем-то, выпад насчет поздно пробудившейся сестринской любви.

- Ну вот, - с нравоучительным видом покачал пальцем Марк Соломонович. - А Майя Михайловна восприняла как объективную реальность то, что ваш брат по чистой случайности - или роковому для него стечению обстоятельств, назовите это как хотите! - сыграл в ее жизни роль доброго ангела, благого провидения, счастливого случая... опять же, назовите как хотите! Сергей невольно спас ее от этого подонка Майданского, который Майю Михайловну ненавидел так же, как она его. И не только избавил от постылого мужа, но и сделал ее очень богатой женщиной. Потому что быть женой богатого, но скупого и гнусного существа - это одно. А стать свободной и вдобавок получить в наследство движимого и недвижимого имущества чуть ли не на миллион долларов - это, согласитесь, совсем другое! Майя Михайловна была безмерно вашему брату благодарна. На суде, понятно, она молчала в тряпку насчет этой ситуации, но и

убийцу мужа не топила, подчеркивала – это отражено в показаниях! – что ее муж первым начал задирается. Отказалась от своих обвинений в изнасиловании, сказала, что была совершенно не в себе, мало ли что ей там могло померещиться! Так что этот вопрос даже не рассматривался. Хотя прокурор вел себя так, что я иногда думал: ну, все, сливай воду! Но потом все же удавалось развернуть ситуацию в пользу Сергея. И именно благодаря Майданской. Она многое для вашего брата сделала, я-то это знаю, можете мне поверить. Знаю, потому что именно она меня наняла – как лучшего адвоката в городе. Она была со мной совершенно, предельно откровенна, даже до цинизма какого-то дошла. Видимо, сильно достала ее жизнь с Майданским! Она ведь вышла за него совсем девочкой, даже школу еще не закончила.

– Что, такая уж пылкая любовь была? – буркнула Лида, которая, честно признаться, слушала адвоката с недоверием. «Красная волчица» Майя Майданская отнюдь не произвела на нее впечатления бедной, забитой сиротки. Хотя, с другой стороны, возможно, ее так раскрепостила смерть мужа? То, что Валерий Майданский являлся редкостным подонком, для Лиды было аксиомой. Наверное, жить с ним было очень тяжело, особенно такой нервной, творческой натуре, как Майя. Конечно, нервная, до чего же бурно отреагировала на появление Лиды...

Стоп. Вопрос остается на повестке дня! Если Майя откуда-то знала, что Лида – сестра Сергея, и если считала его таким уж своим благодетелем, то – опять-таки! – почему отреагировала на ее визит в «Красную волчицу» с таким ужасом? Ой, такое ощущение, что не все здесь так благостно, как пытается расписать этот обаятельный трепач Марк Соломонович Амнуэль!

30 декабря 2002 года

Звонок долетел словно издалека. Майя не то услышала его, не то почувствовала. И тут же снова настала тишина. Какое блаженство! Может быть, звонок ей почудился? Приснился? Ей часто снились звонки в дверь. Особенно раньше, до того, как появился Олег и избавил Майю от прошлых долгов. А тогда... То чудилось, что с кладбища приходит вставший из могилы Майданский. То появляется из тех мест, где был похоронен заживо, тот, другой, – не поймешь, живой или мертвый... Майя вскидывалась, стискивала руки у горла, не зная, то ли бежать отворять двери, то ли прятаться от призраков. Сидела, прижав к груди подушку, словно щит, утыкалась в нее лицом – до тех пор сидела так, пока не понимала, что это сон. Всего лишь сон! Иногда вспоминала, что надо осенить себя крестным знаменем. Ну, крестилась, бормотала что-то, какие-то самодельные молитвы. И чувствовала при этом страшный стыд. Она вообще терпеть не могла о чем-то просить людей. Или бога просить – какая разница? Ей было трудно переступить через себя. Тем более в том, что произошло, он вряд ли мог ей помочь. То есть мог бы, конечно, поскольку всемогущий, однако вряд ли захотел бы это сделать. Поскольку всевидящий. И уж кто-кто, а он отлично знал, как все обстояло на самом деле и кто во всем виноват.

Так что Майя не просила помощи у бога даже в самые тяжелые минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы.

Странно, что вышло в точности по прогнозу одного безбожника, который когда-то сказал: «Никогда и ничего не просите! Особенно у тех, кто сильнее вас. Сами все предложат и сами все дадут».

Они и дали, небеса...

Дали покой и счастье. Но зачем же отнимать то, что дали сами?!

Звонок повторился, и тотчас раздался голос Олега:

- Здравствуйте. Дома, да, но подойти не может.

А, это он по телефону говорит. Слава богу, никто не притащился. Как это Майя забыла отключить телефон на ночь? Хотя сейчас уже не ночь, а белый день!

- Извините, не позову, - твердо сказал Олег кому-то. - Она очень плохо себя чувствует. Видимо, простыла, всю ночь не спала. Только сейчас заснула. Поэтому извините... Что ей передать? Кто звонил? А, понятно. Передам обязательно. Всего доброго.

- Олежек, выключи телефон, - пробормотала Майя и сама удивилась тому, как жутко звучит ее голос. И в горле словно наждаком по связкам скребут. Она ведь не просто не спала - она кашляла так, что иногда казалось: горло вот-вот разорвется. Олег с ног сбился, бегал на кухню и обратно то с горячим молоком, то с медом, то с классическим коктейлем: мед, коньяк, взбитое яйцо; то с жженым сахаром, то с какими-то таблетками, то с полосканием: сода, йод, соль... Все, что вспомнилось, в ход пошло, да толку не было никакого. И обычные аэрозоли от астмы не помогали. Майя от этого кашля дошла до точки, а стоило вспомнить, что завтра вечером надо петь, а как она будет петь, когда вместо связок будто волосяные раздерганные канаты! А сегодня у них банкет, весь клуб снимает под день рождения важное лицо из городской администрации, говорили, что, возможно, будет сам Коренев...

Нет, петь она сегодня не сможет, это точно!

А завтра? Ведь завтра Новый год! У них в клубе новогодний вечер!

И завтра она не сможет петь...

А когда сможет?.. И сможет ли когда-нибудь?

Майя сама не знала, что это на нее нашло, почему позволила себе так распуститься, предаться такому отчаянию. Ну разве она никогда раньше не простывала? И разве никогда не обострялся ларингит, профессиональная болезнь преподавателей, дикторов, ораторов, массовиков-затейников и певцов? Особенно тяжело бывало в июне, когда начинала цвести полынь. Вроде бы здесь, практически в центре города, ее днем с огнем не сыщешь, а все же Майя улавливала самое дальнее дуновение. Чудилось иногда, что она способна уловить запах, который ветер наносит аж с другого берега Волги!

Но это тяжелое время она обычно проводила дома. Не выступала, отказывалась от всех приглашений, которых летом и вообще-то становилось гораздо меньше: в работе клубов наступал мертвый сезон. И раньше пропущенное выступление ничего не значило для Майи: ну подумаешь, пятьсот рублей не получила, что это за деньги? Конечно, она зарабатывала за вечер куда больше, чем ставку, иной раз охапками доллары подбирать в подол приходилось, но все равно это было неважно: она ведь пела не ради заработка. Деньги и так у нее были.

Кстати, они есть и сейчас. И даже если заказчикам банкета придется вернуть часть денег за то, что программа будет изменена (а Майя уже чувствовала, что ее придется менять, что петь сегодня вечером не сможет, не то совсем сорвет голос), это не разорит ни клуб, ни саму Майю. Честно сказать, ее не разорит даже возврат денег за все заказанные до самого Рождества ежевечерние банкеты!

Дело не в деньгах. Дело в этом неконтролируемом страхе: а что, если она не сможет петь никогда?

Снова подкатило к горлу удушье.

- Олег! Открой форточку! - прохрипела Майя, резко садясь в постели.

- Да ты что?! - закричал муж. - С ума сошла?! Какая тебе форточка? Там же мороз под тридцать! Наглотаешься холодного воздуха - еще хуже будет!

- Мне дышать нечем, открой, пожалуйста, - прошептала Майя.

- Ну хоть укройся, спрячься под одеяло! - взмолился Олег жалким голосом.

Растрепанный, бледный (ему тоже тяжело досталась нынешняя бессонная ночь), он выглядел сейчас совершеннейшим мальчишкой, гораздо моложе своих двадцати четырех лет. Майя представила себе, как выглядит сейчас *она*, сколько лет легко может прибавить к своим тридцати двум, и рухнула вниз лицом, зарылась в подушку, натянула на голову одеяло, зашлась в истерических хрипах, заодно поглубже заталкивая под подушку носовой платок.

Олег не должен *этого* увидеть! Он с ума от ужаса сойдет. Довольно того, что с ума сходит она, Майя.

Что происходит? Что происходит?

Она ничего не понимала.

Это началось три дня назад. Она шла по Покровке, торопилась в Дом культуры имени Свердлова, куда дважды в неделю ходила на занятия в студию эстрадного танца (современная певица должна не только петь, но и двигаться хорошо!), с трудом пробираясь сквозь толпу, высыпавшую из первого трамвая. Напротив Дома культуры всегда стояли две девушки, окруженные сворой собак. Рядом стоял двухэтажный проволочный ящичек с кошками. На ящичке висела коробка с надписью: «Помогите бездомным животным!» Люди охотно опускали в коробку мелочь, уж больно симпатичные были псы, по случаю плохой погоды приодетые кто в комбинезон защитного цвета, кто в штаны и курточку, кто закутан в теплый платок. Старостой здесь был немолодой, жутко косматый ризеншнауцер, облаченный в красные штаны и курточку, а также в красный колпак с белой оторочкой. Видимо, он по совместительству изображал Санта-Клауса. На спине у него тоже была укреплена коробочка с прорезью, туда сыпалось больше всего денег: этот пес бегал по Покровке и требовательно таранился на прохожих, просто-таки вымогая у них деньги своим выразительным взглядом. А устав, садился у входа в находившийся тут же, напротив ДК, магазин «Мясной дворик» (называемый всеми просто «Куриным двориком», ибо в основном там продавалась продукция Линдовской птицефабрики) и умильно вдыхал приятные запахи, провожая взглядом каждую появляющуюся из магазина сумку. Он никого не трогал - только смотрел. Но опять-таки, как смотрел!

- Мама, какой он умный! - воскликнула какая-то девочка, теребя за руку маленькую пухленькую женщину в дубленке. - Давай его домой заберем!

Та не успела ответить. Мимо имел неосторожность пробежать какой-то рыжий пес - тоже бездомный, но не входящий в сообщество раздетых попрошаек. Дразнящие запахи, несущиеся из «куриного магазина», заставили его на миг замедлить ход.

Надо было видеть, что сделалось с Санта-Клаусом! Он понесся по Покровке, исторгая хриплые звуки, которые могли бы напугать и собаку Баскервилей! Рыжий бродяга летел прочь быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла, совершенно лишившись разума от страха!

- Ой, вот это характер! - сказала девочкина мама. - Этак он нас всех гонять станет по комнатам, чуть что не по нем! Лучше мы его забирать не будем, ладно, Лидочка?

Майя резко повернулась к девочке - и вдруг у нее подкосились ноги от резкого запаха полыни, который налетел откуда-то сзади.

Рефлекторно задержала дыхание, испуганно оглянулась, наступив на ногу высокому парню в черной куртке. Лицо его почему-то показалось ей знакомым, но Майя об этом не задумалась, не извинилась - не до того было.

Что за напасть?! Обычные люди спешат по своим обычным делам. Причем идут все больше мужчины и женщины сугубо автозаводско-сормовского вида. Никто из них совершенно не похож на людей, которые пользуются безумно дорогими духами «Кризантэм д'ор», изготовленными на основе экстракта полыни. Строго говоря, Майя видела в своей жизни только одну женщину, которая ими пользовалась. Они с Олегом были в свадебном путешествии на Борнео, и вот однажды в дансинге отеля Майя оказалась рядом с красивой мулаткой, благоухающей этой жутью, - и чуть богу душу не отдала. Мулатка - ее звали Рашель - и рассказала Майе об этих духах. К счастью, ее пребывание в отеле закончилось через два дня, и больше никто не отравлял Майе атмосферу. Правда, потом она наткнулась на эти духи в аэропортовском магазине дьюти-фри, однако только при виде шелкового футляра цвета охры у нее начался кашель. Теперь она с опаской заходила в парфюмерные отделы - ведь духов нынче навезли со всего мира самых невиданных! - однако «Кризантэм д'ор» не видела ни разу. Нет, ну в самом деле, они были чрезмерно дорогие, да и запах полыни, мягко говоря, рассчитан на любителя.

По счастью, любителей полыни в Нижнем Новгороде не находилось, так что Майя уже уверилась, что проведет зиму относительно спокойно - в смысле физическом, постоянный моральный раздрай не в счет, - как вдруг этот внезапно обрушившийся кошмар...

Ей чудилось, что вся улица пропахла полынью! Вбежала в ДК, сунула шубку гардеробщице, понеслась в другое крыло, зажимая нос платком и с ужасом представляя, как же теперь будет танцевать, когда горло судорогами сжимается и дышать невозможно, однако, к ее изумлению, ей постепенно стало легче. А на втором этаже, в студии, среди запахов дешевых духов, пота и табачища (и руководительница студии, и девчонки курили как ошалелые) ей стало совсем хорошо. Майя отдышалась, пришла в себя, и на радостях у нее получались все, даже самые сложные фигуры.

Увлечшись, она совершенно забыла о случившемся. Но стоило ей одеться и выйти на Покровку, как кошмар надвинулся опять. Кашель начал скрести горло, она чихала и чихала, стоя посреди улицы, люди обходили ее подальше, находились идиоты, которые откровенно хихикали, а два брейкера-недоростка, вышедшие из ДК вслед за Майей, начали спрашивать:

- Чихушка-чихушка, сколько лет мне еще осталось жить?

- Не чихушка, а чахотка! - поправил третий придурок в такой же вязаной шапочке а-ля Децл, как у двух его приятелей. - Чахотка-чахотка, сколько лет тебе осталось жить?

Черт знает как испугалась Майя этой дури! Опрометью, скользя на замороженном тротуаре, ринулась вниз, к Алексеевской, проклиная себя за то, что пошла сегодня пешком, а не взяла машину. На улице ей почему-то было невыносимо страшно, хотелось домой, домой, в это убежище, которое она когда-то, при жизни Майданского, ненавидела, в которое потом, в годы одиночества и вдовства, возвращалась через силу, но которое в последнее время полюбила,

потому что квартира очень нравилась Олегу. Они сделали роскошный ремонт, изгнали отсюда все призраки прошлого, и теперь это было воистину убежище для Майи.

Она вбежала в подъезд, пронеслась мимо консьержки, ввалилась в квартиру – к изумлению и испугу Олега, который решил было, что на жену напали хулиганы, – и разразилась рыданиями. Запах никуда не исчез! Майя ощущала его на своей одежде, на волосах, на теле!

Олег заставил ее принять ванну. Хвойный пар всегда приносил Майе облегчение, и она отмокала не меньше часа, чувствуя, как успокаивается горло. Потом в джакузи забрался Олег, и они еще долго блаженствовали там вместе.

Кошмар исчез... но снова навалился на нее, стоило только выйти из ванной!

Майя забаррикадировалась в спальне, выпила коньяку и заснула, надев марлевую полумаску. Уже смеркалось, когда ее разбудил Олег и, робея, сказал, что, может быть, ему кажется, но запах исходит от шубы Майи. Честное слово! Запах очень сильный, раздражает даже Олега, хотя ему, в принципе, от полыни ни жарко ни холодно.

Майя, еще толком не проснувшись, с больной головой, посмотрела на него как на сумасшедшего, однако Олег настаивал.

Она рассердилась.

Олег опять ушел в прихожую, но скоро вернулся и твердым голосом сказал, что оказался прав: на спине у шубы слипся мех, как будто на него попало что-то масляное, и эти масляные брызги распространяют острейших запах полыни.

Да, это было похоже на шутку. Но так шутить Олег ни в коем случае не стал бы. Майя надела халат, заткнула ноздри комочками ваты, пропитанными чесночной настойкой (запах жуткий, но зато хорошо прочищает нос и преграду полыни создает идеальную, а ноздри потом можно и с мылом помыть!), и потопала проводить экспертизу.

А ведь и верно! Шуба на спине была обрызгана чем-то маслянистым, пальцы сразу стали жирными. Майя осторожно понюхала – и полынная омерзительная горечь проникла даже сквозь чесночный «противогаз».

Олег немедленно уложил шубу в пакет и утащил в химчистку. Шкаф, где она висела, был забрызган аэрозолями, лучше всего помог антитабак «Хвойная свежесть».

А Майе, когда она покончила с изведением полынного духа, стало отнюдь не легче, а гораздо тяжелее.

Потому что она задумалась.

Получалось что? Получалось, что на Покровке (а это, совершенно точно, произошло именно там и именно в ту минуту, когда она подходила к ДК Свердлова, не зря ей так плохо стало, будто этим запахом ее по голове шарахнуло!) к Майе сзади подошел какой-то неведомый человек и нарочно облил ее шубу полынным маслом.

В жизни не слышала большей чуши, попыталась успокоить сама себя Майя. Во-первых, что это за полынное масло такое и с чем его едят, а во-вторых, просто невозможно себе представить, чтобы человек в здравом уме и твердой памяти подошел и нарочно намазал этим маслом другого человека!

Тем более так точно угодил именно в Майю, у которой даже при слове «полынь» начинаются спазмы и кашель.

Единственное объяснение, что это произошло случайно. И в самом деле, шел человек, держа в руке флакончик с полынным маслом, и нечаянно – например, споткнувшись или поскользнувшись – взял да и разлил его, ну а то, что масло попало на шубу Майи, – просто несчастное совпадение.

Тьфу, бред! Да ведь нет на свете никакого полынного масла! Нет его!

Но теперь она уже не могла успокоиться. Соскочила с кровати, отыскала среди книг «Энциклопедию русского знахаря» и на букву П нашла слово «*Полынь*».

Причем не просто «*Полынь*», а «*Полынь горькая*»!

«Полынь горькая применялась в народной медицине от лихорадки, от боли в пояснице; при этом продолжительно употреблять ее избегали, ибо знали, что она производит нервное расстройство...»

«Ага! – сердито хмыкнула Майя. – Вот именно! Да у меня даже чтение статьи о ней производит «нервное расстройство»!»

Ну, что там дальше?

«Знахари советовали толочь свежую полынь и, выжав сок, пить по стакану натошак от лихорадки; настоянную на теплой воде – от раздутия живота. Ею также лечили желтуху.

Свежими листьями врачевали опухоли; сушеные листья запасали для водочной настойки, которая употреблялась как средство, способствующее пищеварению. Листья сначала обмывали, обдавали кипятком, отжимали и затем уже заливали водкой. Настойка получалась изумрудного цвета.

Листья и семена полыни, истертые в порошок и смешанные с медом, давали детям натошак от глистов; ваннами лечили золотуху; заваривали, как чай, и пили при флюсе, который быстро проходил.

Можно пользоваться и маслом из семян...»

Ага! Вот оно!

«...маслом из семян (чайную ложку толченых семян настаивают на 4 чайных ложках прованского масла). Принимают масло по 1-2 капли (на сахар) 3 раза в день. Таким маслом пользуются также при одышке и обмороке».

Майя передернулась. Тут в книге явная ошибка! Надо было написать: «Таким маслом пользуются, *чтобы* вызвать одышку и обморок!»

Однако масло, значит, все-таки существует...

Ну и существует, ну и что?

Закончив читать и прочихавшись (закономерная реакция!), Майя затолкала справочник на самую дальнюю полку.

Вернулся Олег и сообщил, что шуба будет готова через неделю. Это Майю огорчило мало: ее гардероб был битком набит одеждой, да и вешалки для шуб не пустовали. На них ждали своей очереди, словно одалиски внимания султана, две песцовые шубки, две норковые из пластин да еще норковый жакет из хвостиков, дубленок было три, а также имелись каракулевый свингер и полушубок из красного волка и, кроме этого, очень красивое зимнее пальто – зеленое, с огромной рыжей лисой на воротнике... Даже если тот песец не отчистится, с ним легко можно будет расстаться. И Майя решила забыть об этом дурацком случае.

Это оказалось легче сказать, чем сделать. Потому что через два дня, то есть вчера, призрак полыни снова ворвался в ее жизнь – чтобы окончательно исковеркать ее.

В тот вечер она вернулась в кабинет после выступления – и чуть не потеряла сознание от стойкого, горького полынного духа.

Майя мгновенно поняла, что это что-то психическое. Откуда могла попасть в кабинет полынь, если от двери не отходил охранник?

Типичный полынный глюк. Типа навязчивой идеи. Кстати, аллергиков-психов довольно много: тех, кто чует несуществующие аллергены. Где-то Майя читала, что есть мужик, у которого аллергия на лунную пыль. Ей-богу!!! Не слабо, верно? То есть не на самую пыль, конечно, ибо таковой не существует в природе, а на это словосочетание. У него лунный глюк, а у нее, у Майи, – полынный. *Suum cuique*, как говорили древние римляне. Каждому свое!

Она заставила охранника открыть форточку и как следует проветрить кабинет. После этого ей стало чуть легче, но ненадолго.

К счастью, в этот вечер выступать больше не было надобности. Майя оставила закрывать клуб дежурного администратора и уехала домой гораздо раньше, чем обычно.

На морозе полынный глюк живенько улетучился.

– Может, пешком пойдем? – предложил Олег, радуясь тому, что она оживает на глазах. – Подышишь как следует.

– Христос с тобой! – ужаснулась она. – Морозыка вон какой. Да меня к утру ангина скрутит. К тому же наша машина за нами сама не поедет, не умеет ездить одна, ей нужен водила. А здесь ее оставлять опасно.

Майя села за руль своего алого «Пежо» очень осторожно, приняхиваясь, но тут все было в порядке. Глюк в автомобиле не воскрес. И до дому она доехала в робкой надежде, что нынче обойдется без серьезного припадка.

Напрасно надеялась!

Стоило войти в квартиру, как ее снова скрутило. И начался ночной кошмар, который до сих пор не прошел.

Безумная, мучительная ночь!

– Кто там звонил? – прохрипела Майя. – Насчет банкета? Слушай, Олег, свяжись с Анатолием, пусть сообщит заказчикам, что я заболела, и предложит на замену или Люду Соколову, или Иру Вязину. Лучше бы Людмилу, конечно, пусть так и скажет. Правда, она почти наверняка уже занята где-нибудь, поздно уже... Ну, Ирка тоже хорошо поет. А если заказчик начнет

выпендриваться, пусть Толя его умаслит. Все-таки он замдиректора, надо и самому приучаться работать, нечего все время за моей спиной прятаться. В крайнем случае вернем деньги, ничего страшного.

Тирада была слишком длинная, кашель начался снова. Из-за этого Майя, уткнувшись в подушку, почти не слышала разговора мужа с Анатолием, но наконец Олег вернулся и сообщил, что приказ передан, зам поклялся все сделать как надо.

Майя осторожно отстранилась от подушки:

- Олежек, а кто там звонил?

- В смысле? - удивился он. - Это я звонил Анатолию... А, понял, раньше? Это был какой-то Виталий Привалов. Хотел тебя с Новым годом поздравить, передавал большой привет. Сказал, что еще перезвонит. А он кто?

- Кто? Старинный знакомый. Друг детства, можно сказать. Мы с ним когда-то жили в одном доме, учились в одной школе и ходили в один кружок в Доме пионеров. Сто лет его не видела. И он сто лет не звонил. Чего это вдруг вспомнил?

Майя надеялась, что голос ее звучит спокойно. Виталик Привалов, конечно, друг детства, но, кроме этого, он еще и...

Телефон зазвенел.

- Алло? - взял трубку Олег. - А, да, здравствуйте еще раз. Одну минуточку.

Зажав трубку ладонью, повернулся к Майе:

- А вот как раз и опять он, Привалов. Будешь говорить?

Майя хотела было сказать «нет», но отчаянно махнула рукой и потянулась к трубке. Виталик был прилипчив, как пиявка, это она по старым временам помнила. Жуткая зануда! Если он наметил себе поздравить Майю с Новым годом, то будет звонить днем и ночью, пока не исполнит намеченного. Что это его разобрало, интересно, с какой печки он упал, что вспомнил старинную подружку?

Махнула Олегу, чтобы закрыл форточку, села поудобнее.

- Алло, - тихо проговорила, прижимая губы к трубке, там, где еще сохранилось тепло от губ Олега.

Он увидел это, покраснел... Он еще не привык к откровенности ее любви, он еще смущался иногда, и в эти минуты Майя любила его с такой силой, что вся прошлая жизнь казалась ей лишь подготовкой, сердечной тренировкой к этой безумной, самоотверженной, ошалелой любви.

Странно, если вспомнить, у нее не было первой любви, то есть такой, какая она должна быть, в школьной юности. Так уж сложилась жизнь, что в ту пору ей было не до влюбленности... Она впервые полюбила, когда ей было двадцать. Это была настоящая страсть, да, от нее невозможно отречься, хоть все это уже в далеком прошлом. Но то, что Майя чувствовала к Олегу... это была именно первая любовь - запоздалая, шальная, отчаянная, полная страхов и сомнений. Она владела им, она принадлежала ему, она была его женой - и каждое мгновение

боялась потерять его.

Надо быть сдержанней! Его пугает безудержность ее чувства, он слишком скромнен, стеснителен! Надо держаться спокойней!

Но как это сделать, если все существо ее полно одним: любовью к этому краснеющему мальчишке?!

Она улыбнулась Олегу, поймала ответную улыбку и ощутила, как оставляет ее беспокойство.

Все на свете переживаемо, пока они вместе!

- Алло, я слушаю.

- Извините, я Майю Михайловну просил, - послышался голос Привалова.

- Это я, привет, Виталик, - сказала она так же тихо. - Не узнаешь? Богатой буду!

- Майка? - недоверчиво спросил он. - Ты?! Нет, серьезно? Ну и голосок у тебя. Прямо морской волк с перепоею. Что случилось? Ангина, что ли?

- А, что-то ларингит обострился, - со всей возможной легкостью отозвалась Майя. - Видимо, перетрудила горло. Ладно, это мелочи, переживем. Как твои дела? Как жизнь?

- Да все нормально, слушай, - отозвался Виталий. - Я тут старые фотографии перебирал, нашел те, где мы на слете детских фольклорных коллективов в Москве, потом школьные выпускные... Сколько лет мы не виделись, а?

- Ну, не так уж много. Помнишь, пересеклись на дне рождения у Коли Карапетяна, потом в прошлом году на банкете в «Руставели».

- Я слышал, у тебя теперь свой клуб?

- Да, - коротко отозвалась Майя, чувствуя, что силы кончаются, говорить становится все труднее.

Зажала микрофон, откашлялась. Как бы это поделикатнее послать Виталика туда, откуда он высунулся? Зачем только трубку брала?!

- Ты там поешь? - не унимался Привалов.

- Угу, - прохрипела Майя. - Виталик, ты извини...

- Нет, Майка, это ты меня извини! - Голос Привалова стал сердитым. - Что у тебя с голосом, скажи на милость? Какое, к черту, обострение ларингита? То есть, может быть, это ларингит, конечно, но ты уверена, что у тебя все в порядке с легкими?

Майя вспомнила о платке, который был спрятан под подушкой. Пальцы невольно скользнули туда, стиснули влажный комочек, осторожно переложили его в карман халата.

Только бы ничего не увидел Олег!

- Ну что у меня с ними может быть? - спросила она как бы с усмешкой, но Виталий - какой-никакой, а врач все-таки! - моментально просек интонацию, которую она пыталась скрыть.

- В лучшем случае пневмония. А в худшем...

Какое счастье, что трубка у них не резонирует. Какое счастье, что Олег стоит достаточно далеко и ничего не слышит!

- Да ну, чепуха какая! - старательно хихикнула Майя. - Спасибо за беспокойство, конечно...

- Слушай, девушка, такими вещами не шутят. - Голос его и в самом деле был теперь очень серьезным. - Ты забыла, чем я в торакальном отделении работаю. Я таких бацилл, каким ты сейчас говоришь, знаешь сколько наслушался! Я-то знаю, что это может значить!

- Одну минуточку, - сказала она в трубку и повернулась к мужу: - Олежек, будь хорошим мальчиком, согрей мне чаю, хорошо? С медом и с лимоном, только, умоляю, меду одну ложку. Не больше!

- Лучше две, толку больше будет, - подсказал Виталий, слышавший этот разговор. - А то и три.

- Ты что, это же сколько калорий! - испугалась Майя. - Хватит с меня и одной ложечки. Я и так с утра до вечера хлещу этот медовый чай.

- Ладно, насчет меда смотри сама, а вот скажи: ты к врачу обращалась насчет своего ангельского голоска? - не унимался Виталий.

- А какой смысл? - фыркнула Майя. - У меня просто обострение аллергии, вот и все.

- Что? - изумился Виталий. - Или я что-то забыл, или у тебя всегда была аллергия на полынь?

- Ну да.

- Извини, - снова сказал Виталий с какой-то очень осторожной интонацией, - может, я ошибаюсь, конечно, но сейчас, по-моему, зима...

- Зима, зима, - согласилась Майя. - А аллергичка откуда-то взялась.

- Слушай, детка, - вкрадчиво обратился к ней Виталий. - А ты флюорографийку давно проходила?

- Ну... года два назад, а может, и три, - призналась она, прислушиваясь к звукам, доносившимся из коридора. Шагов Олега пока не слышно, есть время поговорить с Виталием. Боже ты мой, до чего же кстати он позвонил! С ним-то можно не притворяться, ему можно сказать, до чего ей страшен это психосоматический кашель, до чего страшно то, что разглядела она сегодня утром на платке.

Возможно, это от беспрестанного кашля порвались кровеносные сосудики в горле или даже в бронхах. Но, возможно...

- С ума сошла! - возмущенно выкрикнул Виталий. - Да ты с ума сошла. Два или три года! Вот что, слушай, приходи ко мне на рентген. Посмотрю тебя. Не нравится мне твой голос, понимаешь? *Очень не нравится!*

Майя только вздохнула. А уж как ей *не нравился* собственный голос и вообще те процессы, которые происходили в ее горле!

- Наверное, ты прав, - обреченно кивнула она, взглянув в зеркало на свое измученное,

постаревшее лицо и тотчас отвернувшись. – Когда ты после праздников начинаешь работать?

– А зачем ждать до после праздников? – удивился Виталий. – Ты ж с таким кашлем задохнешься, я тебе точно говорю. Приезжай завтра в любое время. Я дежурю целый день, с девяти. Кстати, тут, в торакальном, завтра дежурит одна очень хорошая докторша, она тоже может тебя посмотреть, если захочешь.

– Но ведь завтра 31 декабря... – нерешительно пробормотала Майя.

– Ну и что? Рентгенкабинет у нас в больнице круглые сутки работает, сама знаешь. Мало ли кого и когда по «Скорой» привезут.

– Так ты что, Новый год будешь на работе встречать?!

– Ну да, а что такого? Мне уже второй год так клинически везет. Кстати, у нас очень весело все это происходит, а дома меня все равно никто не ждет.

Майя знала, почему. И стоило вспомнить, *кто* раньше ждал дома Виталия, как на душе стало еще тошнее, чем прежде. Захотелось как можно скорей закончить этот разговор, забиться в подушки и забыть обо всем...

Ну да, конечно. И продолжать кашлять, кашлять, кашлять, пока правда не задохнешься и не начнешь откровенно харкать кровью, так, что это уже не удастся скрыть от Олега! Нет, надо ехать к Виталию. Тем более если там хороший врач. А что это она так напряглась относительно приваловского прошлого? Все там давным-давно кончено, когда они виделись с Виталием прошлый раз, он говорил, что уже несколько лет ровно ничего не слышал о своей бывшей жене. И вообще, начинал колотиться от злости, стоило только завести о ней речь.

О чем это Майя вдруг задумалась, господи ты боже мой?! Думать надо совершенно о другом! О своем здоровье.

– Ладно, Виталик. Очень вовремя ты позвонил, спасибо тебе большое. Может, я и в самом деле завтра к тебе подскочу? – спросила нерешительно.

– Умница! – радостно воскликнул Виталий. – Конечно! Жду тебя завтра в любое время.

– Спасибо тебе большое, – пробормотала Майя, чувствуя, что в горле опять начинается пожар. Разговор надо было срочно заканчивать.

– Майя, вот чай, я тебя умоляю выпить, пока горячий, а то опять дождешься, что остынет, и толку никакого не будет! – затараторил Олег, входя в спальню с подносом, на котором стояла большая, курившаяся паром кружка.

– О, я слышу речь не мальчика, но мужа! – засмеялся Виталий. – Чай согрелся? Ну, пей. А завтра обязательно приходи, договорились?

– Договорились!

Майя положила трубку. Все-таки здорово получилось. Виталий позвонил просто поразительно вовремя! Хорошо иметь знакомого рентгенолога.

Она поудобнее уселась в постели и принялась глотать горячий-прегорячий чай, морщась от привкуса меда (Олег, конечно, не ограничился одной ложкой!) и боли в измученном горле и

размышляя, как трогательно Виталик обрадовался, что она придет на прием. Хотя и непонятно, что это он вдруг начал так волноваться о Майе. Впрочем, он всегда к ней отлично относился, а старая дружба, говорят, не ржавеет...

Она бы глазам своим не поверила, увидев сейчас Виталия. Он сидел за своим столом, освещенный равнодушным светом негатоскопа, и с ненавистью смотрел на телефонную трубку, которую держал в руках.

- Дура, дура! Ну куда ты лезешь?! - вдруг воскликнул он отчаянно. Тотчас спохватился, испуганно поднес трубку к уху и успокоился, услышав короткие губки.

Слава богу, его неосторожного выкрика никто не мог услышать.

Ладно. Половина дела сделана: Майя придет.

И он набрал знакомый номер, чтобы доложить кому следовало о первом успехе.

25 апреля 2002 года

Между тем «обаятельный трепач» что-то помалкивал. Лида вскинула голову и встретила его внимательный взгляд.

- Ох, Лида, Лида... - пробормотал Марк Соломонович. - Вы, интересно, отдаете себе отчет в том, что толчок всей этой истории был дан много лет назад, одним зимним вечером, в ТЮЗе? Вы понимаете, о чем я говорю?

На мгновение Лида задохнулась. Понимала ли она!..

- Это вам Сережа сказал? - пробормотала она наконец.

- А кто же еще? Надеюсь, вы не в претензии на него за это? - вскинул брови Амнуэль. - Разумеется, я строил линию защиты на той ненависти и презрении, которые питал Сергей к Майданскому. Эта история произвела свое благоприятное впечатление и сыграла какую надо роль. Послужила смягчающим обстоятельством для Сергея. А личность «несчастной жертвы» утратила немало обаяния, которым пытался наделить ее прокурор! Думаю, если бы я мог пустить в ход ту информацию, которую дала мне Майя Михайловна, ну, скажем, относительно того, как она выходила замуж за Майданского, то это вызвало бы еще большее отвращение к убитому. Увы, она рассказала мне о себе при одном определенном условии: сохранении строжайшей тайны. К тому же плохой это был человек или хороший, но Сергей все-таки убил его, вдобавок из оружия, носить которое не имел права, вдобавок будучи мастером-разрядником по стрельбе, так что линия на то, будто пистолет сам по себе взял да и выстрелил, была сломана обвинением в самом начале, я ее даже не разрабатывал, чтобы, наоборот, всего не испортить. И все же именно благодаря Майе Михайловне ваш брат получил гораздо меньше, чем мог бы получить. Знаете поговорку: чем больше дают, тем меньше дают?

- Вы хотите сказать... - пробормотала Лида, но наткнулась на предостерегающий взгляд и благоразумно осеклась. Если даже этот загадочный человек дает ей понять, что деньги Майи пошли на... ну, скажем, так: на смазывание рельсов, по которым катилось милосердие суда, то лучше не говорить этого вслух. Иначе Амнуэль будет вправе вновь назвать ее дурой.

- Между прочим, если быть на то пошло, - витиевато выразился в эту минуту адвокат, - я вам

хочу объяснить позицию Майи Михайловны. Да, конечно, тем вечером она стала не просто богатой, но весьма богатой вдовой. Но штука также и в том, что она – как вы. Она – как вы, понимаете? – повторил он с нажимом.

- Нет, – честно призналась Лида. – В чем она – как я?

- Да в отношениях с Майданским! – нетерпеливо воскликнул Марк Соломонович. – Неужели вы думаете, что были его единственной, так сказать, пассией... пардон, жертвой? У этого молодого человека и впрямь была патологическая страсть к девочкам-подросткам. И Майя тоже стала объектом этой патологической страсти. Она тогда училась в девятом классе, ей было пятнадцать, но выглядела она такой маленькой и худенькой, что ее можно было принять за двенадцатилетнюю девочку. Именно этот возраст и именно этот образ и вызывали у Майданского резкий прилив крови к гениталиям. Ну а тут он был после бурного возлияния, вдобавок летняя жара усугубила ситуацию. Случилось все это в дачном поселке Союза художников, куда Майданский приехал к своему приятелю, сыну известного в нашем городе художника. Поскольку он тут ни при чем и роли никакой в дальнейшей истории не играет, умолчим о нем. Отец Майи тоже был художником, тоже имел дачку в этом кооперативе, ну и, естественно, дочка проводила там каникулы. Майданский от нее просто свихнулся с первого взгляда. Может быть, это была даже любовь – только в очень своеобразном ее проявлении. Он выслеживал Майю целый день, а когда вечером увидел, что ее родители пошли в баньку на задворках участка, спокойно вошел в дом. Майя уже видела его вместе с тем приятелем, их соседом, восприняла его появление спокойно, впустила в дверь... Он прекрасно понимал, что девочка будет кричать, поэтому поднял на кухне люк в подвал, столкнул ее туда, сам спрыгнул следом и там, оглушенную, изнасиловал. После «освобождения» дурь у Майданского моментально прошла, он страшно испугался и кинулся бежать. Майя Михайловна рассказала мне, что потом он всю жизнь упрекал себя, что не убил ее в этом подвале. Тогда, дескать, никто ничего не узнал бы, и вся его жизнь прошла бы совершенно иначе. Она говорила, что жила с Майданским всегда с этим непреходящим ощущением страха смерти... Словом, Майданский убежал, а Майя осталась в подвале. Нашли ее родители – почти без сознания, в крови, сами понимаете. И она сразу назвала имя того, кто это сделал. Мать стала требовать, чтобы отец завел машину и поехал на станцию за милицией – в поселке, сами понимаете, никакой милиции не было. Отец послушался, с трудом удержав супругу от того, чтобы она прямо сейчас не побежала в соседний дом и не побила там окна. Сказал, что ни к чему поднимать шум и позорить девочку. А еще сказал, что надо немедленно провести освидетельствование у хорошего врача и только потом заявлять в милицию. Так, дескать, будет более убедительно. Он положил Майю на заднее сиденье машины и поехал в город. А надо сказать, что у Нефедова был хороший приятель-гинеколог, знаменитый в нашем городе человек: Бровман. Он и мой, кстати, приятель, он мою Зиночку наблюдал, когда она ходила беременная Арчибальдом. Я ведь тоже старый горьковчанин – старый, увы, в прямом смысле слова, – вздохнул Марк Соломонович и немножко повесил-таки свой крючковатый нос, но тут же вновь принялся рассказывать: – Бровман осмотрел девочку и написал по просьбе Нефедова...

- Погодите-ка, – перебила его Лида растерянно. – А Нефедов – он кто?

- Прелесть моя, – почти нежно сказал Амнуэль. – Если бы я даже верил в то, что вы и в самом деле кропаете детективы, вот сейчас верить перестал бы точно. Вы слабо улавливаете необходимые факты и не проследживаете причинно-следственные связи. Как это – кто такой Нефедов?! Да отец Майи, понятное дело. Она в девичестве Нефедова. Понятно теперь?

- Понятно, – рассеянно пробормотала Лида.

- А вот вопрос на засыпку! - вдруг оживился Марк Соломонович. - Нефедов - фамилия, отчество, так и быть, подскажу, - Кириллович, а зовут его как? Ну? Отгадайте! Его имя сегодня не один раз звучало!

Лида тяжело вздохнула:

- О господи! Ну, Михаил его зовут, подумаешь, нашли засыпку! Если Майя - Михайловна, то, значит, отца ее звали Михаил Нефедов.

- Браво! - восхитился Амнуэль. - Теперь вижу, вы еще не совсем потеряны для создания остросюжетных романов! У вас еще может быть счастливое будущее в этом жанре!

Лида кивнула, слабо улыбнувшись, только потому, что надо же как-то реагировать на искренние попытки хозяина ее развеселить. Мысли же, впрочем, были заняты совершенно другим. Она вдруг осознала, что уже слышала где-то это имя и фамилию - Майя Нефедова. Она откуда-то знала эту Майю... давным-давно, много лет назад. Вот только никак не вспомнить, когда и где они общались. Может быть, учились в одной школе? Вроде нет... Или в кружке занимались вместе? Нет! Майя занималась в другом кружке - но в том же Дворце пионеров, что и Лида. Майя ходила в хоровую студию. А помнила ее Лида потому, что хоровики иногда принимали участие в выступлениях фольклорной студии, где занималась Лида. И вдобавок ко всему Майя была соседкой Виталия Привалова, с которым Лида ходила вместе в студию, дружила, а потом влюбилась в него до того, что даже вышла за него замуж... но беспощадно бросила, как только поняла, за кого именно вышла. За подлеца и предателя! Ну а у Майи, значит, не нашлось сил покинуть Майданского... Но как, интересно знать, она вообще угодила за него замуж? Неужели встретились через много лет после того позорного случая и в Майданском взыграла совесть? Но как же Майя его простила?!

- Короче, Бровман написал нужное заключение, подтверждающее факт изнасилования, - вновь заговорил Марк Соломонович, - а потом Нефедов опять посадил дочку в машину и повез... Отгадайте, куда он ее повез?

- О господи! - вздохнула Лида. - Что, продолжаете проверять меня на профпригодность? Ну, куда мог повезти Майю Нефедов с медицинским заключением на руках? Видимо, в милицию. Куда еще?

- Садитесь, два! - разочарованно вздохнул Амнуэль. - Вы безнадежны, барышня. Нет, он повез дочку не в милицию, а... на улицу Минина, один. Знаете этот суперпрестижный домик советских времен, где жила вся партийно-обкомовско-облисполкомовская элита? Конечно, знаете! Его все знают. Вот и Нефедов отлично знал, что в этом доме жил господин... пардон, товарищ Майданский Петр Григорьевич. Конечно, это ведь происходило в 1985 году, тогда господа еще только в капстранах да на страницах романов проживали. Привез, значит, Нефедов дочку к папеньке обидчика-насильника-развратника-распутника и предъявил ее среди темной ноченьки вместе с бровмановским медицинским заключением. А потом продиктовал папаше-партайгеноссе ультиматум... - Амнуэль произнес это слово именно так - с ударением на последнем слог. - Вот сейчас во все корки бранят советские времена. А вообразите ситуацию, чтобы в наше время оскорбленный отец привез дочку к папаше насильника - по нынешним меркам, к крупному олигарху, назовем это так. Да ведь глупого Нефедова в наше время набежавшие телохранители живьем бы в землю закопали - вместе с дочкой! В землю, в бетон, под асфальт - не знаю куда! А Майданский их выслушал - и не просто выслушал, но и начал предлагать какие-то пути, как исправить дело. Деньги предлагал - большие деньги! Майя Михайловна рассказывала, она была в таком шоке, что никак не могла понять, о чем идет речь. Помнит, что разговор между pater'ами family был долгий, и в разгар его на пороге

появился сам Валерик Майданский. Видимо, наш любитель «клубнички» решил, что лучше оказаться подальше от места преступления. И угодил прямо на стрелку! Короче, к утру договор о намерениях был подписан. Нефедовы спускают дело на тормозах и в милицию не обращаются. Валерик остается безнаказанным, на свободе, карьера папы Майданского не рухнет под уклон. Но! Через два с половиной года, как только Майе исполняется восемнадцать, играют официальную свадьбу. Тайная регистрация производится завтра же: родная тетка Майи, сестра ее матери, работала заведующей загсом. До дня официального бракосочетания молодые живут отдельно, никто ничего не знает, все шито-крыто. В случае возникновения нежелательной беременности делается тайный аборт силами все того же Бровмана, которому должен оплатить работу папа Майданский. Лихо, правда? – воскликнул Марк Соломонович.

- Лихо, – ошеломленно повторила Лида.

- То-то! – погрозил пальцем адвокат. – Где вам, детективщицам, измыслить этакий поворот сюжета? Тут надо Островским быть, чтобы описать это, причем не Николаем Александровичем, а Александром Николаевичем Островским, да и то – Харита Игнатьевна Огудалова рядом с этим Нефедовым просто отдыхает! Кстати, – спросил Амнуэль как бы в скобках, – вам что-нибудь говорит набор этих имен? Вы Островских-то различить способны? А кто такая Огудалова – знаете?

- Не извольте беспокоиться, – от обиды чопорно проговорила Лида. – Я заканчивала филфак университета. Так что кое-что успела узнать о великой русской литературе. А также местами о зарубежной.

Амнуэль снова заржал с той же детской непосредственностью:

- Вот и славненько. Продолжать? Или сами домыслите развитие событий?

- Что ж тут домысливать? – пожалала плечами Лида. – Тут и домысливать нечего. Майя, конечно, забеременела, сделала аборт. После чего у нее не может быть детей. В назначенный срок Валерик на ней женился, и они прожили после этого несколько лет во взаимной ненависти. До тех пор, пока мой брат – на своей горе, а на Майино счастье – не поругался с Майданским в дверях оперного театра. Ин-тел-лиген-ция... По театрам ходят на свою голову! – с горечью протянула она. – Вот так и вышло, что Майя Майданская стала богатой вдовой.

- Bravo, барышня! – похлопал в ладоши Амнуэль. – Bravo. Все точно... хотя вы правы, тут и в самом деле не стоит напрягать мыслительные способности, ситуация изначально прогнозируемая. Правда, папе Нефедову все это большого счастья не принесло: во время официальной свадьбы дочери он был уже очень плох, а через месяц сгорел от рака легких. Мир праху его, он был уверен, что дочь должна благодарить доброго папеньку по гроб жизни!.. А кстати, о добрых папеньках. Не возник ли у вас один интересный вопрос: откуда у Валерика Майданского такие большие деньги?

- Да какая мне разница? – пожалала плечами Лида. – Макли какие-нибудь финансовые, грязные игры...

- И опять вы правы, – кивнул Амнуэль. – Только в эти игры играл не сам Валерик, а его папа, дослужившийся к тому времени до третьего секретаря обкома партии. И впрямь – роль секретаря по идеологии была написана просто-таки для него, потому что этот человек обладал совершенно незаурядным политическим чутьем. Уже тогда он почувствовал ветер перемен и понесся по этому ветру очень скоро. Помните такой персонаж нашей истории – Глеба Чужанина?

Первый демократический губернатор Нижегородчины?

- А то! - усмехнулась Лида. - Кто же его не помнит? Думаю, он нам всем навеки в память врезался. Потом в министры угодил по воле Первого Папаши. Эдакий политический попугай.

- Ну так вот: Майданский-пэр был одним из его столпов - нелегальных, понятное дело. И советами помогал, и финансами, и связями. Ну а когда Чужанин воссел на губернаторский трон, он сполна расплатился со своими «столпами». Тогда шла приватизация как ошалелая. Майданский-папаша получил нехилое количество акций Нефте - и Газпрома, а также автозавода, парочку бензоколонок в живеньких местечках, два дома на Большой Покровской улице, которые немедленно и очень выгодно сдал в аренду надежным и богатым людям, и вдобавок ко всему - место в правлении акционерной компании «Волжское пиво». И все это унаследовал от него Валерик - кроме места в правлении пивного заводика, потому что его папаша продал за очень нехилую сумму, когда почувал, что дни его сочтены и канцер, сиречь рак, скоро окончательно его сожрет. Однако Валерий получил от отца деньги за это тепленькое местечко! А надо сказать, что молодой Майданский при всей своей гнусности был далеко не дурак. Деньги он считать умел и делать их умел. Кстати! - превесело воскликнул вдруг Амнуэль. - Вы знаете, что это такое? - И он вытянул руку, сжатую в кулак, из которого торчали указательный и большой палец, сложенные в щепоть.

- Ну... наверное, перстное сложение староверов для того, чтобы осенить себя крестным знаменем, - нерешительно предположила Лида.

- Горе от ума! - сожалеючи посмотрел на нее Амнуэль. - Вот уж правда, что горе от ума! Это, - он повторил жест, - означает, что перед вами мертвый еврей! Потому что живой еврей делает вот так! - И он быстро-быстро зашевелил сложенными в щепоть пальцами. - Вот такими были оба Майданские, что пэр, что фис, [7] даром что были как бы русские. Но, - загадочно усмехнулся адвокат, - подозреваю, что Майя Михайловна тоже унаследовала деловую хватку своего собственного папеньки, творческого человека Нефедова, который когда-то пустил дочь в оборот, словно разменную монету. После смерти мужа она не стала соваться в дела, в которых ни черта не понимает, наняла толковых управляющих, а сама занялась тем, чем ей хочется заниматься: поет в собственном клубе, с новым мужем. Я его не знаю, но, говорят, очень талантливый музыкант.

- Не знаю, я его видела, но ни пения, ни игры не слышала, может, он и талантливый, только шибко молодой и какой-то забитый с виду, - пробормотала Лида, пытаясь уложить в голове ворох полученной информации. Да, вот это называется - метил в волка, а попал в медведя! Теперь она знает и о процессе, и обо всей этой истории не просто много - даже больше, чем нужно! Как бы осмыслить все это?! И все же... и все же так и нет ответа на два главных вопроса. Первый - прежний: почему Майю хватил припадок при виде Лиды? Если Майя была так уж признательна Сергею, вроде бы не с чего до удушья пугаться его сестры. Да и второй вопрос - тоже прежний: почему Сергей ушел из жизни в сопровождении этих щемящих и непонятных слов:

вернуться

7

Отец, сын (фр.).

Кружится снег - зима пришла опять,
Закат в крови - и жизнь к закату мчится.

Теперь настало время вспоминать
Тебя, моя прекрасная волчица!

Что, что, что значили они для него? Ведь он не мог слышать эту песню раньше: клуб открылся какой-то месяц назад. Нет... Сергей умер в феврале, а песня уже была записана на пленке. Ну, наверное, Майя ее исполнила где-то, и песня так поразила Сергея, что заменила ему друга, которого просят проводить тебя в последний путь.

Кстати, а не стучится ли Лида в запертые ворота? Возможно, песня просто нравилась Сергею – безотносительно к личности Майи Майданской. Очень может быть, что он даже и не знал, кто это поет.

Чушь, конечно. Точно так же можно ведь подумать, будто Майя испугалась, увидев Лиду, из-за того, что еще в те стародавние времена, во Дворце пионеров, они когда-то поссорились из-за чего-нибудь... ну, не знаю, места в раздевалке, что ли!

Вот именно что чушь. Остаются вопросы без ответов... И тут уж даже самый разговорчивый из адвокатов не поможет. Надо Лиде искать ответы самой... Или не искать вовсе?

Но и ответ на этот судьбоносный вопрос: искать или не искать?! – она должна дать себе сама.

Ошибка вышла! Ничего ей решать не пришлось. Оказывается, «ответ» в это время уже был в пути.

31 декабря 2002 года

- Ой, ты пришла? – Виталий так и замер на пороге кабинета.

- Ну да. Мы же договорились...

Майя растерялась. Очень уж странное у него было выражение лица. Такое ощущение, что Виталий ужасно испугался.

Глупости, конечно. Чего бы ему так пугаться?

А может, она не вовремя пришла? Ну и что?

Нет, это все игра дурацкого освещения. Как неприятно здесь все-таки, в рентгенкабинете. Окна завешены, свет тусклый – его дает какой-то матовый экран над столом. На экран прищиплены два рентгеновских снимка. Наверное, они имеют отношение вон к той бабушке, которая переминается около стола. Худенькая такая бабулька, в слишком большом для нее фланелевом больничном халате.

- Ой, ты извини, – словно бы спохватился Виталий, потирая лоб и отступая от двери. – Меня сегодня что-то затуркали. Сроду такой запарки перед Новым годом не было. С утра народ потоком идет. Проходи, Майя, садись вон там, в кресло. Я сейчас освобожусь и тебя посмотрю. Ты не одна?..

Это он Олега заметил.

- Познакомься, Виталик, это мой муж Олег. Ничего, что мы вместе?

- Да ради бога, - пожал плечами Виталий. - Только вам, наверное, лучше здесь, в коридоре, подождать?

Майя вздохнула с облегчением. Она хотела поехать к Виталию одна, потому что в глубине души все-таки побаивалась этого визита. Нет, не самого рентгена, конечно, а его результатов. Мало ли что может быть, в самом-то деле! Она ведь кашляет уже вторые сутки, а количество платков, которые надо прятать от Олега, значительно увеличилось. Словом, Майя предпочла бы выслушать приговор - любой! - одна. Но Олег уперся: поедem вместе. Таким упрямым и злым Майя его никогда не видела. Она даже испугалась немножко. И вдруг так захотелось встречать страшные вести не одной! Она прежде всегда была одна, всю жизнь, зачем же возвращаться к тому жуткому состоянию? Короче, она позволила Олегу поехать и проводить себя до кабинета, однако откровенно обрадовалась, когда Виталий велел ему остаться в коридоре. Все-таки первый приговор она выслушает сама. А Олег узнает только то, что Майя сочтет нужным ему сказать.

Впрочем, может, там и говорить-то нечего будет!

Что ж, вот и отлично, если так.

Насупленный Олег принял у Майи полушубок, уселся на подоконник:

- А это долго?

- Думаю, нет, - сказал Виталий. - А Впрочем, не знаю. Надо же будет еще врачу показаться.

- Ладно, я подожду.

Виталий пропустил Майю в кабинет, прикрыл дверь, вернулся к своему столу и снял снимки с экрана.

- Ну хорошо, Филина, - обернулся он к бабульке. - Фиброгастроскопию вы, как я понимаю, делали?

- Чего?! - вытаращила глаза бабулька.

- Ну, телевизор глотали? - терпеливо пояснил Виталий.

- Глотала, глотала, - закивала та.

- Вот и отлично. Тогда мы с вами закончили. Вот ваши снимки, по-моему, все у вас в порядке. Идите сейчас к вашему лечащему врачу и передайте ему мой совет выписать вас сегодня же!

Усталые бабулькины глаза вдруг стали лучистыми, как две свечечки:

- Ах, сыночек, милый! Вот счастье-то! Вот спасибо тебе!

- Ладно, не за что! - отмахнулся Виталий. - Идите себе с богом. Всего хорошего. С Новым годом!

- С Новым годом! - всплеснула руками бабулька. - И тебя, красавица!

Майя изобразила улыбку, про себя подумав, что у бабки явные проблемы с чувством юмора. Ничего себе - нашла красавицу. Да Майя уже второй день боится в зеркало смотреть. И килограмм косметики не помог.

Бабулька ушла.

Виталий заполнил какую-то форму, сделал запись в журнале и посмотрел на Майю:

- Как видишь, я не только легкие обследую. Вон, на желудок задействовали. Слава богу, у бабки все хорошо. А то знаешь, когда выносишь пару-тройку смертных приговоров в день – это не способствует душевному равновесию... – Он устало махнул рукой. – А впрочем, не будем о страшном. Ну вот. Твой час настал. Иди вон туда за штורочку и снимай – что там на тебе сверху? Пиджак, свитерок снимай и то, что под свитерком. Майка какая-нибудь внизу есть?

- Да, рубашечка, – уточнила Майя, которая этого слова – майка – по понятным причинам терпеть не могла. Есть такие слова – омонимы называются...

- Ну вот и оставайся только в своей рубашечке. Цепочка есть? Сними обязательно. И становись во-он туда. – Виталий махнул рукой в сторону громоздкого сооружения, которое возвышалось посреди кабинета.

Майя принялась раздеваться, складывая одежду на топчан, на котором лежал какой-то клеенчатый «передничек». Рассеянно подвинула его, чтобы не мешал, и мельком удивилась: «передничек» оказался тяжел, будто свинцом подбит. Виталий в это время стоял около пульта в углу кабинета, задавая команды своей технике.

Майя осталась в брюках и трикотажной рубашонке. Пошла к аппарату, но вспомнила, что забыла снять цепочку. Вернулась к топчану, сняла, положила на этот клеенчатый «передник» – чтобы не потерять, не забыть. Цепочка была очень простенькая, тоненькая, но Майя носила теперь только ее, ведь это был подарок Олега. Все цепи, вообще все украшения, что дарили ей раньше, без всякого сожаления отнесла в скупку. С прошлым покончено! Со всяким прошлым – и темным, и светлым. Хотя... было ли оно, светлое? Теперь кажется, что лишь отдельные лучики сквозь тьму пробивались, а это не в счет.

- Слушай, Виталик, а как эта штуkenция называется? – спросила, становясь внутрь аппарата.

- Электронно-оптический преобразователь, – пробормотал Виталий, отходя от пульта, надевая тяжелый темно-синий балахон (видимо, некое средство защиты, поняла Майя) и садясь напротив небольшого телевизора, стоявшего слева от Майи, но повернутого так, что она не могла видеть экран. – Он-то и показывает, как ведет себя человек изнутри. Усиливает слабый сигнал гамма-излучения, передает на телесистему – и, пожалуйста, я вижу всех вас насквозь. Встань, Маечка, чуть левей. Хорошо. Руки на пояс, плечи вперед. Не дыши...

Она замерла. Виталик что-то там делал с какими-то переключателями, глядя на экран телевизора.

В горло скребся кашель. Майя не выдержала и глубоко вздохнула.

- Я же сказал: не дышать! – раздраженно прикрикнул Виталий, но тотчас спохватился: – Извини, от дыхания резкость изображения сбивается. Ничего страшного. Болит горло, да? Прокашляйся как следует, а потом опять стань так, как стояла.

Вот уж здесь-то, конечно, никак не могло пахнуть полынью, между этими тяжелыми металлическими пластинами, где стояла Майя, однако она всем существом своим улавливала этот запах и чувствовала, как спазмы давят надорванное горло. Ее так и трясло от подступающего кашля.

- Ладно, подыши немножко, - разрешил Виталий.

Майя высунулась из-за пластины, сделала глубокий вдох. Почему-то стало еще хуже.

- Виталий, давай скорей, а? - прохрипела она. - Что-то мне как-то... - неопределенно покрутила руками у горла.

- погоди, сейчас закончим, - кивнул Привалов. - Только я врачу позвоню, ну, помнишь, я тебе говорил? Пстой еще минутку.

Набрал номер.

- Анна Васильевна? Привет, дорогая. Ты занята сейчас? Нет, ничего особенного, помнишь, я тебе говорил про мою знакомую с аллергией на полынь? Вот сейчас она как раз у меня. Может, зайдешь, помотришь на нее? Да я понимаю, что ты не аллерголог, но, по-моему, тут дело в связках, а скорее даже в легких. Я вот сейчас смотрю и вижу...

Тут Виталий оглянулся на Майю и, резко понизив голос, заговорил по-латыни.

Прорываясь сквозь вновь подступивший кашель, Майя пыталась уловить хоть слово, но ничего не понимала.

Ее затрясло от страха. Что такое? Что он там увидел у нее в груди?

Извернулась, пытаюсь посмотреть на экран, но там мельтешили какие-то полосы. А, ну понятно. Ведь, глядя на экран, она отворачивается от объектива. Значит, самой «увидеть себя насквозь» не удастся.

- Ладно, Аня, договоримся так, - снова перешел на нормальную, человеческую речь Виталий. - Я закончу осмотр, потом тебе еще раз позвоню, хорошо? Сможешь - зайдешь. Нет, ну почему бесполезно, не понимаю, я же не последняя инстанция! Тьфу!

Виталий швырнул трубку:

- Ну, народ пошел. Врачи, блин. Никто не хочет брать на себя никакой ответственности!

Майя покачнулась.

- Ответственности за что? - тихо, чуть слышно, чтобы не напрягать связки, спросила она.

- Да вообще ни за что! - сердито бросил Виталий. - Чтобы посмотреть человека, сказать ему...

Он осекся, словно спохватившись:

- Извини. Я тут что-то разболтался не по делу. Давай закончим осмотр, ладно? Встань боком.

Майя послушалась.

- Руки на голову подними...

Подняла.

- погоди, я сейчас на эту зону прибавлю...

Он отошел к пульту.

- Угу, угу, - бормотал Виталий, глядя на экран со странным выражением лица.

Майя косилась на него, стараясь не поворачивать головы, не качнуться, чтобы снова не сбить эту самую резкость.

Да что он там высмотрел? Почему молчит?!

- Повернись еще раз. Дыши. Глубже - р-раз! Еще раз! Пстой вот так. Ох ты, господи...

- Да что там такое?! - хрипло выдохнула Майя.

- Одевайся, - вместо ответа проговорил Виталий, выключив экран, и пошел к пульту.

Майю шатнуло.

Она кое-как протащила эти два метра до топчана и зашла в долго сдерживаемом кашле. Горло рвали железные когти, защипало глаза. А, понятно, от кашля выступили слезы, размыли косметику... Она убеждала себя, что слезы выступили именно от кашля, а не от страха, который так и скручивал ее изнутри судорогами посильнее аллергических.

Виталий, угрюмо сгорбившись, сидел за столом.

Молчал.

Начал снова набирать номер:

- Анну Васильевну можно? Что? А, уже домой ушла, ну, понятно...

Майя медленно одевалась - руки не слушались. Взяла с клеенчатого «передничка» цепочку, надела - и впервые это легкое, прохладное прикосновение не ободрило, не обрадовало.

Опять закашлялась.

- Виталий, да что же ты молчишь? - выдавила она наконец.

- Не знаю, что сказать, - так же сдавленно ответил он. - В принципе, ничего особенного, я просто хотел, чтобы еще и специалист посмотрел, может, я ошибаюсь...

- Ошибаешься - в чем? - чуть не вскрикнула Майя.

- Ты понимаешь... - Виталий наконец повернулся к ней, но в глаза не смотрел. - Мне показалось, что я вижу изменения в левом легком.

Майя схватилась за левый бок, в котором вдруг резко закололо. А может, это защемило от ужаса сердце - сейчас она слабо соображала.

- Изменения? Это как понимать? Чахотка, что ли?

- Что?.. - Виталий глянул ей в глаза, моргнул, отвел взгляд, начал барабанить пальцами по столу. - Нет, я думаю, это не туберкулез, хотя...

- А что? - перебила Майя. - Рак?

- Ну, зачем такие слова вообще говорить... - проямлил Виталий. - Я этого слова так прямо не сказал, верно? Тебе надо еще обследоваться, обязательно сделать послойное томографическое исследование.

- Что? - выдохнула Майя. - Томографию?.. Но ведь ее делают для определения онкологических заболеваний!

- С чего ты взяла? - пожал плечами Виталий, отворачиваясь к стопке бумаг.

- С того, что у меня отцу делали томографию, - тихо сказала Майя. - Отец мой как раз и умер от рака легких. Вот с чего я это взяла.

- Отец умер от... - Виталий резко повернулся к ней. - Так у тебя еще и наследственность соответствующая? Но какого же черта ты два года не делала флюорографию? Какого черта ты довела себя до такого состояния?

Майя тяжело села на топчан.

- Извини, - буркнул Виталий и снова начал набирать номер. Послушал безответные гудки, набрал другой. Раздраженно бросил трубку. - Да что такое, пьют они там уже все, что ли? Не рано ли начали? Ладно, Маечка, сегодня, я чувствую, ни от кого никакого толку не добьюсь. Но после праздников я тебе найду и отоларинголога путевого, чтобы связки посмотрели: у меня такое чувство, что на них тоже что-торосло, и легкие обследуем, как надо.

После праздника? Майя стиснула руки на коленях. Сегодня 31-е, потом два выходных. Интересно, как она переживет эти дни? Можно, конечно, прямо сейчас ринуться по другим больницам, в поликлинику «Семейный доктор», что ли... но сегодня же везде короткий день! А потом, им всяко нужен будет рентгеновский снимок. Это опять куда-то направят, опять стоять перед этим, как его... электронно-оптическим преобразователем! Кстати, а может быть, Виталий сделал снимок?

- Виталий, а если мне понадобится снимок, ты мне его дашь?

- Без проблем, - кивнул Привалов. - Только не сейчас, конечно, его же печатать надо, это долгая история. Это уже тоже после праздников, лады?

Ничего себе - лады... А впрочем, даже хорошо, что он не может отдать снимок прямо сейчас. Иначе Майя только и делала бы, что вглядывалась бы в него: что там, ну что там, в ее легких?! И Олег...

Олег! Она совсем забыла о нем! Как скрыть от него? О господи...

- Виталий, - начала она осторожно. - А ты не мог бы сказать Олегу, что у меня все в порядке?

Виталий поднял на нее глаза.

Ох, какой усталый, измученный взгляд! Трогательно, конечно, что он из-за Майи так переживает. Она даже и не подозревала, что Привалов такой чувствительный человек. Интересно, он вообще не умеет скрывать свои чувства, что ли? Так расстроился, что все выболтал ей. Честное слово, ей сейчас было бы легче смотреть в равнодушные глаза профессионала, который выносит приговор, не дрогнув ни единым мускулом. Или откровенно врет...

Хотя, говорят, теперь есть такой закон, который обязывает врачей открывать больному истинный диагноз, и если человек обречен, не морочить ему голову, а лепить в глаза правду-матку: вам, дескать, гражданин (-нка), осталось месяц или два, если очень повезет. Может быть, если больной (-ная) обратится к какой-нибудь нетрадиционной медицине, найдет каких-то экстрасенсов или колдунов, то останется жив?..

Может быть...

Но, наверное, даже колдунов удастся найти тоже только после праздника!

- Олегу сказать, что все в порядке? - повторил Виталий тупо. - Да, конечно, я скажу... Нет, погоди! А с чего ты вообще взяла, что у тебя что-то не в порядке? Я тебе посоветовал элементарно обследоваться, только и всего. И не бери ничего в голову, понятно?

- Понятно, - криво усмехнулась Майя, пытаясь застегнуть пиджак и оставляя все эти бессмысленные глупости.

Повернулась к двери, заставила ноги сделать шаг и другой.

Ну, теперь самое трудное. Посмотреть на человека, которого она любит больше всего на свете, - и солгать, глядя ему в глаза...

А, подумаешь! В первый раз, что ли? Ведь, если прикинуть, она никогда не говорила Олегу всей правды о себе.

И только в одном ни разу не кривила душой - когда клялась ему в любви. Когда уверяла его, что *так* не любила никого и никогда.

Никого и никогда!

23 мая 2002 года

Со времени визита к Амнуэлю прошло довольно много времени, а Лида никак не могла надумать, что делать дальше. Впрочем, думать было особо некогда - одолела работа: Саныч гнал «Деревеньку», как лошадь на скачках, зная, что в июне актеры разъедутся со своими театрами на гастроли, спешил записать как можно больше выпусков. Кроме того, донимали какие-то дурацкие бытовые дела: ЖЭУ отключило на двое суток воду во всем доме, предупредив жильцов об этом событии неразборчиво нацарапанным объявлением ровно через полдня после свершившегося факта отключения; прохудилась прокладка в кране в ванной; начала барахлить газовая колонка; вдруг, после проливного дождя, отстали обои на потолке в комнате... Лида отчего-то из-за таких мелочей всегда расстраивалась: отвыкла от них за годы спокойной в коммунальном отношении жизни во Франции... С тоской вспоминала она аккуратные, отпечатанные на компьютере и за неделю до отключения воды развешанные объявления в доме, где жила в Париже. Что характерно, предупреждать-то французские коммунальщики предупреждали, а воду отключать, как правило, не отключали! Здесь все было наоборот. Приходилось теперь сидеть дома, ожидая то газовика, то слесаря, они опаздывали, а то и вовсе не приходили. Особенно слесарь заморочил голову! То он болел, то болел его напарник, то в каком-то доме была аварийная ситуация... Лиду звуки капающей воды могли довести до белого каления, они проникали, чудилось, сквозь все запертые двери, а вид тряпки, привязанной на кран, чтобы капли не капали, а стекали (маленькие хитрости большой психопатки, как называла этот способ Лида), чуть не вызвал у нее истерический припадок.

Наконец слесарь пришел – одетый почему-то в телогрейку и ушанку, несмотря на изрядно теплую погоду. Ростом он был около полутора метров, а впрочем, не исключено, что и меньше; взгляд маленьких выцветших глазок был безжизненный, будто у снулой рыбы. Посиневшее лицо малость свернуто набок, словно его носителя только недавно достали из петли и еще не успели вполне оживить. Да и с телом у него были какие-то проблемы: чудилось, на уровне плеч в него был вколочен крест, потому что, желая повернуть голову, слесарь поворачивался всем корпусом, широко размахнув руки для устойчивости и сметая все вокруг на пол.

Мастер принес два огромных газовых ключа, которые почему-то не подошли к крану. Потребовал гаечные ключи, но их у Лиды не оказалось. Она вообще не понимала, о чем идет речь! Мастер решил, что она издевается над ним, обиделся и начал бранить нерадивых хозяек. Лида, кое-как прикрываясь платком от запаха перегара и из чувства такта делая вид, будто у нее насморк, попыталась убедить его, что она все-таки не слесарь, у нее не должно быть вообще никаких ключей, ни газовых, ни разводных, но мастер никак не хотел убеждаться и не верил ей. Особенно его удивлял довод, что она не слесарь. Но наконец-то он внял ее мольбам и ушел за ключами в мастерскую, оставив кран снятым, а воду перекрытой. Через два часа Лида забеспокоилась, через три ей это надоело, и она принялась названивать в домоуправление. Когда дошла до главного инженера, слесаря удалось вернуть – и даже с ключом. Правда, ключ опять же не подошел к резьбе или к чему-то там еще. После этого мастер сообщил, что сделать ничего не может, и потребовал пятьдесят рублей. Лида засмеялась. Слесарь обиделся и сказал со зловещей интонацией деревенского колдуна, накликающего порчу на неугодного:

- Ну и ладно. Кран у тебя течет – вот и пускай течет!

- А что, – с любопытством спросила Лида, – если я вам дам пятьдесят рублей, он перестанет течь?

- А всякое бывает, – загадочно сказал слесарь. – Железо – это дело такое... Дашь?

- Нет, – покачала головой Лида, вспомнив одного своего знакомого компьютерного мастера, который совершенно теми же словами отзывался о ее ноутбуке: «Железо – это дело такое...» – Почините кран – ради бога, заплачу, сколько скажете. А так – нет.

Слесарь не удостоил ее ответом, развернул свой незримый крест на сто восемьдесят градусов и вывалился из квартиры, сбросив по пути полку для обуви.

Кто сочтет этот рассказ литературной гиперболой, пусть вызовет слесаря из домоуправления. Тогда и поговорим!

Подбирая раскиданную обувь, Лида вспомнила, как однажды у нее в парижской квартире вдруг перестала работать колонка. Лида позвонила – отнюдь не в домоуправление, а хозяину, у которого снимала жилье, и тот сказал, что пришлет мастера. Пришел невыразимо красивый, высокий, просто обалденно галантный брюнет, напоминающий Д'Артаньяна как раз накануне его поступления в мушкетеры. Сверкая черными очами, моментально исправил колонку, оставил счет, рассыпался в улыбках и комплиментах и удалился. Спустя полчаса позвонил хозяин и спросил, приходил ли сон ноблес. [8] Лида засмеялась, оценив шутку, но хозяин сказал, что смеяться тут не над чем, ибо красавец-газовщик есть не кто иной, как потомственный аристократ, ле конт – иначе говоря, граф Элия де ля Буйери, владелец замка в Дижоне и обладатель прочного дохода со своих многочисленных виноградников, а в Париже он живет и занимается ремонтом газового оборудования, так сказать, из любви к искусству. У него большая ремонтная фирма, но иногда сон ноблес, мсье ле конт сам ходит по вызовам – тоже из любви к искусству.

А вот слесарь с крестом в спине искусство явно не любил!

Короче, все эти бытовые бедствия достали Лиду до такой степени, что начали даже по ночам ей сниться. К примеру, однажды она увидела сон, будто из стиральной машины вдруг вылилась в разгар стирки вся грязная вода, и Лида оказалась стоящей в этой воде по щиколотку. Она даже ощущала ее противную, мыльную теплоту!

Сон был препоганый, честно говоря. Видеть грязную воду и тем более стоять в ней – это точно к неприятностям. Лида даже проснулась от огорчения. Решила отнестись к предсказанию повнимательней, повернулась на другой бок и уснула... начисто, конечно, заслав предупреждение небес.

Этот день как раз был воскресным. По воскресеньям Лида обычно стирала. Не отступила она от этого правила и сегодня. Загрузила свою «Ардо» первой порцией белья, засыпала порошок, задала программу и пошла пылесосить ковры, которые надо было свернуть и убрать на лето.

Зайдя через час в ванную, она вдруг увидела на полу около машины маленькую лужицу. Откуда-то подтекало!

Лида мгновенно вспомнила сон и насторожилась. Первым делом проверила шланг. С ним все было в порядке. Подтекало явно из маленькой дверцы на корпусе машины. За этой дверцей находился фильтр, в котором оседал всякий стиральный мусор: оборвавшиеся нитки, комочки шерсти, всякое такое. Еще при покупке Лиде было строго наказано продавцами регулярно прочищать этот фильтр. То есть вытаскивать его и вытряхивать все, что там накопилось. Как правило, Лида месяцами забывала это делать, но ровно неделю назад на нее снизошло вдохновение – и она проверила фильтр, освободив его от всякой накопившейся дряни. То есть выражать свое недовольство протеканием фильтра не было никаких оснований. И все же он протекал... Объяснение могло быть только одно: в него снова набилась какая-то гадость. Значит, надо его проверить и еще раз прочистить.

Лида выключила машину: не лезть в прибор под током все-таки ума хватило! Потом отворила дверцу, повернула защелку фильтра и вытащила его наружу.

И... только теперь она узнала, что фильтр служил также затычкой, потому что в две секунды вся вода из стиральной машины вылилась, и Лида оказалась стоящей в ней чуть ли не по щиколотку – в мыльной, грязной, скользко-противно-тепловатой...

Вот и не верь после этого в вещие сны! Лида проворно выскочила из ванной, сбросила носки и тапочки, которые, увы, успели промокнуть, схватила ведро, тряпку и, босая, ринулась обратно: на прорыв, как строители-метростроевцы в кинофильме «Добровольцы». Только те закрывали своими телами и мешками с песком пробоину в стене тоннеля, а Лида принялась собирать воду, плюхая тряпку на пол и почти в ту же секунду отжимая ее в ведро.

вернуться

8

Его светлость (фр.).

При этом она, конечно, ругала себя за то, что не отнеслась с осторожностью к предостережению небес, ниспосланному ей в виде сновидения. С другой стороны, если бы не

этот дурацкий сон, она и не подумала бы встревожиться и не потянулась бы шаловливыми ручонками к проклятому фильтру! То есть сон не предотвратил несчастье, а, скорее, спровоцировал его. Ну не свинство ли это, уважаемые небеса?!

Время шло, она трудилась и трудилась, каждую минуту ожидая, что раздастся звонок в дверь и снизу прибежит сосед Ванька Швец, парень скандальный и занудный. Он был Дева по Зодиаку и мог любой женщине дать фору своим просто-таки патологическим пристрастием к чистоте. К Лиде Иван относился сугубо неприязненно: во-первых, она как-то раз «протекла» на Швеца, набирая воду в ванну и забыв выключить кран, а во-вторых, Ивану, исполнителю одной из главных ролей в «Деревеньке», как правило, не нравились сцены, в которых он должен был играть. Он требовал от сценариста переделки, но режиссер Саныч всегда брал сторону Лиды. Иван отчего-то ополчился из-за этого не на Саныча, а на Лиду и не упускал случая затеять с ней пусть мелкую, но свару. Можно себе представить, что будет, если вода успеет просочиться на Ванькин потолок! И Лида еще быстрее заработала тряпкой.

Но напрасно старалась – звонок раздался-таки. «Может, не открывать?» – с тоской подумала она. И тотчас сообразила, что звонят не в дверь – трезвонит телефон. Значит, Ванька поленился идти наверх. Ну что ж, телефон – это меньшее зло. Авось да удастся умаслить разъяренного Швеца. Посулить ему, к примеру, все-таки переписать эту последнюю сцену под названием «Встреча с водяным», которая ему так не нравится...

И Лида с тяжелым вздохом взяла трубку.

- Алло? – самым покаянным тоном произнесла она, ожидая услышать грубый и злой Ванькин голос.

Однако мужской голос, отозвавшийся ей, если и был грубым, то совсем не злым.

- Добрый день, – медленно, как бы с усилием выговаривая слова, произнес он. – Серегу позовите.

- Вы номером ошиблись, – ответила Лида и бухнула трубку на рычаг с невероятным облегчением оттого, что это звонил не Ванька.

Она ринулась в ванную, чтобы продолжить свой скорбный труд, но в эту минуту телефон зазвонил снова.

Вот елки! Неужели Ванька возбудился все-таки?!

- Алло!

- Девушка, Сергея покликайте, будьте добры! – произнес тот же голос.

- Я же вам говорю – вы номером ошиблись! Набирайте правильно, пожалуйста, – не без раздражения ответила Лида, положила трубку и только сделала шаг в ванную, как раздался новый звонок.

Ну вот теперь точно грозный Швец!

- Алло...

- Девушка, извините, я что, опять к вам попал? – неторопливо произнес все тот же мужской голос. – Что за прибабасы телефонные, не пойму! Я набираю... – И он назвал ее номер

телефона.

Лида вскинула брови. То есть незнакомец звонит правильно. Но какого Сергея он зовет к телефону?!

И вдруг ее словно кипятком обдало.

Как это – какого Сергея?! Да ее собственного брата, Сергея Погодина!

Бог ты мой, вот позор... Она и не поняла... Но все эти годы, что Лида прожила дома, а Сережа был в лагере, *никто*, ни один человек ни разу не позвал его к телефону. Почему же именно теперь, когда Сергей уже *никогда* не отзовется?!

До нее не сразу дошло, что над ухом раздаются короткие гудки, – тот человек положил трубку.

Лида с раскаянием опустила свою на рычаг. Нет, ну что же это такое?! Как она могла забыть о существовании собственного брата? Вот же парадоксы психики! Целыми днями только и занималась тем, что пыталась разобраться в его судьбе, а когда его позвали к телефону, вела себя, как круглая дура! Этот человек, совершенно ясно, не знает о смерти Сергея, может быть, даже об аресте его не знает. Может, это последний друг, оставшийся у ее брата? Может, скажи ему Лида о Сережиной гибели, незнакомец помянул бы его? Вдруг Сереже было бы это приятно – там, где он теперь? Наверняка приятно было бы! А что, если этот человек больше не позвонит?

Звонок! Слава богу!

Лида схватила трубку.

– Послушайте, извините, я просто сразу не поняла вас! – зачастила она. – Вам нужен кто?

– Мне нужна гражданка Погодина, – услышался угрюмый голос Ваньки Швеца. – Это она?

– Да, Ванечка... – проямлила Лида. – А это ты?

– Я, я, – мрачно успокоил Швец. – Знаешь, почему звоню?

– Нет, – быстро сказала Лида. – Насчет завтрашней сцены поговорить? Про русалку? Понимаешь, Ваня, я ее никак изменить не смогу, потому что Саныч дико обидится, это ведь его идея, чтобы тут основная роль была не твоя, а реплики разделили на всех рыбаков, он считает, что так забавней будет... – лепетала она.

– Да я все понял, Саныча мне не сдвинуть! – перебил Швец. – Ну ладно, я не про то. Слушай, у тебя что, опять в ванной потоп?

– Нет! – малодушно заявила Лида. – С чего ты взял?

– С того, что у меня потолок в ванной потемнел, вот с чего, – проинформировал Ванька. – Точнехонько в том самом месте, где ты на меня в прошлый раз протекла.

– Ванечка, ну сам посуди, – противным даже самой себе, заискивающим голосом сказала Лида. – Я сижу за компьютером, вода закрыта, стиральная машинка выключена... – Врать так врать! – Ну откуда там возьмется вода? Может, это из соседнего подъезда протекло? Помнишь, такое было уже в прошлом году.

- Ну, было, - нерешительно пробормотал Иван. - А точно у тебя не льется?

- Да нечему там литься! - со всей мыслимой и немислимой убедительностью воскликнула Лида. - Хочешь - приходи, проверь.

- Больно надо - ноги бить, - буркнул Иван. - Ладно, подожду: если будет еще сильнее протекать, пойду к тем, из другого подъезда, морду чистить.

- И правильно сделаешь! - горячо поддержала Лида. - Давно пора их приструнить! Ну, пока, желаю успеха, мне работать надо!

И быстренько положила трубку.

Полетела в ванную. Ой, ой... почти вся вода уже ушла вниз. Но надо хотя бы навести видимость полной суши, вдруг занудный Ванька все же придет проверять? Замаскировать поскорей все, что можно... Так, а белье недостиранное куда девать?!

Опять телефон! Что, Ванька уже сбегал во второй подъезд и теперь решил довести дело до логического завершения?

Может, не брать трубку? Пусть названивает. Нет, это глупо: не дождавшись ответа, он сразу поймет, что у Лиды рыльце в пушку, и тогда точно притащится.

Обреченно вздохнув, Лида взяла трубку:

- Да... слушаю!

- Девушка, Сергея позо... Мать так и так, да неужели я снова к вам попал?! Да что за номер заколдованный, туда его и сюда! Извините, наберу еще раз.

Тот человек! Это не Ванька, это тот, незнакомый человек! Ну и лексикон у него, кстати сказать...

- Нет, нет, подождите, не бросайте трубку! Вы правильно номер набираете, извините, я просто не сразу поняла, что вам нужен мой брат.

- Бра-ат? - радостно протянул голос. - А, понял. Еж твою сзади и спереди! Ты Лидочка, правда? Лидочка, которая жила аж в Париже? Мне Сережа про тебя рассказывал. Хорошая девочка Лида, он так тебя называл. Очень рад тебя слышать, очень. А я Григорий. Не говорил Серега про меня? Ну, как там у вас дела? Как Сережка, очухался хоть немного? Как его здоровье? Он дома?

- Нет, - тихо сказала Лида. - Его нет.

- Эх, жалость какая! А он когда вернется? Главное дело, у меня поезд через два часа, а так надо бы повидаться!

- Извините, Григорий, - с усилием выдавила Лида. - Сережа не вернется. Он... умер. Еще в феврале. Так что... вот.

Тишина в трубке длилась так долго, что Лида решила, что этот неизвестный Григорий от потрясения потерял дар речи.

- Алло? Вы слушаете? Григорий?

- Да, я здесь, - медленно отозвался тяжелый голос. - Как умер Серега? Что с ним было? Сердце не выдержало?

Лида сглотнула. Кто он, этот человек? Если она никому не сказала о самоубийстве брата, неужели скажет какому-то там Григорию? И все-таки наплести каких-то совсем уж баек не поворачивался язык.

- Сережа угорел, - пробормотала она. - Поехал в деревню, лег спать, а вьюшку закрыл слишком рано.

Григорий начал материться. Это было что-то жуткое - слушать эти слова, которые впервые в жизни не оскорбляли слух Лиды, а падали где-то рядом - словно комья земли на крышку гроба. Сережиного гроба. И она даже не сразу расслышала среди этого тяжелого, погребального грохота другие слова.

- Так, значит, она все же загрызла его, эта волчица... - в сердцах бросил Григорий. Лида ощутила, как ее сердце медленно пропустило один удар.

- Что? - тихо спросила она. - Что вы сказали? Кто его... загрыз?

- Не знаешь? - выдохнул Григорий. - Он тебе, значит, ничего не рассказал? Зря... Ну, видно, так решил. А мне вот что скажи. Как нам с тобой пересечься? Я деньги Сереже должен. Он когда *выходил* - оставил мне гроши на всякий пожарный. К счастью, они мне не понадобилось. Привез обратно. Раз его нет - тебе передам. Домой к тебе не поеду - незачем мне у тебя там светиться, народ пугать. Да и времени в обрез, мне еще надо к ментам, печать в бумажке шлепнуть. Вот что скажу: приезжай на вокзал через час. На Московский. Я уезжаю с барнаульским поездом. Будет время поговорить. Деньги заберешь, а я тебе еще кое-что расскажу. Не хотел говорить, а теперь, думаю, - надо! Ты ведь небось про своего брата мало что знаешь, коли спрашиваешь, какая волчица его загрызла? Приезжай, хорошая девочка Лида! Не пожалеешь... Жду тебя около справочного бюро. Все, отбой бараку!

И он положил трубку, а Лида еще какое-то время так и стояла, сжимая свою вспотевшими пальцами.

Отбой, барак... Мат, подобного которому она в жизни не слышала... Этот мужик был вместе с ее братом там, на зоне. Это о нем предупреждал Сережа, о нем говорил: «Деньги, которые ты посылала, - спасибо за них, большое спасибо! - они почти все целые остались, я их отдал там одному человеку. Он в мае должен выйти, обещал привезти. Он хороший парень, он мне там другом был. Если появится такой Гриша Черный, скажет, должок, мол, привез - ты его не бойся, значит, это он, ты с ним без опаски встреться».

Сережа, значит, уже тогда был убежден, что с Григорием не увидится. Он уже тогда решил это с собой сделать. А Лида не поняла, что-то прочиркала в ответ: мол, ты сам с Григорием с этим встретишься! А он уже знал, что не встретится никогда...

Ну что ж. Хоть и страшно, и больно, и жутко от этой вновь проснувшейся боли, хоть и не хочется видеть человека, который напомнит ей о том, *каким* вернулся домой Сережа, но не исполнить последнюю просьбу брата ей никак нельзя.

К тому же... эти слова о волчице! Что они значат? Имеют какую-то связь с песней? Имеют какое-то отношение к Майе Майданской?

Гадать бессмысленно. Надо просто поехать на вокзал. Но сначала... но сначала все же

вытереть пол в ванной!

Дело уже не в страхе перед Ванькиным гневом. Просто ничто так не ставит на место мысли и чувства, как простая, можно сказать, тупая и однообразная домашняя работа.

31 декабря 2002 года

- Олег, сядь за руль, хорошо? - тихо сказала Майя, когда они вышли из пятой больницы. - У меня почему-то сил нет.

- Маечка! - Олег резко остановился, вцепился в ее руки. - Да что он тебе сказал?!

- То же, что и тебе, - пожала она плечами, призвав на помощь все свои актерские таланты. - С легкими все в порядке, просто очень сильно ударило по связкам из-за этого обострения аллергии.

- Почему же ты на себя непохожая от него вышла? - допытывался Олег. - Ну? Почему?

- Господи, радость моя, ну ты что, не понимаешь? Мне было страшно. Очень страшно! Я как встала перед этим, как его там, электронно-оптическим излучателем, подумала: а вдруг что-то серьезное? Туберкулез или, не дай бог...

- Не дай бог! - торопливо перекрестился Олег. - Даже и говорить о таком не смей!

Голос его задрожал, прервался.

Майя метнула на мужа быстрый взгляд и тотчас опустила глаза.

Конечно, она ничего Олегу не скажет. Ни сейчас, ни потом, даже если подтвердятся подозрения Виталия.

«Если подтвердятся»? Ты что, думаешь, Виталий что-то преувеличил? Да нет, пожалуй, он чего-то недоговаривал...»

Неужели картина и в самом деле была так ужасна?!

Тем временем Олег открыл машину, помог сесть Майе, сам забрался за руль. Выехал на улицу Нестерова, развернулся. Подъезжая к Малой Печерской, спросил:

- Домой или в клуб?

- Домой, - кинула Майя. - С Анатолием я все сегодня обсудила. Новая программа составлена, ведущего он нашел - какой-то парень из ТЮЗа.

Олег слушал вполуха - был совершенно поглощен машиной. Водить он научился недавно и за рулем чувствовал себя не очень уверенно.

Майя исподтишка поглядывала на мужа.

Как бы то ни было, весь этот ужас ей придется переносить одной. Олег слишком впечатлителен, слишком чувствителен, да что там - слишком молод и слаб, чтобы послужить Майе надежной опорой. Не он будет утешать жену в последние минуты ее жизни - она его: «Не плачь, мой любимый, мой маленький, я с тобой...»

Нет, в том-то и беда, что Майи с ним больше не будет. Как же он останется один?!

«Да уж как-нибудь останется, – отозвался из глубины души тихий, чуточку насмешливый голос. – С твоими деньгами – вернее, с деньгами Майданского...»

Майя зажмурилась.

Вот уж действительно – словно проклятье на них какое-то, на этих деньгах. Никому не приносят счастья – ни тестю покойному, ни мужу, ни ей, которой достались они окровавленными. Сначала были забрызганы ее собственной кровью – девственной. Потом кровью Валерия, убитого Сергеем Погодиным. Потом...

Ладно, не стоит об этом!

Сейчас главное – поскорей попасть домой. Забраться в постель вместе с Олегом, прижаться к нему, оплести руками и ногами. Как это чудесно – засыпать в его объятиях и сквозь сон ощущать, что он и ночью держит ее, цепляется за нее своими горячими, живыми руками. Вот именно – держит, защищает от других рук, которые тянутся к ней из могил... Как это чудесно даже и сквозь сон чувствовать его губы на своих губах!

«А рак легких заразен или нет?» – спросил тот же тихий голос.

Не может быть! Нет у нее никакого рака. Наследственность?.. Чепуха все это. Наверняка Виталий все-таки ошибся. Он же сам сказал, что нужно сделать томографию. Значит, не был уверен в своих выводах.

А если не уверен, какого черта не сдержался? Почему вел себя так, словно уже стоит над гробом Майи и произносит прочувствованную речь? Только что слезы не утирал! Мог бы, кажется, дотумкать, каково будет ей услышать этот практически смертный приговор – да еще перед самым Новым годом. Где-то Майя читала, что главный принцип врача должен быть не столько – помоги, сколько – не навреди. А Виталик что сделал?! Вот именно что навредил. Ей и так-то было плохо из-за этой поганой полыни, а теперь вообще весь праздник отравлен.

Друг детства, называется! Да самый лютей враг не смог бы подгадать Майе более виртуозно, чем этот старинный приятель!

Как нарочно, главное...

Ерунда насчет нарочно, но все-таки... а может, это в Виталике говорила та самая профессиональная аморальность, о которой Майя читала в какой-то книге или статье – довольно давно читала, несколько лет назад. Профессиональная аморальность – это когда учителя ненавидят своих учеников и с наслаждением ставят им двойки, профессора ненавидят студентов и «заваливают» их на экзаменах, продавцы ненавидят покупателей и хамят им, работники ЖЭУ ненавидят жильцов и отравляют им существование как могут, ну а врачи ненавидят больных и ловят огромный кайф от их страданий. Это своего рода психоз...

«Ага, рыбак рыбака видит издалека! – сердито подумала Майя. – У меня у самой что-то вроде психопатической аллергии, вот я и вижу везде, кругом таких же свихнутых! Скоро мне вообще заговоры будут мерещиться. Враги кругами ходят...»

И нахмурилась, понимая, что шутка не удалась. Все это время она гнала от себя мысль о невероятном попадании в цель того неизвестного человека, который именно ей, никому иному, нечаянно пролил на шубу не что иное, а именно *полынное масло*. А если... а вдруг...

Она не знала, что - если, что - вдруг. И в очередной раз отмахнулась от страшных мыслей, взглянув на встревоженного Олега.

Впереди - новогодняя ночь. Их вторая новогодняя ночь. Уже вторая!

- Я тебя люблю, - прошептала тихо-тихо, одними губами: так она шептала ночью над ним, спящим. - Люблю. Люблю...

Отстранилась, когда он потянулся поцеловать.

- Пойдем домой. Пойдем скорее.

А скорее не получилось.

Подходя к подъезду, Майя увидела через стеклянную стену фигуру консьержки, уткнувшейся в книжку, да так и ахнула:

- Олежек, я совершенно забыла про Надежду Федоровну! Ее надо поздравить, она не переживет обиды, а я и не подумала зайти в магазин! Сбегай, а? Вон туда, через дорогу, в булочную. Купи коробочку «Рафаэлло», она их обожает. И розовый мартины. Запомни, не белый, а розовый! Только быстренько, ладно?

Олег кивнул и послушно кинулся к перекрестку.

Майя шагнула было к машине - пересидеть, подождать, - но в это время консьержка вскинула голову от книжки, взгляделась своими дальнозоркими глазами и радостно замахала Майе.

Вот зараза, увидела ее. Теперь шмыгнуть в «Пежо» будет невежливо. А, ладно, Олег максимум через десять минут прибежит, можно пока потрепаться с Наденькой, потянуть время.

Набрала код замка, повернула особый ключик, который был только у жильцов.

- Майя Михайловна, дорогая! С Новым годом наступающим! - Консьержка двинулась в Майе с распростертыми объятиями, обшарила взглядом протянутые к ней руки (пустые) и чуть заметно оттопырила губки - надулась. Но тут же преодолела себя. Может, чуяла, что еще не вечер, еще не все потеряно? - Желаю всего самого доброго, самого счастливого! Благополучия, преуспевания, любви! А главное - здоровья!

- Да, здоровье мне и в самом деле не повредит, - кивнула Майя. - Слышите, как я говорю? Простудилась, наверное.

- Ой, а как же вы будете петь? - сделала большие глаза консьержка. - У вас же, наверное, сегодня программа?

- Программа пройдет без меня, - с самым счастливым видом сообщила Майя. - А мы с Олегом посидим дома. Может, кого-нибудь из друзей позовем, так что, если нас будут спрашивать, вы открывайте, хорошо?

- Конечно! - кивнула консьержка. - Кстати, а вас нашла та женщина?

- Какая? - рассеянно спросила Майя, косясь на окно, не бежит ли от магазина Олег со спасительными «рафаэлками» и бутылочкой.

- Ну, приятельница ваша, которая вас позавчера искала. Ой, у нее такой обаятельный муж,

такой деликатный! Сама-то она... - Консьержка многозначительно подняла брови. - Извините, я, конечно, не должна так говорить о вашей знакомой, но просто удивительно, что вы, женщина такая интеллигентная, тонкая, элегантная, общаетесь с такой особой. Она была пьяная - вы просто не представляете, до какой степени. С трудом брела. Одетая... - Надежда Федоровна с ужасом закатила глаза. - Шуба, конечно, норковая, ничего не скажу, но такое ощущение, что с чужого плеча. Болталась на ней, как на вешалке. В сапогах, вот таких же остроносеньких, модненьких, как у вас, на таком же высоконоском каблучке, она еле передвигалась. Косметики столько, что просто удивительно, как она могла моргать и рот открывать. Как будто проказу скрывала, до такой степени наштукатурилась. Прическа вообще жуть, будто ей соперница космы выдирает. Конечно, это можно понять, если рядом такой мужчина...

Надежда Федоровна опять закатила глаза - на сей раз с неподдельным восторгом.

- Что же за мужчина такой у нее был? - засмеялась Майя, мысленно перебирая всех своих приятельниц - кстати, очень немногочисленных. Такая уродина, какую описывает Надежда, - и при потрясающем мужике? Что-то не припоминается.

Да где там Олег? Неужели в магазине очередь?

- Ой, знаете, он был такой... такой... - продолжала причитать Надежда. - Очень элегантный, в такой красивой черной куртке, и интеллигентный, это сразу видно. И при этом краса-авец... ну прямо Керк Дуглас.

- Майкл Дуглас, - поправила Майя.

- Нет, Майкл - он какой-то слишком сладкий, приторный, - уточнила Надежда, и Майя уткнулась в меховой воротник, пряча улыбку: слова о приторности из уст любительницы «Рафаэлло» в сочетании с розовым мартини звучали, мягко говоря, фарисейски. - Я имею в виду его отца, который играл в «Спартаке».

- Футболист, что ли? - хихикнула Майя.

- Да в фильме «Спартак»! - воскликнула доверчивая Надежда Федоровна. - Смотрели такой фильм?

Майя пожала плечами:

- Что-то не помню.

- Ну, Керк Дуглас еще в «Викингах» играл, - нетерпеливо напомнила Надежда. - А еще знаете, на кого тот симпатичный мужчина был похож? На Андрюшу, ну, на парня из вашего клуба, который за вами иногда приезжает! Только Андрюша - он, конечно, красавец, ничего не скажешь, но видно, что простоват. А этот мужчина хоть и постарше, но все-таки очень красивый, насквозь интеллигентный, деликатный такой, волосы назад зачесаны... очень эффектный, очень!

Майя снова пожала плечами. Ни у одной из ее подруг не было мужа скандинавского типа. Да, Надежда права - охранник, а по совместительству шофер Андрюшка и впрямь настоящий викинг.

- Надежда Федоровна, а вы ничего не путаете? - спросила она, с радостью замечая, что на крыльце магазина на противоположной стороне улицы появилась знакомая фигура. Слава

богу! Сейчас Олег освободит ее от этой трепушки! – Они точно ко мне приезжали? Вы не путаете?

– Совершенно точно! И именно позавчера, 29 декабря. Я им говорю, вас нет, но эта дама никак не могла угомониться. Мы с джентльменом немножко посидели, поговорили, а она не поленилась же – поднялась к вашей двери, постучала, покричала: «Майя, к тебе Женька приехала!» Потом спустилась... Ой, Олег Игоревич, с Новым годом, с Новым годом!

Олег, румяный с мороза, держа в охапке литровую бутылку «Мартини росс» и белую коробочку «Рафаэлло», ввалился в дверь, предупредительно распахнутую консержкой, и ринулся к ней:

– С Новым годом, Надежда Федоровна, поздравляю вас!

Облобызались, получили в качестве ответного подарка от Надежды два кухонных передника, мужской и женский, сшитые ее собственными руками (очень миленькие, кстати сказать, переднички, и вещь, безусловно, в хозяйстве необходимая!), и двинулись наверх.

Пока Олег открывал замки, Майя прикрыла рот и нос душистым меховым воротником и, чуть только дверь открылась, пробежала через весь коридор в спальню – не раздеваясь и не разуываясь.

Наконец осторожно отняла от лица воротник. Мерзкий полынный дух, конечно, достает и здесь, но все-таки не так сильно, как в прихожей. Причем даже на лестничной площадке этот запах чувствуется. Полное ощущение, будто кто-то облил дверь тем же самым полынным маслом, которое выплеснул на Майину шубку тогда, на Покровке.

Она нахмурилась, против воли вспомнив эту сцену.

Вот мохнатый «Санта-Клаус» с коробкой на спине чешет почем зря, догоняя рыжего бездомного бродягу. Вот девочка – Лидочка! – просит маму взять собачку домой. При звуке этого имени Майя вздрагивает, шарахается в сторону, наступает на ногу высокому парню, чье лицо почему-то кажется ей знакомым... И тут же на нее обрушивается лавина полынного запаха, отшибающего разум.

Между прочим, волосы у того парня были зачесаны назад. Совершенно как у этого «джентльмена», поразившего воображение бедненькой Надежды Федоровны.

А кстати, понятно, почему лицо его показалось знакомым. Он тоже был чем-то похож на Андрея...

Тоже похож? И тоже зачесаны назад волосы? И тоже в черной куртке?

Тоже?.. Или это *тот же* самый человек?

Муж какой-то там Женьки...

Забавно. Среди Майиных подруг нет ни одной, которая носила бы это имя. Как-то так вышло... Но, может быть, как раз поэтому Майя и обратила на имя внимание. Дело в том, что еще в апреле – или в марте? Нет, все-таки в апреле! – в «Красной волчице» праздновали какой-то свой юбилейчик девушки из компании «Мэри Кей». Майя пела для них и вдруг... вдруг увидела за одним из столиков некое лицо из своего прошлого. Причем из очень далекого прошлого! И очень страшного – настолько страшного, что у нее начался приступ кашля, словно от запаха

полыни. Чистый психоз, конечно. Но психоз объяснимый. Ведь эта девушка была Лида, сестра Сергея Погодина.

Майя слышала, что Лида вернулась из-за границы, когда узнала, что брат убил Майданского и теперь сидит. В принципе, они могли столкнуться на улице, в магазинах, в театре – *в театре!* – вообще где угодно: Нижний Новгород, по сути, всего лишь большая деревня, особенно его верхняя часть, в которой жили и Лида и Майя. Да и в том, что она оказалась в тот вечер в «Красной волчице», не было, строго говоря, ничего особенного. Ну, подумаешь, работает девушка в «Мэри Кей»... Однако потом Майя сообразила, что этого быть не могло: Лида сидела за отдельным столиком, чуть в стороне от прочих барышень. Значит, она пришла не с компанией, а сама по себе.

Да и в этом тоже не было ничего особенного, тем более пугающего! И все же Майя не могла отделаться от смутного страха. Успокаивая себя, даже подумала: а вдруг ей почудилось? Спросила у администратора: кто заказывал тот столик и то место? «Евгения Поливанова», – был ответ.

Майя озадачилась. Это была Лида, Лида! Но почему она назвалась Евгенией Поливановой?

Ответ мог быть один: пришла посмотреть на Майю. И нарочно назвалась этой самой Евгенией.

Впрочем, был и другой вариант ответа: это была именно некая Евгения Поливанова, которая очень, ну очень, просто до тошноты походила на Лидию Погодину.

Постепенно Майя убедила себя в этом, постепенно изгнала из памяти образ сестры Сергея. Но образ этот волей-неволей воскрес два дня назад на Покровке, просто оттого, что какую-то незнакомую девочку звали Лидочкой, а сегодня, при упоминании о какой-то Женьке, возник снова.

Конечно, Лида выглядит совершенно иначе, чем безумная Женька, описанная Надеждой Федоровной столь карикатурно, но... Но это неумеренное количество косметики, шуба явно с чужого плеча, вызывающее поведение... А что, если это маскарад?

Глупости, наверное.

Глупости? А красавчик с зачесанными назад волосами, немного похожий на Андрея? Он возник рядом с Майей на Покровке – и ее шуба оказалась облита полынным маслом. Он возник в ее доме – и в квартире прочно поселился губительный запах полыни. А что красавчик при этом оставался внизу, так ведь его спутница поднималась вверх. Он заговаривал зубы падкой на интеллигентных мужчин консержке, а в это время Женька... вернее, загримированная Лида...

Что делала? Поливала полынным маслом дверь?

Майя сбросила шубку, сапоги прямо на ковер и прилегла с краешку кровати.

Бред. Паранойя. Мания преследования. Полынный психоз усугубляется!

Наслушалась сегодня ужасов от Виталика, вот и... От Виталика?.. А Виталик, между прочим, бывший муж той же Лиды Погодиной.

Ну и что? Они разошлись так давно, что, наверное, совершенно забыли, как кто выглядит. Смешно и предполагать...

Смешно предполагать - что? Что Виталий позвонил Майе по просьбе Лиды? И выманил ее к себе на рентген?

Бредятина какая-то.

Просто вспомнил вдруг о старинной подружке, встревожился за ее здоровье...

Правда что - вдруг. Через столько лет! И очень кстати, надо сказать, вспомнил. Именно в тот день, когда она заходила в кашле. Словно знал заранее о ее внезапно возникшей аллергии.

От кого знал?..

Суший детектив. Триллер! Зачем бы Виталию заманивать Майю в свой кабинет, зачем страшить ее всякой жутью?

Вопрос, кстати, не праздный: врал он или говорил правду?

А если у нее нет никакого «изменения в левом легком»? Тогда, получается, Виталик решил ее просто напугать до полусмерти? Отравить ей Новый год?

Очень глупо, между прочим. Очень глупо! Чего ради?!

Ну, подергается она день-два, даже три, но после праздников явно ринется на эту самую томографию, и с врачом-специалистом встретится, и даже повторный рентген сделает...

Рентген!

Майя резко села.

Сколько она простояла там, под прицелом этого самого «преобразователя»? Беззащитная... в полном смысле слова. А Виталий в это время был облачен в какой-то защитный балахон, явно утяжеленный свинцом. Утяжеленный...

А ведь тот «передничек», лежавший на топчане, тоже был тяжелый, словно свинцовый. Наверняка это тоже было средство защиты - только не для врача, а для пациента.

Точно! Теперь Майя вспомнила: когда-то давно ей делали снимок сломанной ключицы, и рентгенолог заставил ее надеть вот такой же «передничек» - он называл его «юбочкой»! - на область, как он выразился, гениталий. Майя была тогда совсем девчонка, и ей было жутко стыдно этого слова.

Виталий не предложил ей надеть «юбочку».

Почему? Забыл?

Профессионалы о таких вещах не забывают.

Что он там делал, щелкая тумблерами около пульта? Почему оставил Майю внутри аппарата так надолго?

Страх стиснул сердце - не продохнуть! Вспомнилась жуткая история, приключившаяся в больнице Семашко: несколько больных и сам рентгенолог оказались жестоко облучены, потому что кто-то (кто? зачем?) снял в аппарате все изолирующие фильтры, и пресловутое гамма-излучение так и перло во все стороны, поражая всех подряд.

А если...

Нет. Не может быть! Виталий не способен... Лида тоже...

Почему?

Слишком утонченно для них? Слишком коварно?

Пора перестать считать других людей глупее себя. Пора начать судить людей по себе!

Для тебя ведь ничто не было *слишком*!

А как напуган, как неуверен в себе был Виталий... Кто же его так напугал? Лида или...

Майя закрыла глаза, и совпадения, которые только что казались невозможными и непостижимыми, выстроились в пугающе стройный и логичный ряд.

Парень, похожий на Андрея. Евгения Поливанова с лицом Лиды и какая-то загримированная Женька, которая бесконтрольно поднимается на второй этаж, подходит к двери Майиной квартиры, и... И – полынь, полынь. И Виталий! Чем-то напуганный Виталий, вдруг выпавший из колоды долгих лет забвения, словно крапленая карта из рукава шулера!

Майя свесилась с кровати, достала из кармана куртки телефон. Набрала номер.

- Андрей? Слушай, это я... Да, привет, не перебивай, слушай! Пойди прямо сейчас...

Она едва успела договорить и сунуть мобильник снова в карман, как в комнату вошел Олег.

- Маечка, ты что тут затихла? - Он с тревогой поглядел на нее. - Что, опять худо стало?

- Нет, ничего, - прошептала Майя. - Иди ко мне. Давай полежим, немножко отдохнем, чтобы ночью спать не хотелось.

- Давай отдохнем, - кивнул Олег, который вообще очень любил поспать днем. - Тогда раздевайся?

Майя посмотрела на него снизу вверх:

- Лучше ты меня раздень...

23 мая 2002 года

Через дорогу от Лидино дома, на любимой улице Дунаева, одной из тех, на которой еще оставались старинные, купеческо-мещанские домишки, за заборами в палисадниках цвела, как ошалелая, сирень. И как-то так дружно ударило майское тепло, что и сирень распустилась чуть не вся одновременно, не чередуя сортов, а враз обрушив на землю разноцветное цветенье: и бледно-сиреневое, и лиловое, и тускло-красное, и белоснежное, воистину бурное кипенье своей благоухающей, тревожной, загадочной красоты.

Лида, которая после телефонного звонка этого Григория никак не могла успокоиться, нарочно пошла на маршрутку не на площадь Свободы, вернулась к оперному театру, чтобы пройти старыми улочками, надышаться сиреневым запахом. От этого сладкого дурмана сердце заколотилось быстро-быстро, так, что иногда удушье подкатывало к горлу.

«Вот те раз, – с мрачной усмешкой подумала Лида, – хоть бы не сделаться аллергиком на сирень, подобно Майе Майданской, которая задыхается от полынного духа».

Вдобавок в маршрутке почему-то как минимум трое пассажиров держали в руках охапки сирени, наломанной в каких-то садах, а может, и вовсе на заповедном Щелковском хуторе, и это сочетание аромата цветов, запаха бензина и теплого ветра, врывавшегося в растворенные окна и лохматившего волосы, привело Лиду в удивительное состояние. Она была сейчас готова ко всему. На душу снизошло какое-то странное, почти наркотическое спокойствие. Так бывает, когда мы заранее ждем удара от судьбы и готовимся к этому, собираемся с силами, чтобы встретить его во всеоружии, укрепляем дух, чтобы не упасть, даже если окажемся ранеными в самое сердце. Она знала, что получит рану, чувствовала это... но даже отдаленно не могла вообразить, что же это будет!

Лида до такой степени накрутила себя ожиданием, что у нее даже ноги ослабли, когда она увидела, что около справочного бюро никого нет. В этот час в здании вокзала вообще было пусто: собираться на три основных поезда, уходящих в Москву один за другим, пассажирам было еще рано, поэтому в залах ожидания почти не оказалось народу. В очередях к кассам дальнего следования стояли отчего-то все женщины с детьми да солдатики в форме. Пассажиры пригородных поездов брали билеты и кучковались в другом крыле, поэтому Лида не боялась проглядеть Григория, если он появится. Пройдясь несколько раз по небольшому кассовому залу и даже поднявшись на всякий случай на второй этаж (а вдруг Григорию вздумалось прогуляться по магазинчикам?), она снова спустилась, вышла в главный зал и стала под знаменитой вокзальной люстрой, напоминающей огромный опрокинутый цветок.

Стала она так, чтобы видеть и вход в вокзал, и двери, через которые можно было пройти к справочному бюро. Теперь Григорий никак не мог пройти мимо нее – разве только если бы надумал избежать встречи, которую сам же назначил. И вдруг Лида – малодушно, конечно, но от всей души! – пожелала, чтобы так оно и произошло. Черт с ними, с деньгами, которые Григорий должен Сергею. Пусть заберет их с собой, пусть они принесут ему пользу и помогут продержаться после тюрьмы. Наверное, это будет только справедливо. Ведь не зря же Сережа оставил деньги Григорию. Может быть, сейчас просто повернуться и уйти отсюда? Придет Григорий или нет, через некоторое время он уедет на своем барнаульском поезде и навсегда исчезнет из жизни Лиды – вместе с воспоминаниями, которые пробудил в ней, вместе с тревогами, которые принес, и вместе с тайной, которую собирался открыть.

Боже мой, боже мой, да что за страх сжимает сердце? Откуда он взялся? Почему, ну кто может объяснить, почему Лида сейчас все отдала бы за то, чтобы повернуть время вспять, чтобы никогда в жизни не видеть мертвое, спокойное лицо брата, не слышать хрипловатый, щемящий голос в «ракушках» плеера:

И лебеди летели на восход,
И клекот ястребиный в небе таял,
И мчался по реке последний лед —
И я увел тебя из волчьей стаи...

– Это ты – Лида, сестра Сереги? – вдруг раздался за ее спиной тихий голос, который она сразу узнала.

Лида повернулась и какое-то мгновение тупо смотрела в пустоту на уровне своего роста. Потом опустила взгляд и так же тупо уставилась на человека ростом метра полтора, не выше, который смотрел на нее снизу вверх. Сначала почудилось, что она видит перед собой трижды

плохо помянутого сантехника из своего ЖЭУ, однако у этого человека были прищуренные, острые и живые глаза совершенно необыкновенного ярко-зеленого цвета. И взгляд их ничем не напоминал взор снулой рыбы, которым напугал Лиду сантехник. Над глазами жили, чудилось, своей отдельной, очень интенсивной жизнью серые – соль с перцем, полуседые – брови. А взглядевшись в лицо Григория, Лида поняла смысл расхожего выражения: «Изборождено морщинами». Оно и впрямь было покрыто глубокими бороздами и больше напоминало не лицо человека, а морду неизвестного зверька – может, обезьяны, может, лемура какого-нибудь, бог его разберет, однако зверек этот был очень умным, хитрым и... и опасным.

– Хорошая ты девка, – спокойно сказал Григорий, стаскивая кепку и отвешивая Лиде поясной поклон. Голова у него оказалась обритой наголо, но щетинка была тоже седая. – Красивая... Вся в точности как Серега говорил. Вот деньги, возьми. – Он подал Лиде растрепанный газетный сверток, а когда она испуганно спрятала руки за спину, прошипел сердито: – Бери, кому говорят! А то вон, видишь, ангелы-хранители мои в обе дырки смотрят?

Лида повернулась и увидела двух омонцовцев и двух милиционеров, которые исподлобья наблюдали за ней и Григорием.

– Они у меня уже проверили документы, там, на крыльце, – пояснил тот. – Справка-то в порядке, со свеженькой печатью, но, сама понимаешь, они таких, как я, не больно-то жалуют. Придраться не к чему, но, как увидели эти тыщонки в газетке, чуть душу не вынули. Только тем и отговорился, что это должок, который я должен передать сестричке старого дружка. Святое дело! Не знаю, поверили, нет... вряд ли. Но деньги не отобрали, зато пришли на тебя посмотреть. У тебя в случае чего справка об осво... тьфу ты, у тебя какой-нибудь документ нормальный есть, если проверят?

Лида покачала головой.

Григорий вздохнул:

– Как же можно без документа за пределы лаге... тьфу ты, за пределы дома выходить? Да ладно, отовремся, если что. Выглядишь ты как надо, авось на слово поверят. Денежки-то возьми да приberi.

Лида торопливо схватила сверток и затолкала в сумку. Обрывки газеты упали на пол, и она стала нервно отталкивать их ногой, словно это были какие-то пакостные насекомые.

Григорий с интересом смотрел на носок ее туфельки. Сама туфелька была черная, а носок – беленький, в дырочку.

– Придумают же чего, а? – пробормотал он с восхищением. – Небошь настоящая кожа?

– Ну да, – растерянно кивнула Лида.

– Дорого стоят?

– Тысячу двести...

– Ну, это по деньгам, – успокоенно кивнул Григорий. – Приеду, женюсь – есть у меня одна, по переписке познакомились, в Барнауле живет, – а на свадьбу ей такие же туфельки куплю. Трудно достать?

– Нет, вряд ли, – пожала плечами Лида. – По-моему, сейчас белвестовские туфли кругом

продаются.

- Какие, говоришь? - Проворные брови Григория взлетели на морщинистый лоб. - Это что ж за страна такая их делает?

- Белоруссия, - пояснила Лида. - Фирма называется «Белвест». Отличная у них обувь и недорогая. И носится хорошо.

- «Белвест», «Белвест», - повторил Григорий и стукнул кулаком по ладони. - Все, запомнил, считай, вколочено!

«Уважаемые пассажиры! Скорый поезд номер сорок пять сообщением Москва - Барнаул прибывает к первой платформе. Стоянка поезда десять минут. Выход на платформу через зал ожидания. Dear passengers!..»

- Ишь ты! - восхитился Григорий. - Никак, по-английски говорит? Все как у людей стало. Слушай, что же мы тут лясы точим стоим, а? Я ж тебе сказать хотел... А ну, отойдем вон туда, где цветы продают. Оттуда через окошко видно будет, как поезд подойдет. Ты пока прочитаешь тут одну бумагу.

Он подхватил с полу потертый вещмешок и вразвалку двинулся к прилавку с цветами.

Лида пошла следом, чувствуя спиной пристальные взгляды «ангелов-хранителей». У нее стало спокойнее на душе, когда она поняла, что за каждым движением этого странного существа, с которым ей пришлось встретиться, следят люди, которые, случись что, немедленно придут на помощь. Хотя, если честно, никакой опасности, исходящей от Григория, она уже не ощущала. Только тревога по-прежнему теснила душу.

- Короче, так, - Григорий сунул руку в карман куртки. - Читай вот это. Потом скажешь, чего думаешь.

Лида развернула невероятно засаленный и потертый листок и вгляделась в изящный, удлиненный почерк - женский почерк!

Здравствуйте, Сергей Николаевич. Возможно, Вы удивитесь, получив это письмо и взглянув на подпись, однако к Вам обращаюсь именно я, Майя Майданская. Наверное, Вам странно и даже страшно слышать это имя, которое для Вас связано с одной из самых тяжелых страниц Вашей жизни. Да и мне долгое время казалось, что я не смогу спокойно слышать Ваше имя. Оно и самый Ваш образ сопрягались в моей памяти с самыми мучительными событиями моей жизни. Не могу без содрогания вспоминать тот майский вечер, и суд, и то, как сжалось мое сердце, когда я увидела Вас за решеткой - Вас, убийцу моего мужа. Я даже сознание потеряла тогда от ужаса. Но так уж произошло, такая судьба у нас с Вами, что однажды пересеклись наши дороги - пересеклись, да и разошлись, оставив у нас в душах ощущение трагическое и болезненное.

Но вот теперь, по прошествии нескольких лет, я вдруг ощутила, что мои прежние чувства к Вам совершенно изменились. Я испытываю к Вам отнюдь не ненависть, не злобу или какое-то другое острое чувство. Я наконец-то поняла, что освободилась от ежедневных, ежечасных мыслей о Вас. Я обрела свободу от своего прошлого. Как же это странно, что Вы, человек, из-за которого я испытала столько тягостных минут, столько горя, - что Вы в то же время явились причиной самого счастливого и радостного события в моей жизни!

Я была убеждена, что после смерти мужа должна похоронить себя, поставить крест на личном счастье. На долгие годы, может быть, даже навсегда. Но так уж вышло, что судьба вдоволь насладилась моими страданиями и послала мне невероятное утешение, о котором я не смела даже и мечтать. Я встретила человека, которого полюбила с первого взгляда. Он полная противоположность моему покойному мужу, да и вообще всем моим прежним знакомым. Он совершенно другой человек, чем те, кого я когда-либо знала. Скажу Вам правду – я даже и представить не могла, что на свете существуют подобные люди. Встреча с ним стала для меня судьбоносной и перечеркнула все мои прежние планы, абсолютно все!

Короче говоря, я полюбила. Теперь мне кажется, что полюбила я впервые в жизни, что никогда раньше я не испытывала чувства такой остроты, силы, настолько всепоглощающего и всепобеждающего. Конечно, в моей жизни были и другие мужчины, однако теперь я с облегчением закрываю глаза на все страницы моего прошлого. Я чувствую себя как бы заново родившейся, обновленной и, повторю, совершенно свободной.

Вас, конечно, удивляет, с чего это вдруг я стала рассказывать Вам о своей личной жизни? Но дело в том, Сергей Николаевич, что я наконец-то простила Вас за то, что вы сделали со мной и моей жизнью. Не могу перестать удивляться, что Вам, именно Вам я обязана величайшим счастьем моей жизни! Поэтому и я решила сообщить, что теперь совершенно свободна от Вас и от своего прошлого. Я благодарна Вам за все, что случилось со мной по Вашей вине... Нет, убийство остается убийством, однако теперь я совершенно счастлива и не могу, не хочу больше проклинать Вас. Наоборот – я благословляю Вас и прощаюсь с Вами навеки. Желая Вам обрести свое новое счастье так же, как обрела его я.

Итак, прощайте, Сергей Николаевич, да хранит Вас бог. Умоляю Вас не держать на меня обиды, зла и очень прошу – простите меня. Простите за все! Прощайте навсегда!

Майя Майданская.

Лида свернула письмо и подняла изумленные глаза на Григория.

- Ну? – спросил он, кривя в ухмылке угол рта. – Каково?

- Да уж... – выдохнула Лида, с трудом сдерживая гнев. – Какая наглость... Нет, какая беспримерная наглость! Я даже вообразить себе не могла ничего подобного! Какое бесстыдство! Неужели она искренне думала, что Сергея терзали какие-то там угрызения совести за убийство Майданского? Наверняка его терзали только мучения за то, что он из-за этой сволочи по пьянке так искалечил свою жизнь! А эта Майя – что она себе вообразила? Даже не постеснялась сообщить человеку, который гнил в лагере в то время, как она прибирала к рукам наследство мужа: спасибо, дорогой Сергей Николаевич, как я вам признательна, я вам отпускаю все грехи. Покойтесь с миром! А я буду жить счастливо! Представляю, как разозлился Сергей на этот жуткий цинизм! Представляю, какими словами отозвался он об этой Майе!

Она возмущенно перевела дух, готовая продолжать обличение Майданской, – и осеклась, наткнувшись на острый, пристальный взгляд Григория.

- Представляешь, значит? – пробормотал он, и Лида только сейчас заметила, какой у него недобрый, тонкогубый рот. – Представляешь, да? – Он ухмыльнулся, сверкнув железными, тусклыми зубами. – Это ж надо, она представляет! А я, ты знаешь, даже и представить себе не мог, что у Сереги сестра – такая слепая и глухая дура!

31 декабря 2002 года

Она любила смотреть на Олега, когда тот спал. Лежал на спине, закинув голову и стиснув кулаки. Пышные волосы разметаны по подушке, красивые губы чуть поджаты, брови смешно нахмурены. Крестик запутался в волосках на груди; бьется жилка на теплой шее. От длинных ресниц падают тени на худые щеки. Любимый, любимый, до невозможности любимый мальчишка! Ей было даже утром жаль уйти от него (Майя всегда вставала раньше, она вообще мало спала), тоска брала даже на какой-то час с ним расстаться – что же говорить об этой минуте, когда она убегала тайком, крадучись, словно неверная жена... уходила, не зная, когда вернется!

Нет, что значит – не знает, когда вернется? У нее два часа в запасе, никак не больше. Олег если спит днем, то спит как надо. Но через два часа точно проснется и забеспокоится.

Подумает невесть что...

А этого допустить нельзя. Надо успеть!

Собрала свои вещи с пола в охапку и вышла в коридор.

Оделась, выглянула в окно на кухне.

Так, «шестерка» Андрея уже на месте, хорошо...

Майя взяла на кухне две влажные бумажные салфетки и, уходя, протерла ими дверь – с внутренней и внешней стороны двух замочных скважин. При этом она сделала все возможное, чтобы не дышать. Салфетки сунула в загодя приготовленный полиэтиленовый пакет, свернула его как можно плотней.

Сбежала по лестнице вниз. Надежда Федоровна сидела на своем месте – глазки к носику, губы в белой кокосовой пудре. На столе высокий стакан с чем-то нежно-розовым на дне и открытая коробка «Рафаэлло».

А, понятно, не утерпела! Уже празднует всюю! С другой стороны, времени шестой час, можно и начинать провожать старый год.

- Маечка! – расцвела в хмельной улыбке консьержка. – Неужели на работу?! Смотрю, Андрей подъехал. Смотрите, не пропустите праздник.

- Ну что вы, – через силу улыбнулась Майя. – Как можно? Раскидаю пару проблем – и вернусь.

Андрей увидел ее, открыл дверь «шестерки», но Майя махнула рукой:

- Выходи. Поедем на моей машине. Смотри, как скользко кругом, а у тебя ведь резина лысая, знаю я тебя. Застрянем где-нибудь, а у меня сегодня нет времени буксовать.

- Воля ваша, – пожал плечами Андрей, но Майя знала, что он с удовольствием поиграет нарядным красным «пижоном», как в шутку называли ее «Пежо».

Когда Андрей запер свою машину, Майя протянула ему пакет с салфетками:

- А ну понюхай.

Андрей брезгливо выпятил губу:

- Это еще что? Надеюсь, они, пардон, не из туалета?!

- Идиот! - крикнула Майя и закашлялась, потому что в надсаженное горло попал клуб студеного ветра. - Соображай, что городишь! Уволю!

- Да ради бога! - картинно потрянул головой Андрей, и шапка упала с его головы. - Меня, такого красавца, с голоду помирать не оставят, особенно с этой прической!

Майя не хотела, а усмехнулась. Андрей противный грубиян и временами откровенный хам, но положиться на него можно во всем, в любой мелочи. Исполнитель, как бес! Вот и причесочка какая надо готова, и куртка на нем черная, хоть Майя в спешке лишь вскользь обмолвилась об этом по телефону. Но он отлично знает свою директрису, понимает, что она слов зря не тратит. И он тоже в лепешку расшибся, а все раздобыл и все успел сделать.

- Молодец. Молодец! - Майя схватила его за руку. - То, что надо. Пошли скорей в машину, а то ветром эту красоту растреплет.

- Ничего, у меня не гель, а просто-таки бетонный раствор, - успокоил ее Андрей.

- Ну, раз раствор, давай быстро скажи мне, чем пахнут эти салфетки.

Андрей опять скривился, но больше никаких пошлостей не изрекал: безропотно поднес к носу сначала одну салфетку, потом другую и авторитетно кивнул:

- Чем-чем... Тем же самым, чем вдруг ни с того ни с сего начали благоухать шелковые хризантемы в вашем кабинете.

Майя всплеснула руками:

- Да ты что?! Серьезно?

- Ну, кто такими вещами шутит, - пожал плечами Андрей. - Слушайте, Майя Михайловна, может, мы сначала в машину сядем, а потом поговорим? Моему политическому зачесу ничего от ветра не будет, а вот вы еще пуще свое бесценное горлышко застудите.

- Чему политическому? - изумилась Майя.

- Такая прическа, как у меня, в 30-е годы называлась в народе «Политический зачес», - пояснил Андрей.

- Вон что! Я и не знала, - хихикнула Майя. - Теперь, по-моему, это называется просто - зализ. Ладно, держи ключи, открывай тачку. Нет, подожди. Выкинь эти салфетки и руки снегом протри, чтоб никакого запаха. А после того, как ты в моем кабинете шарил, ты руки вымыл?

- Вы прямо Мойдодыр какой-то, Майя Михайловна, - буркнул высокомерно Андрей. - Мыл, мыл я руки. Семь раз мыл! Не волнуйтесь, лучше в машину садитесь поскорей. - И, захлопнув за ней дверцу, Андрей принялся отмывать руки снегом.

- Ну, рассказывай! - нетерпеливо проговорила Майя, когда они наконец тронулись.

- Куда едем? - спросил Андрей, подъезжая к трассе.

- Ах да. К пятой больнице, которая «Скорой помощи». Потом все расскажу, пока давай в двух словах про хризантемы.

- Расцвели уж давно хризантемы в саду, - прочувствованно сказал Андрей. - И, что характерно, начали благоухать, что, учитывая их искусственное происхождение, более чем странно. При этом они оказались местами покрыты маленькими такими жирными пятнышками, как если бы кто-то обрызгал их маслом...

- Полынным маслом, - пробормотала Майя.

- Неужели такое есть? - изумленно покосился на нее Андрей. - До чего дошел прогресс, ну надо же!

- Нашел прогресс! - фыркнула Майя. - То есть, ты думаешь, цветы были чем-то обрызганы?

- Однозначно. Не вполне понимаю, правда, каким образом. А впрочем, кое-какая версия есть. Я пока там по шкафу лазил, обнаружил аналогичные пятнышки на стене. Как если бы что-то о нее разбилось, не то ампула, не то капсула, и ее содержимым как раз и забрызгало хризантемы. Вот только что конкретно до меня не доходит: как эта ампула была на шкаф закинута. Правда, напротив нее форточка, но оттуда просто так рукой не добросишь: решетка мешает. Из рогатки пуляли, что ли? Бред, конечно, да? - Он покосился на начальницу.

Майя пожала плечами:

- Может, и не бред. Не знаю! А теперь слушай, что будем делать.

Выкладывая Андрею план действий, она мимоходом думала, что теперь допускает все. Вообще все. И ничуть не удивится, если доподлинно выяснит, что кто-то через форточку ее кабинета стрелял капсулами с полынным маслом. Из рогатки, духового ружья - как в «Знаке четырех» Конан Дойля! - из водяного пистолета или еще чего-то в этом роде. В ее дверь масло впрыскивали через скважины - причем обе. Надо будет пригласить уборщицу отмыть дверь и стены, а дорожку из прихожей отдать в чистку. Вообще надо как следует промыть всю квартиру, чтобы даже намек на запах выветрился. И с кабинетом в клубе проделать то же самое.

Ну и хитра же Лида Погодина! Ну и хитра эта змеища! Надо же догадаться было...

А о чем особо догадываться? Майя сама подсказала ей, какое оружие выбрать. Она тогда, на банкете «Мэри Кей», испугалась до такой степени, что начала болтать и об аллергии на полынь, и о «Кризантэм д'ор»! Вот тебе и «кризантэм»...

И все-таки это еще из области догадок. Нужно абсолютное подтверждение. Дать его может только Виталик.

Если захочет, конечно.

Но тут надо разговор по-умному повести. Не спрашивать, а утверждать. Как будто Майе все доподлинно известно. Виталик ведь по сути своей слабак, он обязательно сломается!

Ладно, вот уже и больница. Во всем остальном ориентируемся на местности!

- Выходим, - приказала Майя.

Андрей выскочил с проворством пули, вылетающей из револьверного ствола. Майя мельком покосилась на его хмурое, сосредоточенное лицо: ага, «викинг» уже в образе! Отличный у нее союзник. Андрей настоящий мужчина. Такой парень не задумывается над проблемами - он их

разрубают ребром своей каратистской ладони, подобно тому как Александр Македонский разрубил знаменитый гордиев узел. Рядом с таким спутником любая женщина почувствует себя слабой!

Именно поэтому Майя не способна долго находиться в обществе Андрея. Союзником его считать готова, это да, но не более того. Может быть, она так сильно полюбила Олега именно потому, что он изначально слабее ее. Может быть, ей нужен не только мужчина, но и ребенок одновременно. Причем не капризный, а послушный ребенок. И такого человека она встретила именно в лице Олега. Но на те игры, в которые они сейчас намерены сыграть с Андреем, ее простодушный возлюбленный не способен.

И слава богу, что для таких случаев еще остались сильные мужчины!

Центральный вход, через который они проходили с Олегом днем, был уже закрыт. Вошли боковым. В приемном покое народу было теперь мало: две какие-то тетki откровенно бомжатского вида и тощий мужчина, напоминающий преподавателя марксистско-ленинской философии из прежних времен. Рядом с этими бабенками вид у него был испуганный.

Майя уже приготовилась свернуть на лестницу, как вдруг притормозила и придержала за рукав Андрея:

- Погоди. Я тут кое-что уточню.

Подошла к зевающей медсестре:

- Извините... можно вас спросить?

- Да? - провыла та, не трудясь закрыть рот.

- Анна Васильевна сейчас работает?

- Это кто же такая? - Сестра наконец справилась со своими расплзающимися челюстями.

- Врач из торакального отделения.

- Из торакального? - Сестра призадумалась, повернулась к напарнице: - Галя, а кто у нас в торакальном Анна Васильевна?

- Должно быть, Тушина, - отозвалась другая сестра.

- Тушина! Так ведь Тушина в хирургии!

- Ну и что? Других у нас нету.

- Я так и думала, - кивнула первая сестра и устало развела руками: - Уж извините, девушка, в торакальном у нас Анны Васильевны нету. И в других нету, кроме как в хирургии.

- Спасибо, - задумчиво протянула Майя. - А она работала сегодня?

- Нет, - ответила сестра. - Болеет она, вторую неделю бюллетенит. Холода помните какие стояли, а она бегала тут голая...

- Что, совсем? - с неподдельным интересом вскричал Андрей.

Медсестры захохотали.

- Не до такой степени, как вы подумали! - заиграла глазами первая, при виде «политического зачеса» немедленно превращаясь из затурканной тетки в веселую молодушку. - Просто было очень холодно, у нас возникли проблемы с отоплением, а она бегала в одном халатике, да в чулочках никаких, да в туфельках. Все перед рентгенологом одним форсила, а он на нее и смотреть-то не смотрит!

Майя подавила улыбку. Нет, ревнивые женщины - это, конечно, страшная сила. Вот уже второй раз за день, не прилагая для этого почти никаких усилий, она получает информацию чрезвычайной важности - просто потому, что существа женского рода априори терпеть друг дружку не могут и рады обнаружить любую пакость о себе подобной.

А ведь она, Майя, кажется, знает этого рентгенолога, равнодушного к чулочкам и туфелькам Анны Васильевны Тушиной! Ну и тип же ты, Виталик... Ну и тип!

Она сердечно поблагодарила довольных девиц и ушла, увозя с собой Андрея и ни минуточку не сомневаясь, что ее лицо, фигура, походка, сапоги и брюки будут незамедлительно подвергнуты продолжительной и болезненной вивисекции - может, еще и похлеще той, которой подвергалась здесь бедная Анна Васильевна.

Из приемного покоя был боковой выход на лестницу. По ней они поднялись на второй этаж и долго шли пустым переходом из нового здания в старое. Потом миновали хирургическое отделение и вышли на лестничную площадку. За все это время им не встретился ни один врач. Да и больной попался только один - старик, который не обратил на них никакого внимания, истово беседуя с кем-то невидимым.

- Это что, психушка? - встревоженно спросил Андрей.

- Читать умеешь? - ткнула Майя пальцем в вывеску около стеклянной двери: «Торакальное отделение».

- А по-моему, типичная психушка! - упрямо сказал Андрей. - И не в этом старике дело, а во всем, что тут творится.

- А что тут творится? - удивилась Майя. - По-моему, ничего и никого.

- Да ведь в том-то и дело! - возмутился Андрей. - Вон сколько шума было вокруг теракта на Дубровке: дескать, как туда боевики прошли. А тут - вы только посмотрите! Проходи целый вооруженный отряд, бери в заложники хоть всю больницу - полторы тысячи народу, ведь не меньше! - и делай что хочешь! Похлеще выйдет небось, чем в свое время в Буденновске. И никто не почешется, если вдруг орать начнут.

- Вот и хорошо, что никто не почешется, - кровожадно сверкнула глазами Майя, и Андрей, мигом вспомнив, что им предстоит, начал бойцовски поводить накачанными плечами.

Остановились у дверей рентгенкабинета, также выходящих на лестничную площадку, огляделись - никого, прислушались - изнутри ни звука: надо надеяться, Виталий сейчас один.

Пора приступать к «действию». Майя пошарила взглядом по стенам, нашла выключатель и погасила свет на лестничной площадке. Учитывая полумрак в кабинете, это усугубит ожидаемый эффект.

- Пошел! - скомандовала она.

Андрей рванул дверь и замер на пороге.

- Кто там? - послышался усталый голос Виталия.

Майя представила, как он оборачивается от своего светящегося экрана и видит на пороге молчаливую фигуру: высокий парень в черной куртке, с волосами, зачесанными назад...

- Ты?! - сдавленно выкрикнул Виталий. - Опять пришел? Зачем?

О-па! Есть контакт!

- Я же позвонил ей, сказал, что Майя приходила, я все сделал... - продолжал Виталий, но вдруг как-то враз охрип: - Это... кто это? Кто вы такой?

Эх, черт, Виталий распознал подмену что-то слишком быстро. Честно говоря, Майя рассчитывала еще кое-что от него услышать. А впрочем, надо быть благодарной и за такие мелочи.

- Неужели все, Виталик? - спросила она, входя в кабинет вслед за Андреем. - Неужели так-таки ты сделал все? И сколько рентген я словила по твоей милости, а?

Темная тень сжалась на светлом фоне этого чертова экрана, который раздражал Майю невероятно. Провела рукой по стенке около двери и нащарила выключатель. В кабинете вспыхнул нормальный свет, и она разглядела лицо Виталия: испуганное, недоверчивое.

- Майя? Почему ты вернулась? А кто это с тобой?

- Это совершенно неважно, - ответила Майя, сделав знак Андрею. Тот закрыл дверь, защелкнул замок и встал, подпирая косяк и картинно поигрывая пальцами правой руки, охваченными кастетом.

Виталий ошеломленно уставился на этот кастет.

- Совершенно неважно, кто это, - повторила Майя. - Гораздо важнее, за кого ты его принял. Ну, за кого?

- Колись, мужик, пока я тебе башку не расколочу, как орех! - подал реплику Андрей.

Виталий бледно усмехнулся:

- Майка, ты кого с собой притащила? Что это за вредный подросток? А лексикон... Тебя не коробит?

- Не-а, - легко отозвалась Майя. - Что характерно, меня даже не покоробит, если этот вредный подросток начнет стучать кому-нибудь своим кастетом по глупой башке. Например, по голове одного поганого рентгенолога. Так что на мою брезгливость можешь не рассчитывать.

Виталий сглотнул, не сводя глаз с руки Андрея.

- Неужели ты будешь спокойно смотреть, как избивают друга твоего детства?

- Пуркуа бы не па? - пожала плечами Майя. - Ты же спокойно облучал сегодня подругу *своего*

детства!

Виталий вздохнул:

- Никого я не облучал. Я, может, слабак и сволочь, но все-таки не убийца.

- Неужели? - вскинула брови Майя. - А как насчет жены нашего нынешнего мэра?

Виталий замер.

- А что с ней такое? - выговорил он наконец.

- Да ты и сам знаешь, - улыбнулась она.

- Я... Нет, откуда ты знаешь? Ты?!

- Честно? Я сама догадалась. Да и Сергей однажды сказал что-то такое...

- Сергей? - насторожился Виталий. - Погодин, что ли?! С чего ради Сергей что-то бы говорил тебе? И когда это было?

Майя обмерла. Ч-черт... на какой тонкий ледок она чуть было не ступила! Дай бог успеть ногу отдернуть! А Виталик-то до чего же хваткий, а? Сразу прицепился к неосторожным словам.

- По пьянке, в какой-то компании, - небрежно пожала она плечами. - Страшно злился на Лидку, что она с тобой разошлась, а почему - не сказала ему. Он в этом деле на твоей стороне был. Думаю, если бы уверен был насчет Коренева, то совсем иначе к тебе относился бы, а так-то считал тебя жертвой, а не злодеем. Но не все были такие доверчивые, как он. Не все! А впрочем, эта старая история меня нисколько не волнует, - продолжала Майя самым небрежным тоном, на какой только была способна. - Кто жив, кто умер... Дела давно минувших дней! Просто я только сейчас поняла, чем *они* тебя дожали. Именно этой стариной, да, Виталик?

- Они? Какие они, кто такие? - пробормотал Привалов, ничего не опровергая насчет дел давно минувших дней. - Кого ты имеешь в виду?

Андрей фыркнул, и Майя поняла, что «вредный подросток» с трудом сдерживает так и пляшущий на кончике языка пошлый ответ: «Что имею, то и введу!» Но он пару раз очень чувствительно получал от Майи по карману (она била рублем, штрафовала!) за такие выражения, а потому счел за лучшее промолчать.

- Я имею в виду Лиду, твою бывшую жену, и ее подельника, - пояснила Майя, снова переходя в наступление. - Это ведь за него ты принял моего охранника, верно?

- Никого я ни за кого не принял, - пробурчал Виталий.

Ах ты, черт! Приободрился Привалов. Это не есть хорошо!

- Кстати, ты когда с Анной Васильевной говорил, нарочно набрал номер, по которому никто не ответит, или сразу на «сброс» нажал? С ума сойти, театр одного актера!

- Что?.. - Взгляд Виталия заметался. - Совершенно не понимаю, о чем ты говоришь!

- Об Анне Васильевне Тушиной из хирургического отделения. Вот о ком.

Привалов пожал плечами и отвел глаза.

- Виталий, ты не думай, что только Лидочка и ее хахаль умеют на людей *давить*, - почти ласково произнесла Майя. - Я это тоже умею делать - морально. А Андрей - даже и физически. Показать?

И что это вдруг взбрело Виталику в голову изображать храбреца и растягивать рот в ухмылке?

Майя вздохнула.

Андрей все понял правильно: схватил Виталика за грудки, тряхнул раз и другой, потом мгновенно повернул к себе спиной, обхватил за шею локтем и подержал так самую малость, пока Привалов не начал хрипеть и закатывать глаза. Потом выпустил, и Виталий мешком осел на пол. Посидел так сущим кулем, потом начал со свистом дышать и хвататься за шею, словно проверял ее целостность и сохранность.

- Неужели цела? - удивился Андрей. - Это непорядок. Сейчас мы это поправим.

И он снова подцепил Виталия под локоть. Тот снова захрипел, сначала попытался вырваться, потом обвис.

Тем временем Майя прошла к пультам и стала задумчиво разглядывать какие-то тумблеры и окошечки с цифрами.

- Андрей, ты в этой механике разберешься? - спросила спокойно.

- Обижаете, Майя Михайловна! - отозвался тот. - Я все-таки радиофак кончал.

Ни на каком радиофаке Андрей отродясь не учился: образование его закончилось в строительном ПТУ, но, во-первых, по его виду этого не скажешь, а во-вторых, главное было, что разговор слышит Виталий.

Хоть он изображал, что находится в полной отключке, однако Майя видела, как напряжено его лицо.

- Один мой знакомый рентгенолог уверял, что только через три года работы ты начинаешь что-то видеть, а через пять что-то понимать, но думаю, что я разберусь гораздо быстрее, - сказал Андрей бодро, не выпуская Виталика из захвата. - Скажем, обездвижить этого вашего *вредного* знакомого можно и не будучи специалистом в области рентгеноскопии. Потом я положу его во-он на тот стол, предназначенный для исследования поломанных конечностей. Если захотите, можно будет и конечность ему повредить. Для пущего правдоподобия. И вот здесь я призову на помощь высшее образование. Оно поможет разобраться со всей этой дурацкой техникой, включить аппаратуру... Словит ваш знакомый за десять минут двадцать-тридцать годовых доз - поймет, почем сотня гребешков!

Виталий дернулся.

- Созрела реплика? - поинтересовался Андрей. - Как, Майя Михайловна, будете слушать последнее слово подсудимого?

Майя пожала плечами:

- Ну давай.

Андрей чуть ослабил хватку горла Виталия, но зато еще круче заломил ему руку за спину.

- Я не... - выдохнул Виталий и закашлялся.

У Майи стало легче на душе, когда она услышала этот кашель. В самом деле, не ей же одной надсаживаться!

- Ты не?! - спросила с издевательской интонацией. - Ты не - что? Не желаешь испытать обещанных тебе острых ощущений?

- Я не облучал тебя, - невнятно, но все же вполне различимо выговорил Виталий. - От меня требовали этого, но я не смог. Им сказал, что да, но мне показалось, я тебя и так достаточно напугал. И не стал ничего делать. Этого же не проверишь. Они никогда не узнают, что я соврал.

- А может, ты сейчас врешь, а? И мы этого никогда не узнаем? - спросил Андрей, и измученное лицо Виталия вдруг приобрело какое-то странное выражение.

- Эй, поосторожней! - воскликнула Майя.

- Да я ему ничего не сделал! - замотал головой охранник. - Совершенно ничего.

Майя пристально смотрела на Виталия. Да, не в том дело, что Андрей причинил ему боль. Что-то произошло... а что?

- Твой поделник... такой же радиофизик, как я секс-бомба, - с усилием выдавил из себя Виталий издевательский смешок. - Не знать, как отличить облученного человека от необлученного... Не на ощупь, конечно, а лабораторно...

Майя покачала головой. Андрей зло ощерился, понимая, что дал-таки маху.

- Предположим, ты прав, - признала Майя неохотно. - И, предположим, разобраться с этой гадостью, - она брезгливо окинула взглядом кабинет, - нам будет трудновато. Но если захотим - разберемся. Время у нас есть. В конце концов, можно связать тебя, заткнуть пасть и бросить тут, включив вообще все наудачу и вынув фильтры. С этим-то кто угодно разберется. Помнишь ту историю в больнице Семашко? Так что не пытай судьбу, Виталик.

- Чего ты от меня хочешь? - просипел Привалов. - Я же сказал уже, что ничего тебе не сделал, только страху нагнал. Вели своему прихвостню отпустить меня, ведь шею больно!

- Это кто здесь прихвостень? - озабоченно спросил Андрей. - Прошу уточнить.

- Шею тебе больно? - усмехнулась Майя. - Жаль мне твою шею. Но будет еще больней, если не скажешь, кто именно велел тебе меня прикончить, как морально, так и физически.

Виталий шевельнул губами.

- Громче! - прикрикнула Майя. - Ну!

Он зажмурился, но не произнес ни слова. Лицо покрылось потом, губы дрожали, но изо рта не вырывалось ни звука.

- Андрей! - кивнула Майя.

Ноги Виталия на миг оторвались от пола, глаза закатились, на губах выступила пена.

- Стоп! Дай ему отдышаться. Еще раз!

Зрелище было не самое приятное, однако Майя не чувствовала сейчас ни раскаяния, ни жалости. Надо полагать, она тоже не слишком эстетично задышалась и надсаживалась от аллергического удушья. Правда, видел ее муки только Олег, но этого более чем достаточно!

- Отпусти пока, - велела Майя Андрею. - Слушаю тебя внимательно, Виталий.

Тяжелое дыхание. И... молчание.

- Не надоело? - спросила она с некоторым удивлением. - Не вижу смысла упрямиться. Я ведь все равно знаю, кто это все затеял. Тебе надо только подтвердить мои подозрения.

Виталий закрыл глаза, сипло втягивал в себя воздух, но молчал.

- Не поняла, - осторожно проговорила Майя. - Чего ты упираешься, а? У тебя что, добрые чувства к Лидке еще сохранились? А она к тебе с добром подходила, не пойму? Что-то я не верю, чтобы ты охотно согласился меня тут в бараний рог скручивать! Небось тоже за хрип брали - не физически, так морально, - и еще как брали!

Виталий приоткрыл опухшие глаза.

- Майя, ты скажи своему киллеру, чтобы поосторожней был, - прошептал он, с явной болью выталкивая из себя слова. - Он дилетант не только в радиологии, но и в технике пытки. Запросто может хрип мне совсем пережать - и я загнусь тут у вас на глазах. Или шею мне ненароком переломит. Не знаю, может, вы к этому и стремитесь, но вы подумали, как потом отсюда будете уходить? Вас же видели, наверняка видели...

«Видели, - вспомнила Майя. - Видели медсестер в приемном покое! Ну и фиг с ними. Не стоит перед нами такая задача - шею Виталику ломать. Мне его морально нужно сломать! Но что-то пока не получается...»

- А кто нас мог видеть? - пренебрежительно хмыкнул Андрей. - Мы пока сюда шли, всего одного старпера какого-то и встретили, да и тот был в полной умственной отключке. Так что зря ты, доктор Лектор, нас на понт пытаешься взять.

- Сам ты доктор Лектор! - прохрипел Виталий, делая попытку вырваться, однако что-то, а захват у Андрея был железный. - И ни на какой понт я вас не беру, я к вашему разуму взываю. Ты мне, Майка, чужой человек, никто, просто красивая баба, правда, злая, но жизнь твоя мне по фигу. И то, рассуди, я не стал тебя губить. А что понаговорил всякой дури, так ведь не один твой киллер может быть непрофессионалом. - Виталик растянул губы в некоем подобии улыбки. - Я вот тоже сплеховал как диагност. А на самом деле ничего у тебя нет, никакого очага в легких. Аллергические спазмы - вот и вся штука. Ну прикинь, если я тебе, постороннему человеку, не стал здоровье гробить, то разве подведу я под удар человека, мне близкого? А? Да Лидка ни Кеше Кореневу не сказала о своих подозрениях, ни Сереге. Уж как она брата своего любила, а не выдала меня ему. С Серегой из-за меня на всю жизнь поссорилась, даже не знаю, помирились они перед его смертью или нет, - а все равно не выдала меня. Что ж ты надеешься, я тебе про нее хоть одно слово скажу? Если ты так думаешь, ты дура последняя. И можешь делать со мной что хочешь.

Майя резко отвернулась.

- Это ты сам дурак последний, - проронила она устало. - Все, что я хотела услышать, ты мне уже сказал. Андрей, отпусти его.

- Как отпустить? - удивился союзник.

- Молча! - огрызнулась Майя.

Послышался тяжелый звук - это отпущенный Виталий не удержался на ногах и повалился на пол. Затем последовал набор слов: Андрей все-таки послушался, смолчать не смог.

- Пошли, Андрей.

Вышла, слыша за спиной надсадное дыхание Виталия и недовольное ворчание Андрея. Потом хлопнула дверь, и осталось только ворчание.

Андрей перестал бухтеть, только когда спустились в приемный покой. Некоторое время царила блаженная тишина. Майя думала...

Наконец вышли из больницы. Андрей с недовольным видом открыл машину, с таким же видом завел мотор:

- Ну? Куда едем? Домой?

- Нет, в клуб, - качнула головой Майя.

Перехватила изумленный взгляд Андрея, пояснила:

- Не волнуйся, я в кабинет даже заходить не буду. Просто поздравлю всех, кто сегодня работает, позвоню Олегу, а потом съездим с тобой еще кое-куда.

- Отлично! - сразу воодушевился «викинг» и так лихо взял с места, что лишь каким-то чудом не врезался в бок темно-зеленого джипа, подрулившего к крыльцу. Успокаивающе помахал темным тонированным стеклам джипа и на полной скорости понесся вниз, к Ковалихе, чтобы проехать на Рождественку не вечно перегруженной улицей Минина, а в объезд, по Октябрьской.

Майя напряженно смотрела вперед, мысленно торопя Андрея. Время пролетело быстро, Олег вот-вот проснется. Скорей бы оказаться в клубе! Ей обязательно нужно позвонить домой с рабочего телефона, чтобы номер высветился на определителе. Когда Олег удостоверится, что жена в клубе, он успокоится и будет безропотно ждать ее возвращения. И если захочет с Майей поговорить, просто перезвонит ей на мобильник. Этим высветившимся на определителе номером она обеспечит себе еще часа два свободы действий как минимум!

23 мая 2002 года

Лида была так удивлена, что даже не обиделась. Смотрела на Григория и моргала, чувствуя себя и в самом деле дура душой.

Григорий обиделся, что она назвала Майю циничной и наглой? Он что, видит в этом письме проявление высокого душевного благородства?! Ну, тогда это он сам дурак и вполне заслуживает того, чтобы ему кто-нибудь это сказал. А интересно, Сергей тоже был в восторге от этого письма? Может быть, от того доверия и признательности, которые, как ему показалось, к нему испытывала Майя, у него и пробудились к ней романтические чувства?

Они, мужики, видимо, совсем съезжают с катушек там, за колючей проволокой. Ну да, сторожевые собаки, грубые и жестокие охранники, нравы между сокамерниками, или, как это там называется, – собарачниками? – трудно себе представить какие. И стоит только услышать человеческие слова, тем более получить письмо, написанное таким изящным почерком и так вроде бы душевно, сердечно, человечно... тьфу, какая чепуха! В этом письме человечности не больше, чем в окровавленных зубах тигра-людоеда. Или волка... Волчицы!

Нет, что-то здесь не так. Не мог Сергей купиться на высокопарные, трескучие фразы. Да и этого Гришу Черного с его стальными зубами и глазами острыми, как финские ножи, тоже не так-то просто обмануть внешней лощеностью строк. Их должно было возмутить то же, что возмутило и Лиду: холодность, цинизм, равнодушие. Но тем не менее Григорий назвал Лиду дурой и смотрит на нее с таким презрением, как будто... как будто... нет, даже сравнения не подобрать!

Почему? Что там было, в том письме, чего она не заметила? Не прочла между строк?

– Ты с какой печки упала, девочка? – тихо, зло спросил Григорий. – Или ты вообще живешь, как начинка в сдобном пироге, – наружу не высовываешься? Закопала брата – и забыла о нем? Знать о нем ничего не знаю и ведать не ведаю? Или ты не слышала, кто ему адвоката оплатил? Или не в курсе, кто ему передачи и переводы слал? Да пол-лагеря на тех посылках отъедалось, понятно? Думаешь, твои конфетки, да сигаретки, да переводики брату помогли выжить? Нет, моя хорошая. Ты инструкциям следовала, да? А она их обходила. Ради Сереги. Уж не знаю, кого она там подмазывала, только у нас в бараке и телевизор был, и холодильник, и питались мы с лагерного магазинчика, а не со столовки. И книжки в библиотеку она присылала. Конечно, все это было под твоим именем, это как будто сестра ему посылала, но мы не дураки ведь! То Лида Погодина брату Сереже пришлет кулечек подушечек, кило песку, банку сгущенки и пакет махорки да носки шерстяные. А то Лида Погодина шлет ящик тушенки, коробку колбасы копченой, коробку шоколадных конфет, ящик водки, упаковки витаминов, мыло дорогое, да зубную пасту, да теплое белье, да кассеты и книги... Конечно, Сергей половину начальству отдавал, да и оставшееся не сам-один под одеялом трескал, но кое-что ему перепало. И помогало здоровье сохранить, и настроение у него всегда было какое надо. Это она, она все посылала, волчица! – Григорий сердито потряс письмом.

Вот теперь Лида и правда чувствовала себя дура душой! И стыдно было – как никогда в жизни – за скудность своих передач. Но не из скупости же она отправляла такие скромные посылки! Следовала инструкции, правильно сказал Григорий. Раз в месяц можно было отправить то-то и то-то и определенную сумму денег. Она так и поступала, и ей даже в голову не приходило, что можно кому-то дать взятку – и изменить этот порядок. А что это, кстати, получается? Майя Майданская прикрывалась именем Лиды и засыпала Сергея продуктами, вещами и деньгами?

Странно. И что, все из чувства той же признательности, из-за которой она наняла ему самого дорогого адвоката?

Нет, все это очень странно.

– Знаешь, когда я домой с работы в неурочный час пришел и в койке со своей бабой застал любовника, я с ним не поцеремонился, – снова заговорил Григорий. – Стукнул по башке, а потом в окошко с восьмого этажа вытолкнул. Летите, голуби, летите! И шлюху эту надо было туда же отправить, да сил не хватило. Нет, дело тут не в жалости! – Он криво усмехнулся. – Она, как увидела, что я кавалера отправил в свободный полет, сразу бряк в обморок! И лежит, квашня квашней. Разъелась на моих деньгах – не поднять. Росту в ней, как и в тебе, примерно метр семьдесят, ну а весу пудов семь, не меньше. Ну что, мне всегда пышки нравились. Но это

уже не пышка получилась, а... кулебяка! Короче, рычаг нужен, чтобы такое воздушное создание в окошко выкинуть. А рычага у меня и не было. Оставил ее валяться в бесчувствии, сам сел на кухне да и за бутылку. Там меня и повязали. И что ты думаешь? Эта курва, мало того что на суде меня топила, как могла, только что живым в могилу не зарыла, после суда моментально со мной оформила развод, из квартиры выписала, продала ее - а мы, между прочим, жили не где-нибудь, а в Питере! - и смылась куда-то в провинцию, ищи ее свищи! А мне ни разу ни перевода, ни посылочки, ни пачки той же махорки не прислала. Если бы не Серега, не доброта его, которой я век не забуду, я бы давно загнулся и подох. Давны-ым-давненько! Вот как поступает ваша сестра с тем, кого она ненавидит, на кого обиду держит. А если она посылками да деньгами убийцу своего мужа засыпает - это о чем говорит? Да неужто ты веришь в эту дурь, что Серега с Майданским тогда, возле вашего театра, вот так ни с того ни с сего повздорил?! Да они из-за этой бабы сцепились, ревность у них друг к другу была, должно быть, муж знал о чем-то или догадывался! Что, не веришь? Ты глаза-то разуй, дура набитая! Сама живешь, будто в консервной жестянке в морозильнике лежишь, пусть вреда от тебя нет, но и пользы никакой, так ведь не все такие! С каких щей эта баба рассыпалась перед Серегой? Из простой благодарности? Нет, у них роман был, любовь у них была, она его потому в лагере поддерживала, что надеялась: вот он воротится - и все промеж них снова засверкает-засияет. Надеялась, ждала - ну а потом и ждать перестала! И это письмишко ему прислала.

- Уважаемые пассажиры! Скорый поезд сорок пять сообщением Москва - Барнаул прибывает к первой платформе. Повторяю...

Григорий поморщился от громкого голоса диспетчера, незряче глянул за окно, потом перевел глаза на Лиду и потряс потертой бумагой, исписанной косым почерком:

- Ты только посмотри! Ты только вчитайся, что она пишет! *Мне долгое время казалось, что я не смогу спокойно слышать Ваше имя... как сжалось мое сердце, когда я увидела Вас за решеткой - Вас, убийцу моего мужа. Я даже сознание потеряла тогда от ужаса.* Смекаешь? Конечно, больно ей было парня своего за решеткой увидеть, куда он из-за нее же и угодил! А потом - ты только погляди! *Но вот теперь, по прошествии нескольких лет, я вдруг ощутила, что мои прежние чувства к Вам совершенно изменились. Я испытываю к Вам отнюдь не ненависть, не злобу или какое-то другое острое чувство. Я наконец-то поняла, что освободилась от ежедневных, ежечасных мыслей о Вас. Я обрела свободу от своего прошлого.* Она разлюбила Серегу - это понятно тебе, хорошая девочка Лида? Разлюбила - и освободилась от него. А вот это как тебе нравится? *Я была убеждена, что после смерти мужа должна похоронить себя, поставить крест на личном счастье.* Намекает на то, что Сережу ждала! Но... *Я встретила человека, которого полюбила с первого взгляда. Он полная противоположность моему покойному мужу, да и вообще всем моим прежним знакомым.* Это о каких же прежних знакомых она говорит, как думаешь? Да все о том же Сергее! Которого теперь она отставила, по воле волн пустила, которому сказала: прости-прощай! *Встреча с ним стала для меня судьбоносной и перечеркнула все мои прежние планы, абсолютно все!* Короче, друг любезный Серега Погодин, ты мне теперь на хрен не нужен, у тебя своя жизнь, а у меня - своя. И все, о чем мы когда-то вдвоем мечтали и о чем ты один мечтал, лежа на коечке в бараке и хрупая печенюшку, которую я тебе послала, - все это надо затолкать в единственное подходящее для этого место: к негру в жо... - Тут Григорий хихикнул и поправился: - Проще говоря, псу под хвост.

За окном загрохотало. Состав вытянулся вдоль вокзала. Проплыли мимо вагоны с табличками: «Москва - Барнаул». Но Григорий на них даже не взглянул.

- И дальше эта сука сообщает мужику, что она полюбила. Типа, впервые в жизни. А вот фразочка, достойная самого Александра Сергеевича Пушкина! *Конечно, в моей жизни были и*

другие мужчины, однако теперь я с облегчением закрываю глаза на все страницы моего прошлого. Это Серега был в ее жизни! Это на Серегу, значит, она глаза закрывает. Не слабо, да?

- Уважаемые пассажиры! Скорый поезд сообщением Москва – Барнаул прибыл к первой платформе. Просим пассажиров пройти на посадку. Стоянка поезда – десять минут.

- Нет, ну ты скажи мне, что она после этого не волчица! – воскликнул Григорий. – А? Но баба, конечно, железная. Другая небось побоялась бы на зону такое письмо прислать. Другая задумалась бы: а не перервет ли хрип мне с любовником этот парень, когда выйдет? Ведь он уже не тот ручной серенький козлик, с которым я когда-то играла как хотела. Небось зубы-то отрастил... Но она крепко, видать, в свою власть над Серегой верила. Знала его как облупленного. Понимала, что ей его бояться нечего. И если она ему дала установку, как тот Кашпировский: *Прощайте навсегда!* – так, значит, тому и быть. Он с тоски подохнет, но к ней больше шагу не сделает, пути ей не перейдет и жизнь заедать не станет. Так оно и вышло...

- Заканчивается посадка в скорый поезд номер сорок пять сообщением Москва – Барнаул. Провожających просят выйти из вагонов.

- Ешкин кот! – воскликнул Григорий. – Постой, паровоз, не стучите, колеса, не уезжайте без меня! Прощай, Ли-да. Хорошая девочка Лида... Прощай, не поминай лихом. На, держи, это тебе.

Григорий сунул ей в руки письмо и ринулся на перрон.

Лида машинально развернула листок и снова взгляделась в косые строки:

... Я благодарна Вам за все, что случилось со мной по Вашей вине... Нет, убийство остается убийством, однако теперь я совершенно счастлива и не могу, не хочу больше проклинать Вас. Наоборот – я благословляю Вас и прощаюсь с Вами навеки. Желаю Вам обрести свое новое счастье так же, как обрела его я...

Какая чепуха! Какую чушь ей наговорил Григорий! Да мыслимо ли такое?! А она стояла тут, развесив уши, и слушала его, разинув рот. Вот уж правда что дура!

Ладно, не злись, «хорошая девочка Лида». Видно, этот Григорий и в самом деле был Сереже настоящим другом, потому и жалеет о нем, потому и переживает из-за его смерти.

Из-за смерти?.. О боже мой! Да ведь Лида даже не спросила, что случилось с братом! Почему его так изувечило! А поезд вот-вот тронется!

Она сунула письмо в карман плаща и выскочила на перрон. Заметалась туда-сюда, с ужасом сообразив, что не знает, какой вагон у Григория. Ну, явно не СВ, определенно не купе. Наверняка едет в плацкартном.

Кинулась к стоящей на платформе проводнице:

- Где плацкартные вагоны?

- А вон там, в конце поезда! – махнула та рукой.

Лида понеслась по перрону, на бегу всматриваясь в окна и молясь, чтобы Григорию зачем-нибудь понадобилось выглянуть. И вдруг увидела его на перроне! Стоит около шестнадцатого

вагона и докуривает сигарету.

Лида ринулась вперед. Ей оставалось пробежать еще вагон, когда Григорий отшвырнул окурок и вскочил на подножку, откуда уже криком кричала проводница:

- Да заходи ты! Сейчас поедem! Бросай свою соску!

- Григорий! - закричала Лида.

Он выглянул из-за широкой спины проводницы, которая уже подняла ступеньку и махнула вдоль вагона своим желтым флажком.

- Лида?

Обращенное к ней лицо его омрачилось так, что Лида поняла: Григорий знает, о чем она хочет спросить. Знает вопрос, знает ответ на него... но не хочет отвечать.

Лида затопталась рядом с вагоном.

- Григорий, отчего... - Она вдруг стала задыхаться. - Григорий, скажите, как Сережа...

Он резким движением сдвинул в сторону эту толстую тетку в форме и свесился к Лиде, держась за поручень.

Лицо его было суровым.

- Не хотел тебе говорить. Но, видно, придется. Надо сказать! Короче, получил он это письмо и ночь не спал. Я-то знаю, моя койка на втором ярусе была, как раз над Серегой. Всю ночь тряслась наша связка: это он ворочался. А утром...

Поезд тронулся.

- Не высовывайтесь! - закричала проводница, но Григорий даже головы не повернул.

- Мы на лесоповале были, ну и накрыло его деревом. Думали, все, умер, нет же - отошел. Да ненадолго. Душа у него той ночью умерла, когда кровать тряслась. Я посулил ему - найду, мол, эту... расквитаюсь за все, что она с тобой сделала. А он... - Лицо Григория вдруг сморщилось, и Лида с ужасом увидела слезы в этих, чудилось, навсегда высохших глазах. - Он меня просил... он меня Христа ради молил не трогать ее... - Григорий громко сглотнул. - Поняла? Понимаешь теперь, что все это значит?!

Поезд двигался все скорей, Лида уже почти бежала, лицо Григория расплывалось перед ней.

- Прощай, все, не беги больше. Прощай, не держи на меня зла! А я брата твоего век поминать добром буду! - выкрикнул Григорий. - Поминать!

Лида выхватила из сумки газетный сверток.

- Григорий, возьмите! Это на поминки! Сережу помянуть!

Она не видела его лица - все плыло в глазах, но ощутила, как его твердая рука стиснула ее кисть - и приняла деньги.

- Спасибо тебе. Никогда Сережку не забуду! И ты не забывай! Прощай!

Лида остановилась, прижимая сумку к груди, задыхаясь.

- Девушка, не плачьте. Ни один мужик не стоит того, чтобы о нем плакали! - проговорил чей-то голос.

Лида рассеянно провела ладонью по лицу. Мокрые щеки, мокрые глаза. Да она и в самом деле плачет, оказывается...

31 декабря 2002 года

Умные люди говорят: не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Ярослав мог бы усовершенствовать это выражение: не откладывай на будущий год то, что можно сделать в этом! С совершенно обалделым видом он стоял перед адресным бюро и пялил глаза на объявление:

30, 31 декабря 2002 года, 1, 2 января 2003 года - выходной день.

Мало того что хранители адресных тайн устроили себе совершенно неконтролируемую гулянку аж на целых четыре дня - они еще и были в патологических неладах с грамматикой! Не работают четыре дня - а выходной при этом один. Лихо...

Лихо-то лихо, а где теперь брать адрес Лиды? Это что получается? Нынче Новый год, а он даже не сможет поздравить любимую женщину?

Любимую?.. Это внезапно вырвавшееся из тайных глубин души слово поразило его едва ли не больше, чем объявление, отсекающее ему путь к Лиде.

Вот идиоты! Да как же они могли выдумать такое!..

Хотя нет. Это выдумали все же не они - по всей стране народ гулеванит в предновогодние дни. Так что работники адресного бюро как раз шагают в ногу со всем народом. И здесь имеет место быть только один идиот - конкретно Ярослав Башилов.

Что ему мешало приехать сюда вчера?!

Ну, и приехал бы вчера. А что изменилось бы?

Побольше было бы времени на поиски Лиды, только и всего.

А где бы он ее искал? Мотался бы по улицам и заглядывал в лицо всем девушкам в полушубках, юбчонках в коричневую клетку, коричневых чулочках и с косичками? Да их нет вовсе, она одна такая. Где, как ее найти? Кто может знать, где она живет?

«И что это за девочка и где она живет?» - пропели в памяти гнусавыми голосами какие-то придурки, и Ярослав уныло покачал головой.

«А вдруг она не курит, а вдруг она не пьет?»

А вдруг курит? Он ведь совершенно ничего о ней не знает! Может быть, она не только курит или пьет - может, она еще и замужем?

Ага, ну прямо. И привлекла бы замужняя женщина к своему делу совершенно чужого, постороннего человека. И не просто чужого и постороннего, а очень опасного!

Ну что ж, может быть, она из тех женщин, которые считают, что место мужчины – в буфете. И не только какого-то там бывшего мужа, Виталика Привалова, но и наемника. Ведь все это время не Ярослав вел корабль, а именно Лида. Он рабски исполнял ее «указания в форме приказаний», млел от неведомого прежде ощущения, просто оттого, что находится рядом с ней; он с доброй, так сказать, усмешкой участвовал во всех ее «проказах», но стоило им расстаться, стоило умолкнуть чародейной дудочке, под которую извивалась послушная кобра, как Ярослав словно очнулся от наваждения. И все его мысли, ранее пролетавшие мимо разума словно по касательной, вдруг стали бить без промаха и оказались не просто меткими пулями, но пулями разрывными.

Тайга – закон... Он – вынужденный убийца, признающий в жизни только два резона: кровной мести вместо правосудия и первого выстрела как самого веского аргумента, – даже не подумал о том, что эти правила ни в коем случае не годятся для женщины – тем более такой, как Лида.

Напротив! Ярослав восхищался ею, ее смелостью, изощренной изобретательностью, иногда подсмеивался над ней, но и в мыслях у него не было остановить ее! Ужаснуться тому, что она делает, и заставить ужаснуться Лиду.

И при этом он мечтал о ней как о женщине, и хотел ее, и представлял, что мог бы рядом с ней обрести не найденное в других своих подругах... Она – его жена, мать его детей... Но муж и жена – одна сатана, и что же? У обоих руки в крови более чем по локоть.

И велика ли разница, что он в Стаса Морокова стрелял из обреза, а в тех двух педиков – из пневматического «вальтера»? А как насчет стрельбы через форточку Майи Майданской? Убийство мгновенное или пролонгированное остается лишением человека жизни, как ты ни выкручивайся, каких оправданий себе ни ищи.

Еще бы знать, чем так уж достала Лиду эта самая Майя, что именно она сделала с ее братом! Приходится на слово верить, что Лида имеет основания ее смертельно ненавидеть. Но от этого ему вовсе не легче.

Ярослав покачал головой. Нет, это ужас какой-то... Он забывается на минуту, но снова и снова возвращается к пугающей мысли: где искать Лиду, неведомо. Неведомо!

Стоп. Хватит причитать! За эти несколько дней общения, всецело подчиняясь целеустремленной женщине, ты, кажется, отвык думать самостоятельно. В таком случае твое место и впрямь в буфете.

Нет, еще что-то брезжит в голове. А именно: если ты не знаешь, где живет Лида, то это могут знать другие люди. Надо их найти. Кто они? Во-первых, это ее коллеги со студии телевидения. Но вряд ли их вот так запросто найдешь. На это нужно время, которого у него нет.

Пошли дальше. Адрес Лиды знает Лола, которая ночевала у нее в ту ночь, когда Лида впервые пришла к Ярославу. Это во-вторых.

Ну а в-третьих, наверняка этот адрес знает Виталий Привалов.

Ярослав нахмурился. Ну и помощники... С одной стороны, его собственная бывшая пассия, с другой – Лидин бывший муж. Ни ее, ни его видеть-слышать неохота. Но выбирать особо не из кого. К кому же торкнуться с вопросом – к Лоле или к Виталию?

С Лолой, пожалуй, общаться бесполезно. Она небось сразу швырнет трубку при одном только звуке голоса Ярослава. Небось до сих пор боится его до полусмерти и убеждена, что он

обуреваем жадной мести неверной любовнице.

Эх, дорогая! Знала бы ты, что больше не существуешь для Ярослава вообще как таковая, что он, как ни кощунственно это звучит, благословляет тот день, когда судьба вас развела. Потому что взамен эта самая судьба подарила ему другую...

Подарила! Не рано ли ты радуешься? Ты ее еще найди!

Так. Остается один путь - к Виталию. А конкретно - в ту же пятую больницу «Скорой помощи», где Ярослав уже был несколько дней назад. Сегодня Виталий должен быть на работе: Ярослав помнит, как Лида звонила бывшему мужу и обговаривала числа, когда он может заманить к себе Майю.

А интересно, была уже у него Майя? И сделал ли Виталий то, что должен сделать?

Может быть, да. Может быть, нет. И если нет...

Ярослав выбрался наконец из сугроба, который уже успела наместить вокруг его ног легкая поземка за то время, что он стоял перед адресным бюро, и поспешил к своему джипу. Развернулся и двинул было к Нижневолжской набережной, чтобы выбраться на Сенную площадь, а там проехать на улицу Нестерова в объезд (сущее безумие рвануться сейчас через площадь Минина, и она сама, и все прилегающие улицы перегружены), и не смог удержаться - покосился на вывеску клуба «Красная волчица». Да, опять снег испятнан сполохами, словно кровью! Красивая все же песня у этой Майи - про красную волчицу. И голос прекрасный. Да и сама она очень эффектна. Неужели такая очаровательная женщина, с таким великолепным голосом могла совершить нечто, за что ее надо столь жестоко наказывать?! Интересно, Виталий знает, в чем дело, чем так прогневила Майя Лиду? Если знает, то Ярослав выкачает из него эту информацию. А понадобится, и выбьет.

Он зло стукнул кулаком по рулевому колесу. Охлонись, парень! Если ты пытаешься остановить Лиду, то сначала остановись сам!

Ну как тут не вспомнить поговорку, которую она как-то раз при нем произнесла: «Врачу! Изцелися сам!»

Таких умных, как Ярослав Башилов, нынче в Нижнем нашлось много, и на подъеме к трамплину, на Сенную, образовался затор почти такой же, как на подъеме на площадь Минина. Одно утешение, что путь лежал мимо парка на Откосе, заснеженного, но оттого имевшего еще более величественный и роскошный вид. Ярослав шею свернул, поглядывая направо. Вот в тайге почти так же хорошо... До тайги этому чудному уголку природы было, конечно, далеко, однако у Ярослава всегда становилось легче на душе, когда он смотрел на заснеженные деревья. И отчего-то поверилось, что там, у Виталика Привалова, он не только узнает адрес Лиды, но и найдет ответы на многие свои вопросы.

Наконец джип подвернул к больничному боковому крыльцу - и тут в бок его чуть не ударил красный «Пежо», который разворачивался чрезмерно резво для этой довольно узкой улицы. Водитель, красивый блондин с зачесанными назад волосами, примирительно улыбнулся, успокаивающе махнул рукой; однако сидевшая рядом с ним женщина так мрачно сверкнула глазами вверх мехового воротника своей дубленки, словно это Ярослав чуть не протаранил бок их «Пежо».

Вид у дамочки был не просто угрюмый, но и совершенно больной. Наверное, муж забирает из больницы жену на Новый год. Везет же людям!

Лицо дамы показалось знакомым Ярославу. Да и красный «Пежо» он уже видел где-то. А где?

О ч-черт... Да где еще, как не на обочине, около клуба «Красная волчица»?! Именно там вечно торчала эта машина. А женщина... да ведь это Майя Майданская со своими знаменитыми красными волосами!

И она отъезжает от больницы... Понятно. Значит, только что побывала у Виталия. Ох и вид у нее... Неужели Виталий все-таки сделал то, к чему принуждала его Лида?

Нет, не Лида. Он, Ярослав!

Растерянно уставился вслед «Пежо», который уже спустился на Ковалиху и исчез за поворотом.

Первое желание было ринуться следом, остановить и сказать Майе... предупредить...

Чушь, глупость. Дело уже наверняка сделано. Бомба, заложенная им самим, взорвалась!

Одна надежда: Виталия не было на месте, или он просто не сделал того, что было приказано.

Ну да, как же! Эта трусливая овца, которую Ярослав так легко и просто скрутил в бараний рог? Сделал, все он сделал, конечно. Эх...

Устало выбрался из джипа, устало толкнул дверь приемного покоя и побрел вверх знакомыми переходами. Ну и пустота. Они что, всех больных разогнали по домам? Да уж, дома всяко лучше, чем здесь!

Вот и знакомая дверь рентгенкабинета. Интересно, что сейчас делает этот поганый Привалов? Докладывает об исполнении? Довольно потирает руки?

Ярослав с силой толкнул дверь, не вошел - ворвался в кабинет. И замер, по расхожему выражению, словно наткнувшись на незримую преграду.

Виталий Привалов скорчился на полу, плечи его вздрагивали.

При звуке шагов Ярослава он сделал попытку подняться, но хрипло закашлялся и снова уткнулся в пол.

- Что такое? - Ярослав шагнул вперед, приподнял Привалова. - Что с вами?

Того била дрожь. Да это бы еще ничего! Ого, какое лицо... Весь багровый, словно только что из петли вынутый. Душили его, что ли?

Кто? Неужели...

Привалов с усилием приподнял набрякшие веки.

- Ты? - В его глазах мелькнул ужас. - Теперь ты пришел?.. Да вы что, сговорились?

Он слабо повел рукой перед лицом Ярослава. Тот не сразу понял, что Виталий пытается оттолкнуть его, но не может ни сфокусировать взгляд, ни скоординировать движения. Да, крепко ему досталось... Интересно, *до* или *после*? В том смысле, что удалось Майе распознать «преступный умысел» до того, как Виталий воплотил его в жизнь, или уже потом? Получил Привалов аванс или полный расчет?

- Давай-ка поднимайся, - грубовато сказал Ярослав, изо всех сил подавляя в себе совершенно неуместное сочувствие к этому раздавленному человеку. Ничего, какие бы кары ни обрушились на голову Привалова, он их всяко заслужил. Хотя бы тем, что некогда продал и подставил друга!

А также за то, что некогда был мужем некоей женщины...

Вот именно! Прежде всего именно за это!

Ярослав перехватил Привалова под мышки, приподнял и, протащив несколько метров по полу, опустил в кресло у стола. Потом подошел к раковине в углу кабинета, обнаружил рядом в шкафу пакет ваты, оторвал клочок, намочил холодной водой и, вернувшись к Виталию, вложил мокрый комок ему в руки:

- Оботрись, полегчает.

Тот послушался, начал вытирать лицо. И вот уже вздохнул с облегчением, уселся поудобнее в кресле и откинул голову на спинку.

- Кто тебя так достал? - спросил Ярослав, вглядываясь в отекавшее лицо, с которого медленно, но верно начал исчезать багровый оттенок. И руками Привалов владел уже поуверенней. - Неужели Майя с муженьком? Я их видел, но мне и в голову не пришло, что он у нее такой рукастый.

Виталия ощутимо передернуло.

- Это не ее муж, - ответил он угрюмо. - Охранник, я так понял. Она его вперед пустила - я в полумраке купился, за тебя его принял, потом-то понял...

Понял? Ну а Ярослав отчего-то перестал понимать хоть что-то.

- Так ты успел сделать то, что от тебя требовалось? Или нет?

Из-под набрякших век сверкнул взгляд, полный такой ненависти, что Ярослав на миг оторопел.

- Да пошел ты... - выдохнул Привалов. - Понял? Им я ничего не сказал - и тебе не скажу. Провались ты пропадом, все вы провалитесь вместе с вашими играми! Я врач, понял? Врач, а не убийца! Я клятву давал! Давай бери удавку, доставай свою пушку, стреляй! Надоели вы мне все и эти две ваши фурии. Вы наемники, вы у них в руках просто тряпки, у Лидки с Майкой, ну а я - человек, понял? Если я что плохое сделал в жизни, так я за то заплатил. Лидка думает, у нее одной душа болит? И только ее брат свое отстрадал? Ничего, не только на зоне страдают, можно и на свободе так себя измучить, что самому в петлю впору полезть... Да вам не понять, ни тебе, ни ей, ни Майке! А потому пошли вы все! Не будет по-вашему! Не будет!

И он, вдруг вытянув руку, оттолкнул Ярослава с такой силой, что тот покачнулся и хоть удержался на ногах, но с немалым трудом.

В основном покачнулся он от изумления.

Потому что вслед за эти выкриком Виталий сгорбился в кресле, закрыл голову руками и замер.

Он что, в самом деле ожидал, что Ярослав начнет сейчас его избивать?!

С лицом Ярослава вдруг что-то сделалось: щеки словно обожгло. Немножко подумав, он

сообразил, что покраснел – видимо, от стыда. Давненько не приходилось, даже отвык малость.

Посмотрел на поникшие плечи Виталия, покачал головой.

- Успокойся, я тебя не трону, – буркнул не столько сердито, сколько озадаченно. – Одно скажи: ты что-нибудь *сделал*?

Виталий согнулся еще сильнее, еще крепче обхватил голову руками. Промычал что-то невнятное... хотя нет, при известной фантазии можно разобрать:

- Пошли вы все!

И Ярослав понял, что ничего не добьется от Виталия. И ему больше ничего не остается, кроме как выполнить это благое пожелание.

Он развернулся на каблуках и шагнул к двери, как вдруг вспомнил, зачем, собственно, сюда пришел.

Вернулся к креслу.

- Виталий, слушай, у меня к тебе большая просьба.

Пальцы, сцепленные в замок на затылке, чуть дрогнули.

- Скажи, как найти Лиду?

- Кого? – глухо проворчал Виталий. – Лидку? А где она? Что, дома нет? Ну а мне откуда знать, где она может быть?

Ярослав вздохнул с глубокой ненавистью – что характерно, к самому себе.

- Адрес мне дай ее домашний.

Виталий разомкнул руки, чуть приподнял голову:

- Ты что, адреса не знаешь?!

- Представь себе! – огрызнулся Ярослав, которому остро надоело чувствовать себя идиотом.

- Да иди-ка ты... – недоверчиво пробормотал Виталий.

- Иди сам! Вот напряги мозги и представь: я не знаю ее адреса. Всегда она меня находила: или приезжала, или звонила. А где она живет, мне неизвестно.

- Ну и зачем она тебе вдруг понадобилась? – просипел Виталий. – Доложить, что я дело провалил? Ну, ради этой информации она и сама тебе позвонит. Так что вали домой спокойно и жди, когда Лидка снова кнутом щелканет.

Ого... Что-то Привалов реабилитируется чрезвычайно быстро... Вот уже и выпрямился!

Ярослав подавил желание снова затолкать его поглубже в кресло и коротко ответил:

- Мне нужен ее адрес, чтобы с Новым годом поздравить.

Виталий глянул исподлобья:

- С Новым годом? Пошли открыточку по электронке. Адрес - Погодина ЛН, собака, точка, ру. Все пишется без пробелов, ну и латинскими буквами, конечно. Точка только одна, не перепутай.

Насчет «Погодина ЛН, собака» Ярослав напрягся только в первый момент. Как ни далек он был от интернетских прибабасов, а все же слышал об этой самой собаке, которую некоторые, правда, называют обезьяной. Впрочем, еще неизвестно, что звучит более оскорбительно...

Усмехнулся. Оказывается, Виталий Привалов - большой юморист! Неужели не понимает, как опасно шутит? Или охранник Майи Майданской излишне размахался кулаками и что-то невзначай отшиб Виталику? Какой-нибудь там нервный центр осторожности? Что-то уж больно он раздухарился...

И все-таки Ярослав сдержался, повторил спокойно:

- Мне нужен ее домашний адрес.

И тут Виталий посмотрел ему прямо в глаза.

- Бунт роботов? - спросил хрипло, но вполне внятно. - Ну и ну... А я-то думал, ты ее хахаль. А ты и правда всего лишь наемник. С Новым годом поздравить, говоришь? Знаю я вас... Не сошлись в цене? Или как? А не скажу я тебе Лидкин адрес, понял? Не скажу! Что хочешь со мной делай! Я уже привык!

И снова сгорбился, закрыл голову руками, продолжая выкрикивать в согнутые колени:

- Не скажу! Не дам адреса! Не дам тебе Лидку! Еще и позвоню ей, предупрежу, что ты ее ищешь. Пусть милицию лучше вызовет, пусть из дому уйдет, скроется. Не найдешь ее! Сейчас позвоню...

Ярослав вдруг сообразил, что такую позу, какую принял Виталий, в самолетах рекомендуется принимать в аварийных ситуациях.

Он смотрел на Привалова и с издевкой вспоминал свои надежды. Нашел, да уж, нашел ответы на вопросы! Еще больше нацеплял на себя этих самых вопросов, словно бродячий пес - репешков!

Пожал плечами и пошел к двери. Вдруг взгляд его упал на телефонную розетку. И тут Ярослав позволил себе наконец-то хоть немного отвести дух. Мало того, что выдернул из розетки вилку телефона - так еще и оторвал вилку от провода и сунул к себе в карман.

Звони теперь, звонила!

И вышел вон, шарахнув дверью о косяк.

Так сказать, вышиб дно и вышел вон.

24 мая 2002 года

Весь вечер шел дождь, а ночью стих. И ветер стих, и резко потеплело, и чудилось, будто вся сирень, которая только была в этом большом городе, внезапно раскрыла все свои цветки, все бутоны и ударила залпом такого благоухания, что всем спящим снились нынче волшебные, романтические, изумительные сны про первую любовь, которая сбывается - не умирает в

веках, не сменяется своей противоположностью, не разбивается о быт и денежные проблемы, не тонет в зыбучих песках неисполнившихся желаний... про вечную любовь!

Думала об этом и молодая женщина, которая в четвертом часу ночи сидела на полу, скрестив ноги, слушала тихую музыку «Радио 7 на семи холмах» и вытряхивала на пол содержимое каких-то папок, тетрадей, блокнотов, конвертов, книг и записных книжек, которые громоздились вокруг нее бесформенными грудями. Эта молодая женщина была Лида Погодина. А вещи, которые она перебирала, были вещами ее брата Сергея.

Что искала она? Хоть какие-то следы Майи Майданской в жизни брата.

Искала - и не находила ничего.

Чем больше проходило времени, тем больше она убеждалась: этих следов либо нет, и тогда Григорий клинически, катастрофически ошибается, либо эти следы все уничтожены Сергеем.

Когда?

После возвращения из лагеря?

Нет, вряд ли. Ведь, приехав из Парижа, Лида застала эту комнату практически в таком виде, в каком она пребывала до самого прихода Сергея домой. Это сейчас здесь царит сущий бедлам, а все эти годы книжки были ровненько расставлены по полкам или связаны в стопки (у Сергея было столько книг, что они не помещались в шкафу), так же были увязаны и его старые, еще студенческие тетрадки с конспектами и лекциями. Одежда Сережина была сложена и развешана в гардеробе. Только тетя Сима умела так аккуратненько укладывать вещи. Значит, этот образцовый порядок в комнате племянника навела она - после его ареста. Наверняка квартиру обыскивали. Ну и вот после этого тетя Сима все убрала, разложила - и осталась тут одна, среди всего этого порядка: ждать, пока вернется Сережа. Но не дождалась...

Лида с трудом встала, прошлась по квартире, разминая затекшие ноги, съела на кухне яблоко и вернулась в разоренную комнату. Снова села на пол и принялась потрошить еще оставшуюся нетронутой стопку старых журналов.

Значит, так...

Предположим, что свидетельства романа Сережи и Майи были изъяты при обыске.

Вряд ли. Тогда на суде дело повернулось бы совершенно иначе. Осложнило бы это Сережино положение или нет, Лиде трудно судить, но Марк Соломонович уж наверняка сообщил бы об этой ситуации навязчивой «кропательнице детективных романов». Значит, обыск тут ни при чем.

А что, если все уничтожил сам Сергей? Заранее? Накануне убийства?

С какой радости? Предчувствовал, что это может произойти? Прочел неблагоприятный гороскоп на день? Видел вещий сон?

Нет, вряд ли, ни в астрологию, ни в сны, ни во всякое такое Сережа не верил и высмеивал сестру, которая одно время очень внимательно почитывала «Тайную власть» и «Оракул». Так что насчет вещих снов это скорее Лида большой специалист...

Оставим в покое сны и предчувствия, призовем на помощь элементарную логику. Можно

предположить, что Сергей еще накануне решил покончить с Майданским. И тогда Гриша прав: ссора была неслучайной. Возможно, брат сам ее спровоцировал. Если Майданский был нетрезв, Сереже легко удалось вывести его из душевного равновесия! А потом...

В пользу этого довода говорит, между прочим, и то, что Сергей очень кстати оказался в тот вечер вооружен. «Случайно» нашел пистолет под каким-то там крыльцом! Всякое бывает, конечно, но уж больно все сходится одно к одному! Эх, жаль, тот старый дом давно снесен, не найти хозяйки, которая свидетельствовала на суде: да, Сергей Погодин и впрямь *случайно* нашел пистолет под крыльцом в разрушенной части дома... Но какой смысл искать Лиде ту женщину? Неужели она будет опровергать собственные показания? Ради чего? К тому же вполне возможно, что так оно и было, вернее, так оно и выглядело. К примеру, Сергей заранее спрятал там оружие, потом пришел в гости к этой знакомой, стал играть с ее собакой, заглянул под крыльцо: «А что это там такое лежит?!» Такие *случайности* организовать очень просто. Особенно с изощренным умом Сергея. К тому же он обладал особым даром убеждать людей, заставляя их смотреть на события его глазами. Конечно, до поры до времени, но все-таки...

Ладно. Что же следует из того, что Сергей подстроил эту случайность с пистолетом и сымитировал ссору с Майданским? А то и следует, что это было убийством с заранее обдуманым намерением. И Сергей знал, что за это последует расплата. Арест, обыск... Он знал, что сюда придет милиция. И сделал все для того, чтобы отвести подозрения от своей возлюбленной. Подозрения в соучастии! Можно себе представить, какая шумиха поднялась бы вокруг Майи, если бы ее заподозрили в связи с Сергеем! Тогда бы ей не удалось так легко прибрать к рукам капиталы Валерика Майданского!

Лида резким движением прижала к груди журнал. Мысль, вспыхнувшая в голове, была ослепительна и болезненна, как настоящий ожог.

Нет, нельзя такое думать о своем брате! Невозможно представить, что Сережа убил Майданского из корысти! Невозможно представить, что он нарочно уничтожил все свидетельства своей любви к Майе, чтобы она осталась в стороне, получила деньги, наняла на эти деньги превосходного адвоката для своего любовника и потом поддерживала его существование в лагере, ожидая, пока кончится срок, пока он выйдет и вернется к ней.

Невозможно представить? Да нет, представить как раз очень просто. Поверить невозможно! Сережа не мог, не мог быть таким...

Каким? Что ты знаешь о своем брате? Вся твоя взрослая жизнь прошла вдали от него, эти годы изменили не только тебя, но и его, а ты все еще видишь в нем веселого мальчика, который когда-то играл с тобой в прятки в старом деревенском доме. Уже ведь было такое в жизни, что брат не просто разочаровал тебя, но оттолкнул от себя. В той давней истории с разводом. Он не пожелал понять, разобраться, почему сестра вдруг решила бросить мужа. Даже не задумался, что это с ней вдруг произошло! Ну да, Лиде не хватило сил открыть Сергею правду насчет вояжа Виталия на Дальний Восток и той истории в Красноярском аэропорту. И Сергей подумал, что она бросила Виталия именно из-за безденежья, из-за развала их фирмы, из-за того, что перестала верить в него и решила искать другой судьбы.

Тебе уже тогда показалось, что ты говоришь с совершенно чужим человеком, что ты словно стучишь в запертую дверь. Уже тогда ты поняла: если Сергей что-то вбил себе в голову, это никакой силой не выколотишь. Он был упрям, несдвигаемо упрям – порою даже вопреки разуму. У него были свои, совершенно непонятные Лиде взгляды на жизнь. А душа... о, душа его и впрямь была – сплошные потемки! Это она сообразила. Почему же ты думаешь, что эта странная натура могла измениться? Почему в глубинах этой души, этого изощренного и в то

же время упрямого разума не мог вызреть замысел об убийстве ненавистного Валерика Майданского?

Но зачем, ради всего святого, его понадобилось убивать явно?! Зачем на глазах у всех? Почему не тайком, не из-за угла? Почему нельзя было подстроить так, чтобы самому остаться ни при чем?

Наверное, все из-за того же неразумного чувства, которое когда-то заставило Сергея – вопреки доводам логики и даже вопреки родственной любви – принять сторону «несправедливо» брошенного Виталия Привалова и поссориться с сестрой. Сережа не мог убить из-за угла – не мог, и все тут. Он должен был сойтись с Майданским лицом к лицу, может быть, он даже хотел, чтобы тот в последние минуты видел, *кто* его убивает, вспомнил бы, возможно, ту давнюю историю с «хорошей девочкой Лидой»...

Так это было или не так – кто теперь объяснит?

Но тут должно быть еще что-то... еще какая-то причина... Может быть, Сережа пошел на это открытое, демонстративное убийство именно ради Майи? Потому что убийство из-за угла непременно бросило бы подозрение на вдову Майданского. Ищите, кому это выгодно! И даже если бы Майе удалось доказать свою непричастность, все равно пошли бы разговоры, которые крепко повредили бы ей, ее репутации. А любовники, судя по всему, об этой самой репутации крепко заботились. И позаботились до конца. Строго говоря, Сергей принес ей в жертву свою жизнь.

Но, конечно, они думали, что судьбу удастся обмануть. И тогда все наладится, исправится, все будет хорошо! Только – дожждаться...

И она верила в это! *Я была убеждена, что после смерти мужа должна похоронить себя, поставить крест на личном счастье. На долгие годы, может быть, даже навсегда.*

Навсегда – это означало для нее – до возвращения Сергея. Но вот однажды ее поразила любовь, и она забыла человека, которому была всем обязана: свободой от ненавистного мужа, богатством и счастьем.

Сергей прочел ее письмо и открыл в нем именно тот смысл, который вкладывала в свои слова Майя: любовь прошла, любовь в прошлом, с ней придется проститься и никогда больше не возвращаться к ней!

Сергей понял это – и не смог пережить.

Чего именно? Того, что Майя предала его? Или того, что он преступил закон совершенно напрасно? Что он сам *ничего* не получает, *никакой* выгоды, а только теряет *все*?

Да неужели так оно и было?!

Неужели брат Лиды – хладнокровный, расчетливый убийца?

Брат... Тот самый Сережа, который однажды возник на пороге и шелестящим шепотом попросил приютить его на несколько дней в собственном доме. Тот самый Сережа, который одной рукой пытался достать справку об освобождении и предъявить родной сестре, чтобы узнала его. Тот самый Сережа, который лежал, чуть повернув белое, мертвое лицо, выслушав перед *последней дорогой* песню о красной волчице. Песню, которую поет – и, наверное, пела и раньше – Майя Майданская. Песню, которая напоминала ему о ней!

А, ну теперь понятно!

С тех пор я навсегда в твоём плену.
Взошла луна. Снег под луной кружится.
И волчья стая воет на луну...
Я умираю, красная волчица!

И он умер, красная волчица. Он умер!

Лида с бессознательной яростью отбросила от себя журнал. Он пролетел через комнату, ударился о стенку и упал, распахнувшись на середине. И выпустил из плена страниц фотографию, словно птицу – из клетки.

Несколько мгновений Лида смотрела на белый прямоугольник – снимок упал изображением вниз, – потом быстро-быстро переползла на коленках по комнате и схватила фотографию. Перевернула ее.

Черно-белый снимок. Несколько лиц. Но взгляд сразу нашарил одно – родное.

Вот Сергей! О господи, какой он красивый! Какой четкий, чеканный профиль! Ветер бьет ему прямо в лицо, волосы отлетели со лба. Какой умный у него лоб. Губы словно резцом вырезаны. Ослепительная улыбка. Эта улыбка и взгляд Сергея устремлены на молодую женщину.

Майя!

Вокруг какие-то люди, они хохочут, гримасничают, машут руками, но эти двое смотрят друг на друга и, кажется, больше никого не видят. Сергею ветер в лицо, а Майе – в спину, и ее длинные волосы летят к нему, опутывают его шею и плечи, словно обнимают. Они не могут поцеловаться при людях, но их взгляды слиты, словно губы в поцелуе.

О чем они думают? Какие слова мысленно говорят друг другу? Не эти ли?

Навеки отражен в глазах твоих,
Навеки опьянен тобой, волчица...
Мы обрели свободу для двоих
И поклялись навек не разлучиться.

Лида опустила руки, отвернулась.

Да, Григорий был прав. Она и в самом деле глухая, слепая, глупая дура. Так ничего не понимать...

Одно утешение – что *никто ничего не понял*. Ни-кто другой, никто чужой не заглянул в эту тайну. Ни знакомые, ни друзья, ни следователи, ни судьи. Даже изощренный Марк Соломонович. Сережа всех обманул своим молчанием, Майя – своей наивной хитростью. И если бы не роковая встреча Майи с тем кудлатым парнишкой, перевернувшая три судьбы, любовники после возвращения Сергея снова встретились бы, снова посмотрели бы друг на друга с той же ошалелой страстью, с какой смотрят на этой фотографии.

Почему Сережа не уничтожил снимок? Забыл? Или в суете фото просто не попалось ему под руку, затерялось в журнале? Может быть, не нашел сил порвать фотографию и решил оставить хоть что-то на память? Или счел, что присутствие посторонних людей делает снимок неопасным, как бы размывает, сглаживает их с Майей отношения?

А вот, интересно, эти люди *знали*?

Лида снова взгляделась в снимок. Кроме Сергея и Майи, на нем были изображены еще четверо.

Полная молодая женщина с тем веселым, проказливым выражением лица, какое бывает именно у толстушек, убежденных в своей неотразимой привлекательности. Лида знает сколько угодно таких милых женщин, которые едят, что хотят, и от души жалеют вечно голодных, несчастных худышек, посвятивших себя самоистязанию в угоду каким-то там шейпинг-стандартам. А проблему одежды, которая в один прекрасный день вдруг становится тесной, эти веселые толстушки решают очень просто: покупают себе юбку или платье на размер больше – приятней оно и прелестней!

Рядом с веселой женщиной стоит худосочный молодой человек в огромных очках, которые, кажется, только и делают, что спадают с его длинного, унылого носа. Именно попытки беспрестанно удерживать очки на переносице и придают его физиономии столь сосредоточенное выражение, а вовсе не какая-то интенсивная мыслительная деятельность.

Еще один мужичок на фото – с толстыми щеками и отвислым брюшком большого любителя пива. Ничем не примечательная внешность.

А это кто? Знакомое лицо... Курносый нос, улыбчивый рот сладкоежки и бабника, пышная шевелюра... Почему-то это лицо ассоциируется у Лиды с гитарным перебором, с хрипловато-разудалой классикой жанра: «Люблю тебя я до поворота, а дальше как получится!..»

Стоп, ребята. Так ведь это же Вадик Приходько, Сережин друг, а также приятель Виталия Привалова, бывшего Лидиногo супружника. Ну конечно, это он! Что характерно, Вадик единственный отозвался на Лидин звонок насчет похорон Сергея. Ему, как и многим другим, она оставила сообщение на автоответчике. На похоронах Вадик не появился, однако уже после сороковин позвонил Лиде и сообщил, что на два месяца уезжал в гости к сестре, которая теперь живет в Канаде. Поэтому не мог быть на похоронах. А теперь вернулся и выражает... ну, и всякое такое.

Лида тогда поблагодарила его за звонок и свернула разговор, потому что очень уж Вадика раздрало любопытство, очень уж назойливо выпрашивал он, как и отчего умер Сережа. Право слово, такой пристальный интерес к подробностям смерти брата показался Лиде если не оскорбительным, то не вполне приличным. И вообще, это было совершенно не похоже на прежнего тактичного, деликатного Вадика. Понятное дело, она постаралась поскорей отделаться от него. И вот теперь Лиду вдруг так и пронзило догадкой: а что, если Вадик интересовался смертью Сергея не столько из собственного любопытства, сколько по просьбе Майи? Уж наверное, ее не могло не заинтересовать, как окончил жизнь человек, который сделал ее счастливой, а сам добровольно дал себя распять на кресте! Который для нее такую жертву принес?..

А если так, значит, Вадик до сих пор дружен с Майей. И определенно мог быть в курсе их с Сережей романа. Может быть, его даже удастся уговорить рассказать, что там происходило между ними!

Вопрос, как его уговорить... Ведь он мог тогда обидеться на Лиду и теперь полезет в бутылку...

Значит, надо придумать что-то такое – особенное. Что-то сказать ему...

Ничего. До утра еще есть время, чтобы придумать!

31 декабря 2002 года

Как говорила бабушка, хоть иди топися в Завитую! Завитая – это речка в Амурской области, недалеко от Благовещенска, Ярослав там не раз бывал, а бабушка его была родом с этой самой Завитой.

И впрямь – положение аховое. Ведь еще неделю назад он бы ничтоже сумняшеся поднял руку (да и ногу, чтобы пнуть под ребро поувесистей) на раба божьего Привалова, тем паче чтобы выбить из него адресок любимой женщины. А теперь даже не удосужился сунуть руку в карман курточки и достать испытанный «вальтер». Даже психическую атаку сил не хватило провести. Даже в голову это не пришло! Настолько очеловечился, киборг? Ну вот и сиди теперь...

Ярослав и сидел, тупо глядя на панель управления. Потом достал мобильник и набрал ноль девять.

- Погодина Лидия Н., – сказал он неуверенно, когда отозвалась какая-то восемнадцатая. Отчества Лидинога он не знал, но Виталий, называя электронный адрес, сказал: Погодина Л.Н.

- Н.? – повторила восемнадцатая. – Николаевна? Никитична? Никодимовна? Никифоровна? Ниловна?

- Ниловна! – ужаснулся Ярослав. – Не знаю, думаю только, что не Ниловна.

- Адрес?

- И адреса не знаю.

Если б он знал адрес! В том-то вся и штука!

- Ну и как я вам буду искать эту Погодину? – фыркнула девица.

- По фамилии, – подсказал Ярослав.

- По фамилии? – похоже, такой простой вариант барышне и в голову не приходил. – Попытаюсь... – Последовала минутная пауза, потом беспощадный ответ: – Никакой Погодиной Л.Н. у нас нету.

- Как так?

- Да так, – начала сердиться дежурная. – Раз, два, три... пять... девять разных Погодиных, но Л.Н. среди них нет. Если телефон записан не на эту вашу Лидию Н., значит, в справочной ее нет.

Может, и правда, телефон был записан на ее брата, и Лида до сих пор не перевела его на свое имя? А как звали брата? Сергей, вот как!

- Девушка, посмотрите...

«Только в трубке гудки, гудки...»

Зараза!

Ярослав снова взялся набирать номер справочной, однако на табло постоянно высвечивалась надпись: «Номер занят. Перенабрать?»

Перенабрать, конечно.

Толку никакого.

Поставил на автодозвон – сидел в напрасном ожидании минут десять, не меньше.

Наконец плюнул на это дело и отсоединился.

Да что же такое? Неужто не судьба?! Неужто придется смириться с неудачей?

И как всегда при словах «смириться» и «не судьба», им овладел такой неистовый азарт, что он предпочел бы голову о стенку расшибить, чем не добиться того, чего хочет.

Подумал хорошенько. Снова достал мобильник и, нахмурясь и качая головой (очень не хотелось этого делать!), набрал номер сотового телефона Лолы.

Глубоко вздохнул, репетируя спокойную интонацию: чтобы не напугать ее самым звуком своего голоса, чтобы не прервала разговор после первых же его слов.

Очень боялся, что телефон окажется заблокирован – Лола систематически забывала оплачивать разговоры, раньше это делал Ярослав со свойственной ему аккуратностью, а теперь кто? Но, видимо, нашлось кому это делать, а может, Лола сама взялась за ум: слышались нормальные гудки. Однако ответа Ярослав не дождался. Нажал на «сброс», снова набрал номер – и только головой покачал, услышав компьютерный голос: «Аппарат абонента выключен или временно недоступен».

Он что, номером ошибся? Набрал снова – тот же результат.

А, ну понятно. Видимо, на дисплее Лолиного мобильника высветился его номер, вот она, перепугавшись, и выключила телефон вообще.

Плохи дела, совсем плохи. Придется звонить ей домой.

Позвонил. Трубку взяла Лолина мама. Ярослав ее в глаза не видел, но по телефону неоднократно общался и знал, что она весьма разговорчива – это раз, и Лола ее держит в стороне от своей личной жизни – это два. Уповая на это, он надеялся, что Нина Петровна (так звали маму) ничего не знает о разрыве дочери с Ярославом.

Поздоровался с несостоявшейся тещей, велеречиво поздравил с Новым годом, выслушал отчет о самочувствии и погоде. Особенно затянулся рассказ об этой последней, как будто жил Ярослав не в одном городе с Ниной Петровной, а где-нибудь либо в Красноярске, либо в Краснодаре, либо еще где-то очень далеко.

- Нина Петровна, а Лола дома? – наконец-то прорвался он в метеорологическую паузу.

- Нету, милый Ярик, – поведала та, и означенного Ярика явственно перекосило. Довольно скучно носить имя, от которого невозможно произвести уменьшительно-ласкательную форму. Вот и изощряются кто во что горазд. Но уж лучше пусть Яриком зовут, чем Славиком! – Она нынче работает. Утром детский утренник, сейчас на вечере выступает, ну а потом начнется рейд по заказам.

- По каким заказам?

Мелькнула мысль, что несостоявшаяся невеста теперь пошла в эскорт-леди. Вот-вот, это как

раз по ее темпераменту!

- А Снегурочкой, с Дедом Морозом ездить.

Точно, вспомнил Ярослав, Нина Петровна уже рассказывала ему, что Лола подрядилась в новогоднюю ночь поработать в какой-то фирме «Ваш досуг». Но это было чуть не две недели назад, с тех пор столько всего произошло, что он успел об этом позабыть. Где ж ее теперь искать, заразу? Может, в этом самом «Досуге» подскажут?

Только вот как найти саму фирму?!

Тут ему повезло: Нина Петровна вспомнила, что у нее где-то записан телефончик. И даже отыскала его. Ярослав повторил заветный набор цифр и торопливо простился с милой дамой.

Конечно, в этом самом «Досуге» сейчас, в восьмом часу новогоднего вечера, может никого и не быть...

Но трубку взяли!

- С Новым годом! - жизнерадостно воскликнул Ярослав.

- С Новым, - подтвердил молодой голос.

- Это «Ваш досуг»?

- Точнее, ваш, - хихикнул голос. - Что угодно? Только сразу предупреждаю: если нужна новогодняя бригада, то приема заказов больше нет.

Ярослав сообразил, что «новогодняя бригада» - это именно Дед Мороз и Снегурочка.

- Честно говоря, мне именно бригада и нужна, - сказал он самым огорченным голосом, на какой только был способен.

- Всей душой рад оказать вам содействие, - прочувствованно отозвался диспетчер, - но... увы. Ажиотаж нынче страшнейший, все желают непременно видеть у себя за праздничным столом и Дедушку Мороза, и его беленькую внучку, и бабушку Ягу. У нас тринадцать бригад, и, вообразите, у каждой ночь расписана по минутам: четверть часа на объект - и вперед, к новому заказчику.

Тринадцать бригад?! Ну и размах. Как же найти Лолу? Может, слезу пустить?

- Молодой человек, вы понимаете, тут такая ситуация... - самым несчастным голосом сказал Ярослав. - Мне вовсе не нужна бригада, я свою девушку ищу. Мы поссорились, но я не могу допустить, чтобы мы вот так, в плохих отношениях, встретили Новый год. Телефон она отключила, хочу найти ее и сказать, что я был не прав. Она у вас Снегурочкой сегодня ночью работает. Лола Мартынова ее зовут.

- Лола Мартынова? Снегурочкой? - фыркнул диспетчер. - Нету у нас такой Снегурочки.

У Ярослава упало сердце.

- Снегурочки нету, - повторил диспетчер. - Зато есть Баба-яга в десятой бригаде. Устроит?

- Устроит! - завопил совершенно счастливый Ярослав. - Какая мне разница?

- И то, - согласился покладистый диспетчер. - Я тоже считаю, что разницы, по большому счету, никакой. И все же я не совсем понимаю, как вы намерены сегодня отыскать свою Бабу-Снегурочку.

- А очень просто! - воскликнул окрыленный Ярослав. - Вы мне продиктуете телефоны и адреса тех людей, к которым поедет нынче десятая бригада. А я уж сам вызвоню или выловлю Лолу. Идет?

- Не-а, - отозвался голос. - У них знаете сколько заказов? Шестнадцать! Это мне вам придется час диктовать, а я не могу телефон столько времени занимать. Линия должна быть свободна - мало ли какие проблемы возникнут в бригадах. Если хотите, подъезжайте к нам на фирму. Я вам распечатаю адресочки на компьютере, все чин-чинарем. Только имейте в виду - это платная услуга.

- Куда ехать? - спросил Ярослав, заводя мотор.

- На проспект Ленина, - ответил диспетчер и сообщил номера дома и офиса. - А цена вас не интересует?

Ярослав выключил телефон, швырнул его на сиденье и наконец-то покинул надоевшую стоянку у пятой больницы «Скорой помощи».

По счастью, движение на улицах рассосалось. Пора бы, конечно. Нормальные люди давно уже наводят последние штрихи на новогодний стол и на свой собственный наряд. Один Ярослав Башилов мотается по улицам в погоне за призраком. Голодный, так сказать, и холодный. И принарядиться ему некогда.

Вдруг вспомнилось, как мама читала ему «Приключения Буратино»: «Все мальчики и девочки напились горячего молока и спят в своих кроватках...»

Ярослав коротко хохотнул и увеличил скорость. Ничего, не все потеряно! Он уже спустился по Окскому мосту и вот-вот выедет на Ленинский проспект.

Настроение, впрочем, улучшилось ненадолго.

А что, не за призраком разве он гоняется? Очень может статься, что Лида вовсе не ждет его дома, а ушла в какую-то компанию. И, даже найдя адрес, он примчится к ней, чтобы уткнуться в запертую дверь.

Ну и ладно. Ну и уткнется. Она ведь все равно вернется - хотя бы утром. Тут главное - терпение. Если он смог дождаться ночью на березе, когда вспыхнет свет в окошке Стаса Морокова, то уж как-нибудь дождетсЯ возвращения женщины, которая... которую...

Ладно, есть еще время решить, что он скажет сегодня Лиде и скажет ли вообще. Но всяко можно запастись необходимым джентльменским набором, с которым не стыдно явиться в гости.

А может, для начала замаскироваться? Чтобы Лида его сразу не выгнала, прямо с порога?

Ярослав притормозил около большущего магазина и через пять минут вышел оттуда, полностью экипированный: в одной сумке, самой большой, находился костюм Деда Мороза с шапкой и бородой, в другой, самой маленькой, зато самой нарядной, - духи «Зеленый чай», в третьей сумке, средней по размеру, - бутылка шампанского, и не какой-нибудь там «Розовый

жемчуг» («Игристое Донское») или «Советское полусладкое», а настоящий «Дом Периньон» более чем за полсотни баксов, с коробкой французских конфет «Леонидас» – тоже баснословной цены – и с полукилограммовым куском французского же твердого сыру «Комтэ» (дороженного до жути), до которого Ярослав был большим охотником. Вообще, по его мнению, это был самый вкусный сыр на свете. Не то чтобы Ярослав был таким уж специалистом во французской кухне, однако, узнав, что Лида несколько лет жила во Франции, успел теоретически подковаться – методом проб и ошибок.

При одном взгляде на матово-желтый, вспотевший в своей вакуумной облатке кусок «Комтэ» ему захотелось есть, однако было не до того – погнал по Ленинскому проспекту, вглядываясь в номера домов. А вот и нужный! Пятиэтажка-хрущевка. Наверное, бывшее общежитие, сейчас отданное под самые разнообразные конторы.

Офис Ярослав нашел безошибочно, потому что, как раз когда он въехал во двор, у второго подъезда остановилась раздолбанная «волжанка», вся в надписях «С Новым годом!», в еловых ветках (отчего малость смахивала на катафалк) и нарисованных снежинках. Из машины вывалилась преинтереснейшая троица: долговязая Снегурочка, такая же Баба-яга, а между ними – некий маленький оборвыш, которого фактурные дамы играючи волокли под руки, порою даже приподнимая над землей. Оборвыш был одет в экстремальный свитер, тугие джинсы и ботинки на толстой подошве. У него была клочковатая белая борода, но при этом темные взъерошенные волосы и молодое озабоченное лицо.

«От потрясений борода поседела, что ли?» – удивился Ярослав, входя вслед за этими персонажами, достойными кисти Дали, в офис.

Это была однокомнатная квартира, невероятно захламленная пустыми бутылками, какими-то коробками, мешками и апельсинными корками, которые валялись под ногами. Народ сновал туда-сюда: деды – морозы, снегурочки, санта-клаусы, бабки-ежки костяные ножки, зайцы, лисы, серые волки и медведи разных цветов, вплоть до нетрадиционных. Они получали какие-то распечатки из рук худенького козлобородого парнишки с хвостом (на голове – необходимое уточнение!), сидевшего за компьютером. По голосу Ярослав узнал своего недавнего собеседника и стал прикидывать, как бы к нему приблизиться: клубившаяся очередь пока не давала такой возможности.

В это мгновение ему повезло: встреченные во дворе Снегурка и Яга ринулись вперед, используя своего оборванного спутника в качестве тарана, и в секунду пробились к диспетчеру. Ярославу оставалось только своевременно пристроиться им в кильватер, что он и сделал.

– Санта Мадонна, – тихо сказал диспетчер при виде троицы. – А костюм твой где?! Дед-морозовский?!

– Сорвали, – пояснил белобородый парнишка. – И в ключья!

– Аллах акбар! – в ужасе воззвал диспетчер.

– Воистину акбар! – отозвался пострадавший. – Только его милостью и ушел живым.

– Вай?! – простонал диспетчер.

– А бикоз, – в тон ему ответил бывший Дед Мороз. – Политический конфликт приключился! Я ведь на выборах летом подрабатывал в штабе нынешнего мэра. И у других кандидатов штабы свои имелись. Обстановка накаленная была, сами помните... неформальная. И пиар черный, и

отношения такие же. И вот в одной квартире, вообразите, лицом к лицу я столкнулся со своими бывшими оппонентами – из штаба господина Ломова. Ну, они меня узнали и почему-то решили, что я в образе Деда Мороза явился над ними поиздеваться. Особенно им борода моя отчего-то не понравилась. Бороду-то я спас, как видите, – он гордо закинул голову и повертел ею, демонстрируя опушенный белым искусственным мехом подбородок, – а вот костюм... увы...

- Что, отняли? – с ужасом спросил диспетчер.

- Сняли и в клочки порвали, – со вздохом сообщил пострадавший Дед Мороз. – Вон девчонки не дадут соврать.

Девчонки – Снегурочка и Баба-яга – истоиво закивали.

- Так что выдайте другой костюмчик, – продолжил раздетый, – и мы поедem дальше. У нас же еще весь список впереди, нельзя терять ни минуты.

- Да где ж я тебе возьму другой костюм?! – в ужасе вскричал диспетчер. – Нету запасных! Все разобрали! Только наряд Бабы-яги остался!

- Ну, Баба-яга в наборе уже имеется, – отозвалась дама в костюме Костяной Ноги. – Куда ж нам две?

При звуке ее голоса Ярослав вздрогнул и стал внимательно вглядываться в загримированное лицо.

Не может быть... Да ведь это Лола!

- Да, две Бабы-яги – это, пожалуй, чересчур, – простонал диспетчер. – Круто, ребята... Ну, что делать, будем как-то выходить из этой экстремалки!

- Как? – хором спросили оборванный Дед Мороз, Снегурочка и Баба-яга, с которой Ярослав теперь, не вполне веря удаче, глаз не сводил: боялся, вдруг вскочит на помело и улетит!

- Легко! – пожал плечами козлобородый диспетчер. – Разделим ваши заказы между другими бригадами, а вы поедете по домам.

- А как же наши деньги?! – вскричала несчастная троица.

- Их получат достойнейшие! – глумливо отозвался бессердечный диспетчер. – Если бы у вас был костюм...

- У них есть костюм, – вмешался Ярослав. Все обернулись на него. Но если прочий народ оставался на местах, то Баба-яга вдруг резко рванула в сторону. Правда, Ярослав ожидал чего-то в этом роде и успел цапнуть ее за руку.

- А, это вы звонили? – воскликнул диспетчер. – Я вас узнал по голосу. А вот и ваша Лола, видите, как удачно, она сама нашлась. А у вас правда есть костюм?

- Пустите! – запищала Лола, пытаясь вырваться.

- Цыц! – сделал жуткое лицо диспетчер. – Так вот насчет костюма...

- Он в машине, – успокоил его Ярослав, не ослабляя хватки. – Но я отдам его только при одном условии...

- Я не хочу!.. - взвизгнула Лола.

- Вам эта бабуля нужна? - хмыкнул диспетчер. - Да ради бога. Меняю на костюм. Главное, чтобы в бригаде был Дед Мороз, а все остальное - это уже не обязательно.

- Да нет, вы не поняли, - усмехнулся Ярослав. - Мне вовсе не нужна Баба-яга. Мне нужен адрес Лиды Погодиной.

- Чей? - нахмурился диспетчер, поворачиваясь к компьютеру и водя курсором по строкам. - Эй, в чьей бригаде Погодина?

- Она не в бригаде, - уточнил Ярослав. - Ее адрес знает только Лола.

- Она вам - адрес, вы нам - костюм? - уточнил диспетчер и, получив ответный кивок, страшными глазами уставился на Лолу: - А ну, колись, бабка, не то я тебе костяную ногу сломаю, ступу на части разрублю и помело на помойку выкину!

Надо отдать должное Лоле - она если и испугалась угроз, то виду не подала. На Ярослава смотрела враждебно. Нет, с ужасом! Казалось, что она готова выкрикнуть: «Да вы знаете, кто этот человек?! Это убийца...»

Ответным взглядом Ярослав дал ей понять, что он, во-первых, по счастью, никого не убил, а только покушался; во-вторых, он отлично помнит, на кого именно покушался, а также с чьей подачи.

Агрессивный пламень в карих глазах Лолы малость поугас.

«Ничья», - понял Ярослав и внутренне усмехнулся.

Однако Лола еще не сдалась:

- Зачем тебе Лидин телефон? Откуда ты ее вообще знаешь? Хочешь ее увидеть - приходи завтра к десяти на студию, у нас тракт.

- Завтра? - изумился Ярослав. - Вы что, работаете? Первого января? В десять утра?!

- Ну что поделаться, если у нас такой чокнутый режиссер? - фыркнула Лола. - Приезжай к десяти и увидишь Лиду. А сейчас гони костюм.

- Утром деньги, вечером стулья, - вежливо сказал Ярослав. - Сначала адрес - костюм потом.

- Лола, дай ты ему адрес! - вскричал в совершенном отчаянии Дед Мороз. - Время идет, мы же никуда не успеем!

- Адрес, Лола! - голосом Мефистофеля провозгласил диспетчер.

- Адрес!

- Адрес! - загомонили вокруг. - Не задерживай движенье! Дай ему адрес!

Лола взглядом исподлобья окинула кричащий народ и решила отступить перед превосходящей силой обстоятельств - назвала адрес и телефон.

В первую минуту Ярослав был слишком занят запоминанием номера телефона, чтобы

задуматься о том, почему этот адрес кажется ему таким знакомым. И тотчас в памяти возник этот ничем не примечательный высотный дом в глубине двора, дверь подъезда с выломанным кодовым замком... Он вошел в эту дверь, чтобы взбежать по лестнице (лифт не работал) на четвертый этаж и войти в семнадцатую квартиру, где жили два «наильника».

Нет, он точно не дружит с головой! Ну как можно было не догадаться, что Лида зашла к Ваньке с Валькой именно по соседству! Чтобы поторопить их на работу! Господи, вот идиот... Клинический идиот!

- Ну, ну?! - нетерпеливо воскликнул между тем несчастный Дед Мороз. - Деньги есть, а где стулья? Теряем время!

- Получите свои стулья, - кивнул Ярослав и пошел к машине, сопровождаемый нетерпеливым бородачом.

Тот схватил пакет с костюмом и кинулся к своей обшарпанной «Волге». Следом загрузились Снегурочка - с любопытством взирающая на Ярослава - и Баба-яга - напротив, старательно отводящая от него глаза.

«Волга» умчалась. Надо думать, Дед Мороз будет наряжаться на ходу. Дай ему бог не встретит еще каких-нибудь неистовых фанатов другого кандидата, ведь чудеса даже и в новогоднюю ночь случаются не один раз!

И тут Ярославу пришло в голову, что Лола очень просто может подложить ему серьезную подлянку. Сейчас позвонит Лиде и скажет, что Ярославу известен ее адрес... Наговорит каких-нибудь пакостей... С нее станется! Надо ее опередить.

Выхватил из кармана телефон, быстро набрал номер, который теперь никакая сила не выбьет из его памяти. В следующую минуту на табло высветилась надпись: «Факс переговорного устройства выключен». Ярослав поднес трубку к уху - мелкий писк вместо нормальных гудков. Набрал снова. Та же картина!

Да неужели зараза Лола его обманула?! Подсунула какой-то несуществующий телефон?

И вдруг его осенило. Нажал кнопку, на которой у него был зашифрован информатор о состоянии баланса.

- Баланс вашего счета равен ноль долларов США, - сообщил милый электронный голос.

Так... Просто распрекрасно! То есть Ярослав лишен мобильной связи как минимум до завтрашнего дня: пока не откроется офис МТС, где можно будет уплатить за телефон. А что, если у них тоже выходной аж до третьего, как в адресном бюро?! Да будь они неладны, эти всенародные праздники!

Хотя адрес Лиды у него, во всяком случае, есть. Так что по газам, и поскорей!

Магазин, в котором Ярослав купил знаменитый костюм, спасший карьеру одного побитого Деда Мороза, был еще открыт. Ярослав не удержался от искушения: снова подрулил к магазину, забежал туда и купил еще один костюм. Но уже облачился в шелковый красный халат (типа шубу), шелковый же колпак и надел красный нос с приклеенными усами и бородой прямо у прилавка. Теперь-то он уже не снимет эту одежду и никто ее с него не сдерет - хотя бы потому, что участия в предвыборной гонке Ярослав не принимал!

Что характерно, он оказался не одинок: еще двое и трое мужиков точно так же облачались в самый модный на сегодняшнюю ночь наряд, заговорщически переглядываясь. Когда уже одетый Ярослав расправлял перед зеркалом бороду, до него вдруг долетел легкий горьковатый аромат. Оказывается, в этом чудном магазине работал и цветочный отдел! Вот беда: цветов в нем оставалось всего ничего. В ведре тосковали три потрепанные желтые розы, пять алых гвоздик – словно чудом вынырнувших из Октябрьского революционного водоворота – и великолепный букет белых хризантем, настолько свежих и прекрасных, что, чудилось, именно о них сложил Басе свою знаменитую танка:

Все видели мои глаза,
Но вернулись к вам, белые хризантемы!

Очень может быть, это была не танка, а хокку, и сложил ее вовсе не Басе, но бесспорно одно: от этих снежно-белых хризантем трудно было оторвать взгляд.

«Так, – деловито провел Ярослав ревизию своего арсенала, – костюм Деда Мороза, хризантемы, «Грин тии», «Леонидас», «Дом Периньон» и «Комтэ». Ну и любовь, конечно... Еще в кармане «вальтер», однако он мне вряд ли понадобится нынче ночью».

А вот тут-то он как раз и ошибся. Да еще как...

24 мая 2002 года

Она еще долго не могла уснуть, а проснулась в семь – с гудящей головой, едва живая, вся разбитая. И не только в том было дело, что поспать удалось какую-то пару-тройку часов. Слишком много принес и отнял вчерашний день. Принес тяжелые открытия, а отнял силы, и духовные, и физические. И только сейчас Лида вспомнила, что так и не поработала вчера над сценой под названием «Встреча с водяным»! Сцена по-прежнему пребывает в первоизданном авторском варианте, Лида не учла ни замечаний Саныча, ни, понятное дело, Ваньки Швеца. В принципе, Ванькино место вообще в буфете, на его вопли можно наплевать (особенно теперь, когда пол в ванной сухой), а вот если Саныч узнает, что автор манкирует его пожеланиями (кстати сказать, отнюдь не вздорными, а, как всегда, деловыми!), то устроит дикий хипеж.

Придется это учесть и скорректировать свои планы. Лида намеревалась с самого утра еще раз отыскать в записных книжках брата телефон Вадика и сговориться с ним о встрече. А то и вообще приехать без предупреждения, если найдет также и адрес... Хотя нет, это неудобно. Лучше сначала созвониться. Но теперь все равно надо срочно падать за компьютер и переделывать сцену. В десять уже тракт, и лучше бы ей с утра пораньше не вызывать огонь Саныча на себя!

Лида, едва умывшись и возбудив угасшие силы двойной ударной порцией кофе, включила ноутбук и полтора часа работала без передышки. Наконец сцена была вполне готова, и как ни была Лида отягощена вчерашними впечатлениями, она все же не могла порой удерживаться от смеха. Нет, ну в самом деле, трудно было не хохотать над историей незадачливых деревенских (вернее, «деревеньковских») рыбаков, которые оставили на берегу неубранные сети, а сами наварили ушицы, выпили, закусили, позабавили друг дружку немудреными байками про дедушку водяного, который в старые времена, как сказывают, водился в этой реке – водился, да и повывелся весь! – а потом залегли в балагане на боковую. И вот вдруг в полночь вспенилась вода под берегом, а потом слышат рыбаки чей-то громкий голос:

– Эй, мужички, вам *связать* или *развязать*?

Они, понятно, перетрухали до полного опупения, зуб на зуб не попадает, в толк ничего не возьмут и слова сказать не могут.

Чего связать-то? А развязать чего?!

Наконец один из рыбаков собрался с силами и вымолвил:

- Св...свя...связать!

Еще раз всплеснулась вода - и все стихло.

Кое-как перебывшись, мужички наутро спустились к своим сетям, глядь - а они все повязаны узлами, да такими, что нипочем не распутать. Возились весь день, до позднего вечера, никакого толку не добились и спать легли уж совсем в другом настроении, чем вчера.

И что бы вы думали? Вновь раздается о полночь плеск воды и громкий голос:

- Эй, крестьянушки, а нынче вам как - *связать* иль *развязать*?

- Развязать, батюшка! - завопили рыбаки в единую глотку и принялись с нетерпением ждать рассвета. Ну а когда проглянуло солнышко и они кинулись на берег, чая начать рыбалку, то увидели, что все их сети развязаны-распутаны по отдельной малой ниточке. И лежит вместо них на песке ворох никому не нужных веревочек. Вот так, говорят, порою шутит дедушка водяной!

После того как сцена была готова, у Лиды стало значительно легче на душе. И она еще раз возблагодарила судьбу и Саныча за то, что у нее теперь есть «Деревенька». И дала себе торжественное обещание никогда больше не манкировать пожеланиями благословенного режиссера!

Тут как раз позвонила со студии помреж Валя Михеева и сообщила, что павильон нынче освобождается раньше и за Лидией Николаевной срочно высылают машину. Это случалось достаточно часто: по разным причинам слетал, к примеру, чей-то тракт, стоящий в расписании часом-двумя раньше, и Саныч, пронюхав об этом, решал использовать такой подарок судьбы. Именно поэтому он в свое время настоял, чтобы весь творческий состав «Деревеньки» непременно обзавелся мобильными телефонами и всегда был на связи, а также в боевой готовности.

После звонка Лида торопливо начала собираться. На ходу успела перелистать три записные книжки брата, в одной из них нашла и выписала на листок телефон Вадика Приходько, сунула фотографию в пластиковый файл, файл - в сумку и понеслась на улицу, где уже нервничала под окном студийная «Нива». Со двора, правда, пришлось вернуться, поскольку по пути выяснилось, что она забыла дискету с новым вариантом сцены «Встреча с водяным» в дисководе своего ноутбука.

А потом закрутилась-завертелась студийная текучка, и только к часу дня Лида выбралась из этой мясорубки - усталая, опустошенная, с железной установкой Саныча завтра предьявить ему готовую сцену под условным названием «Встреча с русалкой», относительно которой у Лиды не было еще ничего: ни замысла, ни сюжета, ни героев, ни реплик - одно только это самое условное название.

По-хорошему, надо было сейчас же ехать домой и снова садиться за компьютер. Саныч готов был подвезти Лиду на Полтавскую в своей «Ауди». Однако это было уже выше ее сил.

Отговорила тем, что заболела голова и поэтому надо пройтись, но чуть только авто Саныча свернуло за угол, Лида вытащила из сумки мобильник, листочек с телефоном Вадика – и набрала номер.

Теоретически в разгар дня он должен быть на работе, Лида почти не сомневалась в этом, слушая безответные гудки... шесть, семь, восемь... как вдруг трубку сняли.

- Алло? – отозвался гундосый голос.

- Вадик? – радостно воскликнула Лида. – Вадик, привет, это Лида Погодина! Помнишь меня?

- Конечно, – в голос Вадика пробился холодок. – Помню, а что ж не помнить? Как живешь, как делишки?

- Вадик, ты на меня, наверное, обиделся тогда, зимой? – осторожно спросила Лида. – Но знаешь, я в то время еще не в себе была после этой трагедии. Вообще ни с кем не могла ни видаться, ни говорить. Ты меня прости, очень прошу.

- Да брось ты, Лид, – моментально оттаял Вадик. – Что ж я, не человек, что ли? Я так и понял: ты плохо себя чувствуешь, говорить не можешь или не хочешь, ну, думаю, придешь в себя и позвонишь. Так и вышло.

- Спасибо, что не сердишься. Ты знаешь, тут вот какое дело... – нерешительно начала Лида. – Сергей перед смертью передал мне фотографию, там снят он в компании. Там, кстати, есть и ты. Он попросил передать привет от него одной женщине, которая там тоже снята, сказал мне ее телефон и адрес, а я ту бумажку потеряла. Представляешь, кошмар какой?! Теперь вся надежда на тебя.

- Это каким же образом? – удивился Вадик, который вообще никогда не отличался повышенной сообразительностью. – Откуда же мне знать, что у тебя там было записано, на той бумажке?

- Ну, может, ты вспомнишь ту женщину на фото? – подсказала Лида. – Сережа вроде бы обмолвился, что вы с ней тоже знакомы были.

- Лидочек, – извиняющимся тоном сказал Вадик, – ты знаешь, я бы к тебе с превеликим удовольствием подскочил и посмотрел фото, но я сейчас стараюсь из дому не выходить.

- Это еще почему?! – изумилась Лида.

- А потому, что настало для меня время сенной лихорадки. Я очень круто реагирую на цветущую сирень. Проще говоря, переносить ее не могу.

- Да ты что?! – с искренним сочувствием ахнула Лида. – А сирень-то как раз цветет всюю. Такая красота, ты просто не представляешь!

- Вот-вот, кому красота, а мне мучения! – раздался в трубке угрюмый вздох, а потом несколько громких чихов. Наконец у Вадика снова прорезался голос: – Короче, так: или жди, пока я выздоровею и начну выползать из дому, но по опыту скажу, это ожидание не меньше чем на месяц затянется. Или, если больше ждать не хочешь, приезжай ко мне. Я на Нижегородской живу, дом четырнадцать, квартира четырнадцать. Что-то не помню, ты у меня бывала раньше, нет? От тебя как раз трамвай «двойка» идет по кольцу. Давай приезжай, когда тебе удобно, я постоянно дома. Разве что усну, ну, звони подольше, только и всего. До встречи, что ли!

- До встречи, - отозвалась Лида. - А можно... А можно, Вадик, я прямо сейчас приеду?

- Прямо сейчас? Давай. Только извини, я в совершенно разобранном состоянии!

«Да плевать мне на тебя и на твоё состояние!» - чуть не выкрикнула Лида, однако вовремя вспомнила правила хорошего тона и отыскала приличный эвфемизм:

- Это совершенно неважно!

Если вдуматься, и эвфемизм звучал жутко невежливо, но Лиде сейчас было не до тонкостей: она уже бежала к остановке трамвая.

По пути к Вадиду, прижимая к груди сумку и тщетно пытаясь вдохнуть свежего воздуха из окошка переполненного вагона, она внезапно задумалась: а надо ли вообще туда ехать, на Нижегородскую? Надо ли встречаться с Вадиком и что-то выпрашивать у него? Зачем вообще Лиде это нужно - узнать нечто новое об отношениях Сергея и Майи? Брата нет в живых, его бывшая возлюбленная замужем за другим человеком. Их прошлое умерло вместе с Сергеем. Умерло - ну и умерло... Надо ли разрывать эту могилу? Ведь сколько таких историй происходит на свете! Разве сама Лида не была в своё время участницей одной из них? Ну и что? Вся разница только в том, что и она, и Виталий живы. Оба они отвернулись от обломков былой любви и сейчас вспоминают о прошлом если не с отвращением, то с недоумением: откуда что бралось, что их так влекло друг к другу и почему столь легко разнесло в разные стороны? А ведь когда-то казалось, что в основе их разрыва лежит истинная трагедия. Теперь все это обернулось таким никому не нужным плюсквамперфектом... Ну да, прошло время, которое, как ни тривиально это звучит, все лечит. А не покажется ли спустя некоторое время Лиде, что история ее брата - тоже покрытая пылью давность? В конце концов, если как следует разобраться, он ведь сам виноват в своей трагедии. Сам! Убил он Майданского? Убил. Хочется думать, конечно, что убил именно для того, чтобы облегчить жизнь своей возлюбленной, но... как ни любит Лида брата, а все-таки жалит ее воленс, так сказать, неволенс мыслишка о том, что дело было не только в высоких движениях души, но и в трезвом расчете. Правда, расплатился Сергей слишком дорого, но ведь он знал, на что шел!

А знал ли?..

Если бы он смог провидеть, каким будет его собственный конец, разве решился бы поднять руку на Майданского? Неведомо... Во всяком случае, Сергея можно только пожалеть. Как страшно было, наверное, ему, когда он понял, что сам, своими руками привел себя не только к полному крушению мечты, но и к увечью, то есть к физической гибели.

Конечно, письмо Майи потрясло его, но кто докажет, что под ту лесину он угодил именно от потрясения? На лесоповалах всякое, наверное, случается. Зазевавшись, по несчастной случайности, по неосторожности гибнут здоровенные мужики в здравом уме и твердой памяти, не отягощенные никакими неприятностями. Так что случившееся - не более чем роковое совпадение. Этот Григорий Черный, несчастный, исстрадавшийся зэк, видит в каждом человеческом поступке проступок. Преступление! Мерит своей меркой, это очень понятно. А ведь все куда проще... А если и не проще, то все равно - минуло столько лет... Не лучше ли отвернуться сейчас Лиде от всего этого и, миновав остановку «Нижегородская», двинуть по трамвайному кольцу домой, на Полтавскую? Забыть о боли, чужой и своей, о смерти и предательстве, снова зажить, как жила: тихо и мирно, пусть скучно, но зато без бед и тревог, без этой чужой, давно забытой любви, которая вдруг постучалась в Лидину душу, словно побродяжка, молящая о приюте: впустите меня, дескать, люди добрые, я умираю с голоду и холоду...

«Я умираю, красная волчица!»

- На «Нижегородской» выходите? – спросил кто-то за спиной. – Нет? Пропустите, пожалуйста.

- Я выхожу.

И она в самом деле вышла.

31 декабря 2002 года

Город был уже почти пуст. Вот теперь-то все путевые люди вовсю провожали старый год! И если мимо джипа изредка проносились набитые людьми «Волги», Ярослав не сомневался, что в них сидят «оперативные бригады» дедов-морозов и К°, которые торопятся выполнить свои боевые, а иногда даже опасные для жизни задания.

Вот Окский мост, площадь Лядова, улица Белинского – дурак, зачем поехал здесь? Тащись теперь в хвосте последнего трамвая!

А вот и поворот на улицу Полтавскую. Ничего себе, какая стройка тут развернулась! Еще две недели назад, когда Ярослав впервые появился здесь, ничего этого не было. А теперь во двор не въехать, разве что в объезд.

Ну, что делать: двинул в объезд, култыхаясь по ледяным надолбам. Нет, это ужас какой-то... Во что превращается город зимой?! Того и гляди сорвешь подвеску! Ладно, у него в джипе хоть оба моста ведущие, а каково вон той приземистой, нарядной красной машинке, которая ползет вперед?

Что-то знакомое почудилось ему в ее очертаниях, однако разглядеть ее толком Ярослав не успел, потому что машина свернула во двор – между прочим, в тот же самый, куда нужно было ему, и остановилась у того же самого углового подъезда.

Ярослав поглядел на пятый этаж – по его расчетам, Лидины окна должно быть слева, ближе к торцу... свет горит, ура, она дома!

Он потянулся за сумкой с подарками – да так и обмер, увидев, что из красной машины выскочил высокий парень в черной куртке, почти такой же, как у самого Ярослава, обежал автомобиль спереди и помог выйти одетой в дубленочку стройной женщине с длинными волосами странного красного оттенка.

Красный автомобиль! Красные волосы! Да ведь это Майя Майданская! «Красная волчица»! А с ней... тот самый наемник, киллер, который пытал Виталия Привалова!

Майя! Рядом с тем домом, где живет Лида! Но что это значит?

И вдруг он вспомнил слова Виталия, на которые прежде не обратил никакого внимания. Увидев Ярослава в своем кабинете, Привалов простонал: «Она вперед своего охранника пустила – я в полумраке купился, за тебя его принял...»

А ведь и в самом деле у парня куртка, как у Ярослава, и даже, кажется, волосы так же зачесаны назад, как у него. Случайное совпадение? Или это проделано нарочно? Пожалуй, что так... Но это значит, что Майя, идя к Виталию, уже знала о роли, которую играет в ее жизни некий высокий блондин с «политическим зачесом», одетый в черную куртку! Наверняка

Ярослава описала консьержка. Ну, этого можно было ожидать...

Еще Виталий выдал: «Им ничего не сказал – и тебе не скажу». Эти двое что-то хотели у него вызнать жестокими методами! Попыткой!

Что-то про Лиду?

Не составляет труда догадаться, *что* именно. Майя каким-то непостижимым образом догадалась, кто сделал эти последние три дня самыми мучительными в ее жизни. Да уж, голова у нее варит, и характера не занимать. Не зря Виталий еще во время первой встречи с Ярославом предупреждал, что еще неизвестно, которая из этих двух красавиц круче. Сказал что-то в этом роде: «*Эта* особа не менее тонкая штучка, чем *та*, которая вас ко мне послала. А может, и более. У нее весьма расплывчатые моральные принципы и полное отсутствие осторожности, если закусит удила. А кусается она очень больно».

Да уж. И не только больно, но и мгновенно! Ведь реакция последовала незамедлительно после того, как Майя разгадала, почему губительный для нее аромат полыни вдруг поселился в ее доме и почему даже искусственные хризантемы в ее кабинете...

Хризантемы!

Ярослав отшвырнул сумку, схватил с заднего сиденья букет и, неловко вывалившись из джипа, побежал к подъезду, путаясь в полах красного халата и сдирая с цветов хрустящий целлофан.

Только бы успеть! Только бы опередить их!

Кабинка лифта темна и недвижна – какое счастье, что его до сих пор не починили! Над головой слышны неторопливые шаги двух пар ног и негромкие голоса.

Майя и ее наемник поднимаются неспешно, видимо, обсуждая на ходу план действий.

Каких? Что они хотят сделать с Лидой? Господи, после того, в каком виде Ярослав нашел Виталия Привалова, от этой пары можно ожидать всего, всего на свете!

Он рванул вверх со всех ног, на третьем этаже обогнал этих двоих, взлетел до половины четвертого этажа – и остановился, успокаивая дыхание и держа пока хризантемы за спиной. Впрочем, даже самого их присутствия было для Майи вполне достаточно, чтобы начать дышать нервно и часто.

– С Новым годом, Дедушка Мороз, – вежливо сказал ее спутник – да уж, они и впрямь очень похожи, Ярослав и этот... «викинг», ну конечно, это привратник-гардеробщик-охранник-вышибала из «Красной волчицы», которого Ярослав видел там не один раз. Оказывается, красавчик по совместительству пыточных дел мастер! – С Новым счастьем! А ты нас ни с кем не перепутал? Мы вроде Дед Мороза не заказывали. Пропусти, пожалуйста, дай пройти.

– Не получится, – ответил Ярослав с той же приветливой интонацией, с какой говорил с ним «викинг». – Вам придется уйти отсюда.

Они ошарашенно переглянулись.

Да уж, есть чем ошарашиться! Какой-то безумный Дед Мороз...

– Не понял, – вкрадчиво начал было «викинг», делая шаг вперед.

Майя, наоборот, спустилась на несколько ступеней вниз и спрятала лицо в воротник куртки. Она еще не произнесла ни слова, только быстро переводила взгляд с «викинга» на Ярослава и обратно.

- Тут и понимать нечего, - сказал Ярослав и успел отпрянуть от летящего вперед кулака охранника. На его пальцах блеснул кастет, и Ярослав мельком вспомнил Виталия. Да, тяжело ему пришлось, бедняге!

- Уйди с дороги, кому сказал?! - В льдисто-голубых глазах «викинга» мелькнула ненависть. - Сейчас в богадельню для дед-морозов отправлю. Ну!

Опять бросок, и опять Ярослав увернулся от него. Правда, ради этого пришлось подняться на одну ступеньку выше, а значит, приблизиться к Лидиной квартире.

Нет, не дело это - сдавать рубежи. Пора от обороны переходить к наступлению.

- Майя Михайловна, - окликнул он негромко - говорить громко было нельзя, совершенно ни к чему, чтобы на голоса из двери выглянула Лида! Одна надежда, что она или сидит с друзьями за столом, или, что предпочтительней, смотрит телевизор, и звук у него включен на полную катушку.

Майя посмотрела изумленно, да и «викинг» вытаращил глаза. Теперь они окончательно смекнули, что перед ними не спятивший или что-то перепутавший Дед Мороз - актеришка какой-нибудь зачуханный, что здесь нет какого-то недоразумения.

- Майя Михайловна, я знаю, кто вы и зачем вы здесь. Но, уверяю, напрасно. Лида в этой ситуации ни при чем. Если вы ищете виноватых, то все, абсолютно все против вас сделал я. И цветы ваши обрызгал, и дверь облил.

- И шубу на Покровке, - подсказала Майя сдавленно, высовываясь из-за воротника, но прикрывая лицо рукой в красной замшевой перчатке. Ишь ты, получается, что красный - ее любимый цвет.

- И шубу, - покаянно склонил голову Ярослав, не упуская, впрочем, из поля зрения чрезмерно проворные ручонки «викинга».

- Шубу - это точно вы, - кивнула Майя, меряя его лицо взглядом своих больших глаз редкостного орехового оттенка. - Думаю, и в кабинете моем тоже вы пошалили, только пока не пойму, каким образом. А вот дверь квартиры облила сама Лида. Вы же в это время заговаривали зубы консьержке. Кстати, она от вас в восторге, в полнейшем восторге!

Неведомо, как там насчет Ярослава, но сама Майя по части заговаривания зубов оказалась на высоте. Пока она пела, словно сирена, отвлекая внимание противника, «викинг» снова ринулся было вперед, но Ярослав успел подсесть ему, да так удачно, что парень повалился на ступеньки.

Итак, события из ранга психической атаки перешли в разряд боевых действий, и надо было поторапливаться и выводить на передовые рубежи тяжелую артиллерию, пока тут не началась свалка.

Ярослав задрал шелковую полу морозовской шубейки и выхватил из кармана «вальтер».

- Давайте поумерим пыл, а? - попросил он как можно убедительней, молясь только об одном: чтобы «викинг» навскидку не отличил пневматику от боевого оружия. Для профессионала это

раз плюнуть. Но вдруг он не настолько крут?

- Андрей, назад! - скомандовала Майя сдавленным голосом.

Лицо у нее стало вдруг белое впрозелень. Глаза сделались огромными. Такое ощущение, будто она увидела призрак.

Или это хризантемы так действуют?

Впрочем, голос ее звучал по-прежнему заносчиво:

- Что это вы вытворяете?! Что себе позволяете? Мне надо просто поговорить с... моей старинной знакомой.

Ярослав покачал головой:

- Уходите, Майя Михайловна! Я ни за что не поверю, что вы пришли сюда с добрыми намерениями, имея при себе этого боевика, который - с вашей подачи, между прочим! - едва не угробил Виталия Привалова.

Майя и «викинг» мгновенно переглянулись.

- Как видите, я тоже кое о чем осведомлен, - кивнул Ярослав. - Если вам надо поговорить с «вашей старинной знакомой», почему бы не сделать это тет-а-тет? Приходите одна или назначьте ей встречу на нейтральной территории. К примеру, завтра у нее в десять запись на студии - приходите туда. Когда кругом находятся люди, которые не дадут вам вцепиться друг дружке в волосы или пустить в ход оружие, - тут он бросил мимолетный взгляд на «викинга», - это, знаете ли, здорово дисциплинирует и вынуждает искать цивилизованные способы общения.

- Пошел ты! - выкрикнул Андрей. - Какое твое дело?!

- Большое, - зыркнул на него Ярослав. - Тебе не понять. Уходите, Майя Михайловна, еще раз прошу вас. Не заставляйте меня стрелять в вашего наемного «викинга», а вас выметать из подъезда этим букетом! - Он угрожающе выставил вперед цветы, и Майя опять отпрянула, спрятала лицо.

- Ах ты... - хищно оскалясь, не сказал, а словно бы провыл Андрей, и в эту минуту вдруг раздался перезвон.

Все вздрогнули и одинаковыми движениями схватились за карманы, проверяя, у кого зазвонил мобильник. Ярославу пришлось сначала перехватить под мышку букет. Но, оказалось, он зря старался: телефон трезвонил в кармане Майи.

Она выхватила трубку, поднесла к уху, и ее ожесточенное лицо вмиг сделалось мягким и покорным.

- Да, мой хороший, - проговорила ласково. - Да, пока в клубе, но вот-вот уйду. Ничего я не задыхаюсь, успокойся... Нет, тебе кажется, уверяю тебя!

И, словно опровергая собственные слова, закашлялась.

- Нет, ничего страшного, - выговорила с трудом. - Чепуха, это я на минуточку зашла в свой кабинет. А, по глупости! Да, Олежек, я возвращаюсь. Дома буду буквально через десять минут!

Ты уже и на стол накрыл?! Радость моя, какой ты молодец... я уже бегу, мой чудесный мальчик! И я тоже целую тебя. Все, считай, что я уже дома.

Майя убрала телефон. Лицо ее, только что исполненное любви и нежности, стало таким ледяным, что Андрей мгновенно проглотил ехидную ухмылку, которая проклюнулась было на его губах.

- Между прочим, господа, до полуночи остался час, - высокомерно и холодно произнесла Майя. - Мы несколько заигрались в наши игры. Жаль, конечно, прекращать их, не доведя дело до конца... Однако нынешняя ночь диктует свои правила, а посему нам придется расстаться. Андрей! Мы уходим.

Она повернулась и застучала каблучками вниз по ступенькам, не сказав больше ни слова Ярославу и даже не взглянув на него. Андрей тоже уходил молча, однако уберечься от его выразительного взгляда Ярославу все же не удалось.

Да ладно! Это переживаемо.

Поскольку иногда бывает, что противник отходит лишь для того, чтобы перейти в наступление, Ярослав решил проводить побежденных. Он проследовал за ними до первого этажа, выскользнул на крыльцо и постоял там, пока красный «Пежо» не выполз со двора.

Потом вернулся в джип и переставил его поближе к дверям подъезда - чтобы в случае чего можно было выскочить и одним прыжком оказаться на крыльце.

Снова начал выбираться из машины, потащил за собой сумку... и откинулся на сиденье, размышляя. Получалось, что он не может идти к Лиде. А вдруг эта опасная парочка вернется? С «викинга» вполне станется либо раскурочить джип, либо сунуть в мотор какую-нибудь гадость. Не убьет, так покалечит.

Спасибо, не надо!

Чепуха, конечно. Не в джипе дело!

Они могут подсунуть что-то к дверям Лиды. Ворваться туда среди ночи, а то и ближе под утро, когда у всех ослабнет бдительность.

Но дело даже не в этом.

Ярослав покачал головой, вдруг поняв, что у него элементарно не хватает храбрости пойти сейчас к Лиде.

Именно сейчас, когда только это и следовало бы сделать... А он не мог!

Сначала казалось самым важным найти ее адрес. Теперь, после этой схватки на лестнице... ввалиться к ней в шутовском наряде, с полной сумкой провианта... Это к Лоле он так приходил, к Лоле, у которой вечно был пустой холодильник по причине никакой зарплаты ее самой и никакой пенсии матери. Может быть, и Лида сидела без гроша, может быть, и у нее был пустой холодильник, однако Ярослав вдруг сообразил: нельзя прийти к ней в первый раз с бутылкой, куском сыра и коробкой конфет - пусть даже все это самое дорогое и высшего качества. Для такого первого визита годились только цветы... однако после того, как он гонял этими хризантемами Майю Майданскую, словно деревенский знахарь ведьму чертополохом, букет показался ему отвратительным. Он выбрался из машины, отошел подальше и без всякого

сожаления воткнул букет в сугроб. А потом еще немножко посидел с открытой дверцей, чтобы проветрился салон.

Впечатляюще зрелище, конечно, эти хризантемы в сугробе. Как выразился бы в данной ситуации Басе:

Все видели мои глаза,
Но такого еще не видели!

И глаза Ярослава тоже такого еще не видели, и мысли, подобные нынешним, его еще не посещали...

Самое главное, конечно, это то, что он не в силах заявиться к Лиде без зова, без предупреждения. Вдруг она не хочет никого видеть, хочет побыть в эту ночь одна. Или, что гораздо хуже, она, наоборот, вовсе не одна в эту минуту.

И что тогда?! Нет, лучше Ярославу ничего об этом не знать, лучше не ставить ее и себя в положение, из которого невозможно будет выбраться без ущерба для самолюбия. Лучше найти время, чтобы задать вопрос - и получить ответ. Например, завтра в десять - на студии. Выходит, Лола была совершенно права, когда с самого начала советовала ему приехать к десяти на телевидение. Не такая уж она, получается, и дура.

И если тут кто-то есть дурак, то это, традиционно, именно он, Ярослав Башилов.

Смех смехом, а ведь, похоже, ему сегодня всю ночь придется провести в этом дворе. Охраняя Лиду.

Тем более что дома его всяко никто не ждет. Так какая же разница? Здесь он хотя бы ближе к ней...

Конечно, можно сейчас позвонить Лиде и попросить разрешения зайти поздравить ее. Вдруг случится нечто невероятное - и она позволит. Хотя бы на минутку! Но как позвонить. Его мобильник-то вырубился! Поехать искать телефон-автомат? Во-первых, это из области фантастики: работающий телефон в этом районе, к тому же зимой. Во-вторых, уезжать нельзя: вдруг вернется «викинг»? Постучаться к Лидиным соседям и попросить разрешения позвонить? Но кто его пустит в квартиру?! Сейчас столько рассказней ходит о том, как воры в костюмах Деда Мороза проникают в дома и грабят, а то и убивают людей в новогоднюю ночь... Костюм-то можно снять, но тогда Ярослава уж наверняка никто не пустит.

Эх, жаль, еще не выписали из больницы двух подбитых им педиков! А то можно было бы попроситься позвонить от них - на правах старого знакомого!

А что? Войти, этак небрежно помахивая «вальтером»: «Узнаете, мужики, меня и мой пистоль?»

Он машинально сунул руку в карман, привычно стиснул рукоять револьвера и вдруг ощутил гадливость, как будто схватился за какое-то мерзкое, скользкое, холодное животное. Такое было с ним один раз в Амурском заливе близ Владивостока, когда Ярослав вдруг оказался в центре целого стада (а может, стаи) медуз, которых пригнало штормом к берегу. Эти холодные студенистые тела были везде: внизу, вокруг, даже на спину лезли! Он далеко не трус, он на медведя хаживал, однако в те несколько минут в море едва мог справиться, чтобы не заорать от прилива неконтролируемой гадливости. Отшвыривал от себя эту скользкую гадость вот так же, как отшвырнул сейчас в сугроб «вальтер».

Даже не разглядел толком куда. Вроде где-то в направлении к хризантемам.

Ну, так тому и быть. Искать его Ярослав не станет.

Да, видимо, сегодня и вправду ночь очищения и избавления от всего, что тяготило душу!

Ни в каких диверсиях против Майи он больше участвовать не будет и Лиду попытается уговорить ничего против нее не предпринимать. И никогда ни в кого не прицелится – а тем более не выстрелит! – ни из этого «вальтера», ни из какого-то другого оружия.

Интересно, под Новый год сбываются только пожелания или клятвы тоже?

А кстати, насчет Нового года...

Ярослав взглянул на часы. О, самое время откупоривать шампанское! Да, жаль, что Лида не отведала «Дом Периньон», но она небось и его, и сыра «Комтэ», и конфет «Леонидас» вволю напробовалась в прекрасной Франции. А духи «Грин тии» у нее и так есть. Тоже купленные во Франции. И уж там-то и духи, и все прочее было в самом деле французским, подлинным. Эти, правда, тоже напоминают настоящие, но кто знает, может, их сделали в какой-нибудь подмосковной Малаховке. «Всю контрабанду делают в Одессе, на Малой Арнаутской улице!»

Ладно, малаховский этот самый «Дом» или из провинции Шампань, однако выбора у Ярослава нет. Придется пить его из горлышка, ибо стакана нет. А закусывать неразрезанным «Комтэ».

И делать это поскорей, не то Новый год наступит без него.

Ярослав выбрался из джипа и довольно лихо открыл бутылку. Пахнет очень даже прилично...

Ну, Лида... Лидочка... С Новым годом!

Ярослав поднял бутылку, салютуя окнам пятого этажа, – и замер, увидев в одном из них тонкий знакомый силуэт.

Лида! Это Лида! Как же вовремя она подошла к окну! И какое совпадение – она тоже пьет шампанское! Видит Ярослава? Нет, вряд ли. Но зато он видит ее. И может сказать – нет, может даже на весь двор крикнуть:

– С Новым годом, любимая!

Что он и сделал.

24 мая 2002 года

Вадика Лида сразу не узнала: мало того что за минувшие годы он вдвое растолстел и порастерял свою пышную шевелюру, так еще и лицо его было до половины укрыто марлевой маской.

– Привет, Лидочек, – пробурчал он еще более гундосо, чем по телефону. – Страшно рад тебя видеть! Влезай!

Это приглашение было отнюдь не метафорой или рассчитанной грубостью: в загроможденную какими-то коробками и пачками газет прихожую можно было именно влезть – причем только бочком. Что Лида и сделала, а потом со всей возможной скоростью последовала за хозяином из

этого пылесборника в комнату, которая была заставлена стопками книг, словно склад книжного магазина. Вадик обернулся к гостье, сказал:

- Здравствуй, красавица! - и снова чихнул. - Видишь, что делается? - пожаловался он, вынимая огромный платок, сдвигая маску, оглушительно прочищая нос и снова надвигая свой марлевый намордник. - Даже форточку открыть не могу. Все законопатил, а так и лезет сиреневый запах. Кто это, какой классик сказал: гони природу в дверь - она вползет в окно? Так и у меня с сиренью. Прямо житья нет!

- Влетит.

- Что?! - удивился Вадик.

- Не вползет, а влетит. Гони природу в дверь - она влетит в окно, это Карамзин сказал. Слушай, а ты уверен, что дело в природе?

- В каком смысле? - опять удивился Вадик.

- В том, что в самом деле у тебя аллергия именно на сирень, а не на книжную пыль? - осторожно спросила Лида, изо всех сил пытаясь справиться с щекотанием в носу, но чувствуя, что это бессмысленно, и раздражаясь серией коротких апчихов.

- Будь здорова! - пожелал Вадик. - Какая книжная пыль, ты что? Это у тебя с непривычки. А я ведь тут всегда живу, и ничего. Чихать начинаю, только когда сирень цветет. Ужас, это ужас какой-то! Интересно, а у первобытных людей была аллергия, или это как-то связано с интеллектуальным и техническим прогрессом?

- Вопрос: была ли сирень во времена первобытного человека? - усмехнулась Лида. - Не факт. Какие-то виды - возможно. Лесная белая... Но я где-то читала, что это скорее культурное, чем дикое растение. Возможно, у первобытных были свои прибабасы: аллергия на какие-нибудь хвощи гигантские, на трилобитов или что там произрастало в то время? Хотя трилобиты - это вроде бы не растения...

- А бес их разберет, - вздохнул Вадик. - Нет, насчет первобытных - это я погорячился. Но, к примеру, я не могу себе представить даже бабушку свою в припадках такого чихания на огороде, среди крапивы, пастушьей сумки, полыни... что там еще росло, на огороде?

- Вообще-то обычно картошка, морковка, свекла, огурцы, - хихикнула Лида. - Или у твоей бабушки росли только сорняки? Тогда я понимаю, почему у нее была на них аллергия! От ненависти к ним!

- Смеешься, да? - вздохнул Вадик. - А между прочим, я знаю одну даму, у которой натуральная аллергия на полынь. И она отнюдь не бабушка!

Лида нервно стиснула руки.

Наконец-то среди этого никчемушного, легкого трепа прозвучало что-то толковое! Кажется, она не ошиблась адресом! Ведь дама, у которой аллергия на запах полыни, - это наверняка Майя Майданская. Видимо, Вадик знает ее достаточно хорошо. Вопрос только, захочет ли он говорить о ней...

А как странно: они с Вадиком не виделись минимум лет восемь, потом пару раз бегло побеседовали по телефону, а теперь болтают так, как будто расстались только вчера. Вообще

Лида помнила, что Вадик и раньше умел мгновенно войти в контакт с любым человеком, а раз начавши болтать, остановиться мог не скоро. Ну, будем надеяться, он не утратил прежних привычек...

- Может, чайку согреть? - спросил Вадик, и Лида мысленно постучала себя укоряюще по лбу: почему не догадалась прихватить какой-нибудь тортик? Беседы за рюмкой чаю обычно располагают к доверительности. Как бы половчее выйти из ситуации?

- Нет, спасибо, Вадик. Я перманентно худею, так что не искушай меня без нужды...

Вадик окинул ее внимательным неодобрительным взглядом.

- Худеешь? Ты? А зачем? У тебя какой размер, сорок шестой? Ну и куда меньше - при твоём росте?! Кто тебе сказал, что мужчины любят вешалок?! Вообще, это ужас какой-то: все красивые женщины сознательно уродуют себя! У меня есть одна знакомая певица, безумно красивая баба, так надо видеть, во что она превратила себя за последние три месяца!

Лида подавила желание снова стиснуть руки.

Певица! У него есть знакомая певица! Неужели речь снова зашла о Майе Майданской? Какое странное совпадение...

Надо надеяться, что на Лидином лице не отразился охотничий азарт, который охватил ее. Она покосилась на Вадика и вдруг заметила на его лице промельк точно такого же азарта, какой сама же старалась скрыть от него. Слишком уж пристально смотрел на нее Вадик!

Почему? И что это за странное выражение в его светлых глазах? Такое ощущение, что он на что-то пытается намекнуть Лиде...

А вдруг и в самом деле пытается? Что, если насчет полыни это была не обмолвка, а намек? Ему интересно было посмотреть, какотреагирует Лида. А по поводу дамы, которая похудела за последние три месяца, - это разве не намек? Ведь Сережа умер именно три месяца назад! Неужели... неужели Вадик снова имел в виду Майю? Неужели он вот таким образом, скрытно, хочет дать Лиде понять, как сильно Майя переживала смерть своего бывшего возлюбленного?

Рассказывай... люблю твои рассказы! Переживает она! Ну прямо извелась вся, бедняжка!

Ну что ж, пора, наверное, переходить от намеков и полутонков к прямым вопросам.

- Ты, наверное, плохо себя чувствуешь, Вадик, а я тут тебя всякой болтовней донимаю! - покаянно вздохнула Лида. - Ничего, я сейчас уйду. Посмотри только на это фото и скажи, где я могу отыскать эту женщину.

- Ну, давай поглядим, - согласился хозяин.

Лида достала из сумки файл и протянула Вадиду фотографию. У него взлетели брови:

- Ишь ты! А у меня такой нету! Где ж это мы снимались? Давно, слушай, у меня волос-то еще сколько было, прямо есенинский чуб! А Серега-то какой... умри, Голливуд! Эх, сколько лет... иных уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал. Нет, серьезно, это мы где? Хотя знаю, знаю! Да у Надюшки же Васиной на даче! Точно, во-он домик вдаль за деревьями виднеется. А мы, должно, на шашлычках отрываемся. Неужели ты Надюшку Васину не помнишь? Хотя да, ты у нее ни разу не была, у тебя была своя тусовка. Она теперь знаешь кто? Завкафедрой в

универе, представляешь? На радиофаке чего-то там возглавляет... забыл, как называется. Сопромат, что ли? Кстати, на радиофаке сопромат проходят, нет? Не знаешь? Ну и хрен с ним, короче. Надюшкин телефон я сейчас по-ищу, а живет она на Свободе, это же совсем рядом с тобой. Можешь позвонить, а можете и пересечься где-то, она будет рада от Сереги привет получить, она всегда говорила, что твой брат – один из лучших людей, каких она только знала...

Вадик суетливо полез в ящики письменного стола – в один, другой, третий, – и только тут Лида, малость отупевшая от его гнусавой, насморочной скороговорки, сообразила, что Вадик собирается втюхать ей координаты какой-то Надюшки Васиной – дамы, может быть, и приятной во всех отношениях и к Сереже прекрасно относившейся, однако совершенно ей, Лиде, не нужной. А нужна ей Майя, которую Вадик на снимке как бы даже и не заметил. Почему?..

Да понятно, почему. Он убежден, что Лида не может не знать Майю! Ему даже фантазии не хватит вообразить обратное!

Ну что ж. Приходится признать, что очень бедная у Вадика фантазия.

Теперь такой вопрос: открыть Вадьке глаза на его ошибку или сделать вид, что он прав? Но не напугает ли его признание Лиды, что она знать не знает бывшую любовницу брата? Как бы тут не ошибиться, как бы не взять неверную ноту, не переиграть! Вадик – он просто валяет из себя жизнерадостного валенка, а чуть ему покажется что-то не так, мигом замкнется, как улитка в раковине, и поди выковырни его оттуда!

А может быть, ничего и не надо усложнять? Быть проще?

Быть проще – означает сказать ему чистую правду...

– Вадик, да ты не ищи этот дурацкий телефон, – выпалила она, подчиняясь внезапно пробудившейся интуиции. – Подожди, слышишь? Я тебе наврала. Я к тебе совсем не за Надюшкиными координатами пришла...

Вадькина голова высунулась из-за стола. Он молча уставился на Лиду, потом встал, опираясь на столешницу, выпрямился и стащил с лица марлевую маску.

Вытер заметно вспотевшие щеки и лоб.

– Уф-ф! – вздохнул с явным облегчением. – Ажно вопрели озимые, как говаривал старик Ромуальдыч.

– Инда, – усмехнулась Лида.

– Чаво? – вскинул брови Вадик.

– А того, что не *ажно*, а *инда* вопрели, как утверждал означенный старик, – пояснила она.

– Ну и хрен с ним, – мотнул головой Вадик. – Главное, что они вопрели – и я вместе с ними. Знаешь, я так и понял, что про Надьку – это только дымовая завеса. С тех пор как Майя мне позвонила и рассказала, что видела тебя в «Красной волчице», я не сомневался, что ты рано или поздно ко мне придешь – *посмотреть* ...

Та же интуиция, которая вдруг вылупилась из кокона временной спячки, словно бабочка,

коснулась крылышками губ Лиды и не дала им сказать какую-нибудь провальную дурь, типа: «Посмотреть? На что посмотреть?!» Она промолчала, только кивнула, словно признавалась в чем-то – сама не знала в чем.

– Ладно, пошли, – со вздохом произнес Вадик. – Честно говоря, я обещал никому ничего не показывать... сама понимаешь, кому обещал. И все живу будто в коммуналке с призраками. Вот уже сколько лет прошло, а я словно жду: вдруг позвонят в дверь, встанет Майка на пороге и скажет: «Чао, бамбино, сорри!» И сунет мне полтинник баксов. Это значит – гуляй, Вадичка! И я гулял – ночь, полночь, за полночь. Ну, оно того стоило: какая у меня, к черту, зарплата! Правда, признаюсь тебе, Лидочек... – Вадик хитро усмехнулся и понизил голос, на всякий случай опасливо оглянувшись, словно кто-то мог его подслушать... может быть, те самые *призраки*, о которых он рассказывал? – Честно скажу: иной раз, особенно зимой, когда сильно морозило и надоедало торчать на вокзале или мотаться по улицам, я возвращался – тихо, тихонечко, как мышка... цып, цып, цып, на цыпочках, – и Вадик показал кончиками пальцев на краю стола, как именно он возвращался в свою квартиру, – не зажигая света, прокрадывался к себе в комнату, плюхался в постель, закрывал голову подушкой, закрывал глаза и пытался заснуть, но все равно, хоть беруши вбивай в уши, а я все равно слышал, как они стонут, и смеются, и кричат друг другу: «Я тебя люблю! Я тебя люблю!» Как пьяные. Как безумные кричат...

Вадик вдруг отвернулся, и Лида с изумлением уставилась в его спину. Показалось – или она и впрямь успела увидеть, как внезапно повлажнели его глаза?! Да и у самой у нее вдруг навернулись слезы.

Навеки отражен в глазах твоих,
Навеки опьянен тобой, волчица...
Мы обрели свободу для двоих
И поклялись навек не разлучиться.

Может быть, Майя уже тогда пела это Сергею? И он ей верил. Да и она сама верила в то, о чем поет.

Какая странная песня... Как будто нарочно написана про них! Где только нашли они такие слова, в какой книжке, у какого поэта?

– Понимаешь теперь, почему я говорю, будто с призраками живу? – вздохнул Вадик, поворачиваясь к Лиде снова, но все еще пряча глаза. – Ну, с другой стороны, сколько можно из квартиры паноптикум делать? Честно скажу: она, Майя, сюда года два потом, после Сережкиного ареста, приходила. Придет, даст мне деньги, я когда уйду, когда останусь, а она пройдет в ту комнату, ляжет на ковер и плачет так, что ворс потом мокрый был. Честное слово! Ты представляешь?! – Вадик сокрушенно покачал головой. – Ей ведь, бедняге, даже поплакать негде было. Перед всеми приходилось фасон держать. Якобы ненавидит она этого убийцу, этого злодея Погодина. *Никто*, кроме меня, о них не знал, вот те крест святой! – Вадик размахисто перекрестился – почему-то слева направо. Потом секундочку подумал и перекрестился снова – уже как положено, справа налево. – Ни единая душа. Ты, да я, да мы с тобой. Ну вот... Ходила Майя сюда, ходила, а потом перестала. Так все свои вещи тут и оставила. Конечно, у нее теперь все новое – и постельное белье, и тапочки с халатом, и песенки... и мужик. Видимо, больше не придет она сюда. Думаю, надо все ее имущество собрать в сумку да и поставить куда-нибудь в кладовку.

– А Сережино там что-нибудь есть? – спросила Лида, не узнавая своего голоса.

- Не-а, - качнул головой Вадик. - Только все ее. Хотя... вроде там была какая-то его книжка. Детектив вроде бы. Дик Фрэнсис.

Лида кивнула. Сережа очень любил Дика Фрэнсиса. Собрал дома все его книжки, которые тогда издавались, - некоторые даже в двух экземплярах. Неудивительно, что одну из них он держал здесь. Наверное, иногда почитывал, чтобы скоротать время в ожидании Майи...

- Ну так что, пойдешь комнату посмотреть? - спросил Вадик.

- Конечно.

- Тогда пошли.

Они вернулись в коридор и, пройдя через неопрятную, пыльную гостиную, оказались в маленькой - девять квадратных метров, никак не больше! - комнатке, всю меблировку которой составлял большой, во весь пол, пестрый ковер, пустое кашпо в углу да стул, на котором висел махровый белый халат, большое белое полотенце да лежали белые махровые же тапочки. На тапочках сверху лежал томик Дика Фрэнсиса в бумажном переплете.

Бледно-зеленые шторы были задернуты, и в комнате царил какой-то туманный полумрак, и в самом деле придавая ей сходство со склепом. Вернее, с паноптикумом, как выразился Вадик.

- Вот тут у меня раньше хризантема стояла, - кивнул Вадик на кашпо. - Красивая такая. Белыми цветами цвела. Меня, ты знаешь, вообще цветы не любят, как-то плохо в моей квартире приживаются, а эта хризантема, ты представляешь, цвела как опалелая. Ну а у Майки же аллергия на полынь, она и заставила меня ее выбросить, а вместо нее принесла этот, как его... араспагус? Аспарагус? Короче, такую косматую траву, которая, конечно, завяла. Пришлось и его выкинуть. Так и осталась комната без цветов. Она говорила, что единственные хризантемы, которые нормально переносит, это искусственные, японские...

- Погоди, - перебила Лида. - При чем тут хризантема, если у Майи аллергия на полынь?

- Так хризантемные листья, оказывается, полынью пахнут! - возмущенно хохотнул Вадик. - Это у нее глюк такой был, у Майи. Надо ж додуматься: хризантемные листья - и полынь!

А, ну теперь понятно, почему Майя вспомнила о духах «Кризантэм д'ор». Может быть, и в самом деле там используется экстракт полыни для усиления эффекта запаха хризантем.

Лида рассеянно огляделась. Ковер был расписан крупными цветами - желтыми и красными, а самый большой, желто-коричневый, приходился как раз посередине ковра и напоминал человеческую голову с растрепавшимися волосами.

- Вот тут, - потыкал Вадик носком домашней тапочки в этот цветок, - вот тут, наверное, она лежала и плакала. Тут всегда мокрый ворс был, когда она уходила.

Лида зачем-то присела на корточки и потрогала коричнево-желтый цветок на ковре. Он был сухой, конечно...

- Вадик, - проговорила она, глядя на хозяина снизу вверх, - можно, я тут минут пять посижу одна? А?

- Конечно, - закивал Вадик. - Конечно, посиди. Я понимаю! Ты не думай, я на самом деле все понимаю! Посиди, да не спеши, оставайся сколько хочешь. - И он суетливо направился к

выходу. В дверях обернулся:- А точно не будешь чай пить?

- Не буду, спасибо, - с усилием улыбнулась Лида.

Дверь наконец-то закрылась.

Лида опустилась на ковер, посидела, потом прилегла. Голова ее пришлась как раз посредине цветка.

Лида лежала и смотрела в потолок, удивляясь странной тоске, которая вдруг опутала ее душу. То ли оттого, что здесь все было проникнуто тоской разлученных влюбленных, то ли это была тоска ее собственного разочарования.

Ну, вот она и получила подтверждение того, что ни ехидный, пронизательный Амнуэль, ни остроглазый Григорий не ошибались. Сергей и Майя Майданская любили друг друга - любили страстно! Убив Майданского, Сергей разрушил такой волшебный мир, взорвал вселенную такого счастья, разлучил их навсегда...

Да уж, не хочется говорить банальностей, но как не сказать: хотел сделать как лучше, а получилось... Нет, отнюдь не как всегда. Как никогда, получилось! Как не должно быть!

Почему Майя не могла развестись с Майданским и выйти за Сергея? Почему? Жалко было денег?

Боже ты мой, господи, как же, наверное, они потом сокрушались о том, что произошло, эти несчастные, которые решили заплатить за свое краденое счастье чужой кровью!..

От жалости, от внезапной, разрывающей душу жалости к ним обоим Лида повернулась на бок и прильнула щекой к жесткому ворсу ковра, чувствуя, что слезы льются из глаз и стекают вниз.

Ну вот. Кажется, сегодня опять этому цветку суждено быть мокрым...

- Сережа, - пробормотала она жалобно, - ой, Сережка, ну зачем, зачем ты это сделал? Ну почему, ну ответь мне!

Молчание было ей ответом.

Разумеется. А чего ты еще ждала?

Она не знала.

Лида в ярости застучала кулаками по ковру, словно это ложе великой любви было виновно в смерти ее брата... да и оно тоже, что и говорить! И вдруг услышала странный звук, донесшийся из-под ковра.

Лида притихла.

Что такое? Где-то возятся мыши? А что, запросто - в паноптикуме-то...

Нет, тихо. Неужели послышалось?

Снова постучала по ковру и снова расслышала это звук. Шуршанье, вот что это такое. Шелест.

Шелестит какая-то бумага.

Лида привскочила на колени и принялась отворачивать край ковра.

Обнажился пыльный, давно не метенный и тем более не мытый линолеум. Видимо, все, на что хватало Вадика, это пылесосить ковер, не заглядывая под него. Спасибо и на том!

Нет, спасибо большое, огромное! Иначе именно Вадик нашел бы этот скомканный, уже пожелтевший листок.

Лида развернула его, как могла, осторожно, едва притрагиваясь, – так мы прикасаемся к засушенному цветку, который внезапно находим в старой книге.

Какие-то стихи.

Нет, не какие-то! Это стихи о красной волчице.

Кружится снег – зима пришла опять,
Закат в крови – и жизнь к закату мчится.
Теперь настало время вспоминать
Тебя, моя прекрасная волчица!

Лида узнала почерк брата. Вернее, один из его почерков. Именно так Сергей писал, когда не заботился о том, прочтет кто-то написанное или нет, когда спешил или нервничал. Некоторые слова были перечеркнуты, написаны заново. Например, в первом четверостишии последние строки первоначально выглядели так:

Теперь настало время вспоминать
Тебя, царица, красная волчица!

«Матерый волк» сперва звался «свирепый», «отважный зверь» – «тот лютый зверь», вместо «клекот ястребиный» значилось «клекот журавлиный». Было много правки и в других строках и четверостишиях. И Лида внезапно сообразила, что видит черновик стихов, на которые Майя теперь пела песню «Красная волчица».

Но получается... получается, что эти стихи написаны для нее Сергеем! Лида достаточно видела в своей жизни рабочих черновиков, чтобы понять: у нее в руках именно черновик этой песни.

Так вот почему Сережа слушал ее перед смертью... Ну да, это ведь было их совместное с Майей творчество. Может быть, она подсказывала ему более удачные слова и строки...

Ого! А вот и ее почерк, знакомый Лиде по тому страшному письму. Сергей писал черной пастой, Майя – красной. Как учительница, исправляющая ошибки... нет, как *красная волчица!* Будто кровью...

Она что-то зачеркнула крест-накрест, какое-то четверостишие. И приписала сбоку, так яростно нажимая на ручку, что бумага в двух местах прорвалась: «*А вот этого не будет никогда!*»

Чего не будет никогда? Что ее так возмутило?

Вот эти строки:

Ты умоляла вожака загрызть —
И я загрыз, чтобы с тобой слюбиться.

Как ты могла предать меня, забыть,
Моя царица – красная волчица!

Что?.. Но Лида не слышала этих строк в исполнении Майи. И на кассете они не были записаны!
С ними окончание стихотворение выглядело совершенно иначе!

Навеки отражен в глазах твоих,
Навеки опьянен тобой, волчица...
Мы обрели свободу для двоих
И поклялись навек не разлучиться.
Ты умоляла жожака загрызть —
И я загрыз, чтобы с тобой слюбиться.
Как ты могла предать меня, забыть,
Моя царица – красная волчица!..

И далее два последних куплета.

И возмущенный росчерк Майи: «А вот этого не будет никогда!»

Однако *это свершилось*. Майя предала Сергея.

Он умер, да... Но все-таки ответил на отчаянную мольбу сестры и объяснил, почему загрыз жожака.

Да потому, что об этом умоляла она! Она, Майя, – красная волчица.

1 января 2003 года

Лида легла в постель, только когда джип Ярослава наконец развернулся и медленно выехал со двора.

Спрыгнула с письменного стола и потянулась. Не слабо это – провести ночь на столе, глядя в окошко на мужчину своей мечты и вздыхая оттого, что ему не хватает смелости – или желания? – подняться к ней в квартиру!

Неужели он все-таки догадался о том, какое впечатление на нее произвел? Догадался, что она влюбилась в него с первого взгляда?.. Строго говоря, наверное, со второго, ведь первый взгляд был устремлен не столько в его глаза, сколько в глаз его знаменитого «вальтера». Зато потом, когда она пришла к нему домой – «шантажировать»...

Самое странное, она сразу перестала его бояться. И поняла, что никогда, ни под каким видом не сдаст его. Будет молчать о его преступлении – так же, как Сергей молчал о Майе.

Как странно, что они с братом оказались такими схожими в любви. Хотя, с другой стороны, что же тут странного? Родная кровь!

Господи, как же она мечтала, чтобы Ярослав взглянул на нее иначе, не только глазами делового партнера, вернее, сообщника! Иногда казалось, что-то просверкивало в его светлых, прозрачных, но при этом совершенно непроницаемых глазах. И какое же отчаяние она испытала, когда перед Новым годом он распростился с ней совершенно спокойно и даже равнодушно!

«Не позвоню! – поклялась себе Лида. – Ни за что! Ему не надо – ну и не надо!»

Терпения сдержать клятву хватило до 31 декабря. Потом она все же начала названивать Ярославу, лицемерно уверяя себя в том, что хочет просто поздравить его – и ничего более. Однако домашний телефон его молчал, молчал, молчал... Уже ближе к вечеру Лида вспомнила, что Ярослав вроде бы собирался уехать к каким-то друзьям.

А может, к подругам? Может быть, у него есть кто-то? Расставшись с Лолой, он завел другую. А может, он с Лолой-то и помирился?

Ладно, это его личное дело. А она все равно должна ему дозвониться, думала Лида. Чтобы попросить прощения за то, что вовлекла его в свои игры. Ведь когда он молча ушел от нее с таким небрежным видом, как если бы только и мечтал оказаться от нее минимум за десять верст, Лиду словно током ударил стыд.

Тут сыграл свою роль, конечно, и разговор с Виталием. Она позвонила бывшему мужу, чтобы узнать, была ли у него Майя, и наткнулась на взрыв такой ярости, такого презрения! Она всегда считала Виталия мягкотелым, трусоватым, хитрецом из разряда тех, кто сам себя вокруг пальца обведет, и оторопела, услышав его отповедь. Так и не сказал, приходила ли Майя, – просто выкрикнул Лиде совет: образумиться, остановиться, пока окончательно не озверела. И швырнул трубку.

Лида обмерла. Так это она озверела?! Да Виталик с ума сошел! Это ведь Майя...

Но вдруг откуда ни возьмись нахлынуло воспоминание о сне, который она видела после исчезновения Сережи. О том, как бежали из темного леса по снегу две красные волчицы. Две...

Ну, насчет Майи все понятно, у ней ни жалости, ни совести, одна волчица – это она. А вторая? Неужели Лида?..

И что, Ярослав тоже о ней так думает? Кем он ее считает? В самом деле озверелой девкой, у которой настолько прозрачные понятия о чести и порядочности, что она запросто покрывает несостоявшегося убийцу и отравляет жизнь красивой женщине? Ведь она ничего не рассказывала ни Ярославу (как и Виталию, впрочем) про отношения Сергея и Майи, так что для них Майя – невинная жертва ее самодурства. Конечно, Ярослав безропотно помогал Лиде, но это и понятно: все-таки он у нее, так сказать, на крючке. Жертва ее шантажа...

И она названивала Ярославу вчера, чтобы сказать: никакого шантажа больше не будет. Он свободен.

Лида должна была сказать это ему, даже если бы потом их дороги никогда больше не пересеклись бы!

Наконец, отчаявшись найти его по домашнему телефону, уже ближе к вечеру, она позвонила на мобильный.

- Аппарат абонента временно заблокирован! – был ответ.

Вот те на... Ярослав не похож на человека, который забывает заплатить за свои разговоры. А что, если он нарочно заблокировал телефон, чтобы Лида не могла до него дозвониться и испортить праздник какой-нибудь своей новой дурацкой террористической выдумкой?

Лида едва не расплакалась. Бездарно заканчивался год – самый печальный, самый трагичный

и в то же время самый счастливый в ее жизни. То есть счастливыми были его последние дни, когда рядом находился Ярослав. И вот теперь...

Она не поверила глазам, уже ближе к полуночи случайно взглянув в окно и увидев знакомый джип. Неподалеку какой-то высокий человек в костюме Деда Мороза втыкал в сугроб нечто, оказавшееся при более пристальном рассмотрении букетом хризантем. По странному совпадению, букет теперь торчал в том же самом сугробе, откуда почти две недели назад Лида вытащила елочку, чтобы отнести ее к Поливановым, а потом зайти к Ваньке с Валькой, где она и увидела...

Да ведь это никакой не Дед Мороз, а Ярослав! Ну да! Возможно ли, чтобы Лида не узнала его – даже в самом неожиданном прикиде? Вдобавок рядом с этим джипом. Ярослав, это Ярослав... вот достает из машины бутылку, вот поднял голову к окну...

Лида замерла. Понимает ли он, что она на него смотрит?

Нет, вряд ли...

На Спасской башне начали бить часы. Лида поспешно налила в фужер шампанское, поднесла к губам. Надо было загадать желание, но у нее сейчас царил такой сумбур в голове, что она торопливо глотала слишком холодное шампанское (это был «Дом Периньон», который Лида нарочно купила в память о прекрасной Франции, где ей было так хорошо и спокойно) и думала: как может Ярослав пить на морозе, прямо из бутылки? Он же простудится!

Мелькнула мысль открыть форточку и крикнуть: «Иди сюда!» – но Лида решила подождать, пока он сделает первый шаг.

И вот потянулась ночь.

Ярослав что-то выбросил в сугроб: сначала Лида подумала, что бутылку, но нет, бутылка осталась в его руках, и он продолжал из нее отхлебывать. Потом снова забрался в джип, а Лида перебралась в другую комнату, где свет был потушен, устроилась поудобнее на столе и принялась ждать. Сначала она удивлялась, потом недоумевала, потом злилась. Потом поняла, что ничего не дождется. И больше уже ничего не могла понять! В соседней комнате работал телевизор, там играла музыка, там прокисали в хрустальной салатнице маринованные креветки (Лидино фирменное блюдо), засыхали среди увядших салатных листьев сыры «Комтэ» и «Горгонзоля» (лучшие из всех, какие она только пробовала во Франции), воск от свечей стекал на коробочки шоколада «Леонидас» и «Ле Нотр». А она сидела на твердом столе, порою клевала носом, но не могла заставить себя ни спуститься к Ярославу, ни просто плюнуть на все и лечь спать.

Только в пятом часу утра, когда джип уехал (то и дело норовя вывернуться из колеи – понятно, бутылка «Дом Периньон», принятая в одиночку, не способствует крепости руля!), Лида наконец-то слезла со стола, кое-как убрала еду в холодильник, умылась и рухнула в постель, слишком усталая, чтобы думать, рассуждать и даже плакать.

Спать. Спать. Утро вечера мудренее!

Чудилось: она только-только уснула, как вдруг что-то загудело, завизжало над ухом. Господи! Да это же телефон! Кого это разбирает в такую рань – ведь всего лишь половина девятого!

Не подходить, что ли? А вдруг это Ярослав? Нет, он не знает номера ее телефона... Ну, он же и адреса ее теоретически не знал, а ведь взялся откуда-то под окошками в эту новогоднюю ночь,

которая манит чудесами... манит и не исполняет своих обещаний!

С надеждой схватила трубку:

- Алло?

- Лидия Николаевна? - проговорил хрипловатый женский голос. - Это вас со студии телевидения беспокоят, дежурный помощник режиссера. Репетицию вашей передачи сдвинули на полчаса раньше, вы не могли бы приехать не к десяти, а к половине десятого? Тут есть кое-какие проблемы...

- К половине? - растерялась Лида, водя по сторонам затуманенными глазами. - Но я не успею, я еще и не проснулась-то, а надо собраться...

- Вам хватит полчаса? Я пришлю за вами машину. Ровно в девять она будет у вас, у подъезда. Синяя «шестерка». Договорились? Ну, всего доброго.

В трубке послышались гудки. Лида тупо посмотрела на телефон, подумала-подумала и набрала номер Саныча.

- С Новым годом! - заорал он, свежий и бодрый, словно и не новогодняя ночь была позади. Впрочем, эту сивку не могли укатать никакие горки. - Тебе уже позвонили со студии? Собирайся в темпе, встретимся там!

И он швырнул трубку. Лида вздохнула: она, честно говоря, решила, что насчет репетиции был чей-то розыгрыш, который разоблачит Саныч, а значит, можно будет еще поспать. Ладно, спасибо за машину, а собираться - какие там особенные сборы? Кофе покрепче успеть выпить да косу потуже заплести.

И в самом деле, она все успела и выскочила из подъезда ровно в девять. Машины, впрочем, еще не было. Но это Лиду ничуть не огорчило, потому что она увидела посреди сугроба белые хризантемы - вернее, то, что от них осталось за ночь на двадцатиградусном морозе, - и подошла, глядя на них с такой нежностью, что даже в глазах защипало. Погладила их, потеревила поникшие лохматые головы и вдруг увидела, что из соседнего сугроба торчит что-то черное. Пригнулась, взглядевшись, и ахнула, увидев знакомый «вальтер».

Сразу вспомнился размашистый жест Ярослава. Лида так и поняла, что он что-то выбросил, но ей и в голову прийти не могло, что именно это было!

Лида машинально очищала «вальтер» от снега рукавичкой. Так, поосторожнее: вот эта штучка называется «предохранитель», он должен быть опущен, а то «вальтер» может выстрелить сам по себе. Если он заряжен, конечно. Вопрос: разрядил ли его Ярослав, прежде чем выбросить? И еще вопрос: зачем выбросил?!

Нет, в принципе, смысл этого поступка Лиде понятен... Ну что ж, раз Ярослав так решил, значит, ей тоже только и остается сунуть револьвер в сугроб и забыть о нем.

Хотя здесь его кто-нибудь подберет. Мальчишки найдут, тот же Ларик Поливанов. Лида покосилась на окно третьего этажа и чуть не расхохоталась, увидев в одном из них заспанную физиономию Ларика.

Вот, пожалуйста! Ни в коем случае нельзя оставлять тут «вальтер». Опасные игры! Уж выбрасывать так выбрасывать. Хотя бы в мусорные баки - вон там, в углу двора.

Она двинулась было к мусорке, но тут послышалось гудение мотора, и во двор, низко проваливаясь в колеи, въехала синяя «шестерка» и затормозила рядом с Лидой. Она машинально сунула «вальтер» в карман полушубка.

- С Новым годом, Лидия Николаевна, - перегнувшись к дверце, улыбнулась сидящая за рулем женщина в красной вязаной шапке и тонированных очках. У нее был большой пестрый шарф, окутывающий шею и подбородок. Руки в красных перчатках сжимали руль. - Извините, что заставила вас ждать. Никак не могу проснуться. Садитесь, поехали скорей.

- С Новым годом, - пробормотала Лида, садясь рядом с ней, захлопывая дверцу и пытаясь вспомнить, кто это. Что-то вроде бы знакомое есть в облике, но... Строго говоря, из группы Саныча она хорошо знакома только с двумя девушками - помрежем Валей Михеевой и ассистентом Любой Колодезниковой, а все остальные остаются более или менее часто мелькающими лицами.

- Ремень пристегните, - сказала женщина, разворачиваясь в замороженных колеях. Делала она это излишне долго и медленно, зачем-то резко сдав назад, в сугроб. Хризантемы Ярослава исчезли под задними колесами.

Лида ахнула, оглянулась.

- Пристегнитесь, говорят! - прикрикнула женщина, выбравшись наконец на дорогу. - На повороте Белинской машина ГИБДД стоит, зачем лишние проблемы накликать?

Лида послушалась, затянула ремень. «Красная Шапочка» вытянула руку с пультом - в дверце что-то щелкнуло.

- Там замок слабый, - ответила она на недоумевающий взгляд Лиды. - Я не хочу, чтобы дверца вдруг открылась и... - Она махнула рукой.

- Ничего, как-нибудь, - буркнула Лида, все еще переживавшая гибель хризантем.

Девушка вдруг показалась ей чем-то неприятной. Причем настолько, что захотелось выйти из машины и дальше двинуть на трамвае.

Ага, дождись-ка трамвая в девять утра первого января! А топать пешком по морозу через всю Белинку до студии не больно-то охота.

А между прочим, всегда приходилось топтать, либо Саныч Лиду подвозил - по доброте душевной. Первый раз за ней прислали машину со студии. Что это их разобрало?

Из двора выбрались на Полтавскую, кое-как одолели строительные колдобины, доехали до Белинской и свернули направо мимо гаишной «Волги».

- А мы что, за кем-то еще заезжать будем? - удивилась Лида. - Нам же налево!

- Не заметили, что там поворот отменен в связи со строительными работами? - усмехнулась девушка. - Ничего, развернемся около «Победы».

Однако «шестерка» промчалась мимо разворота у магазина «Победа», не снижая скорости.

«Видимо, мы развернемся на Сенной», - подумала Лида, однако и Сенную площадь проскочили так же резво и теперь держали путь к автостанции.

Что за фокусы?!

- Может быть, вы мне объясните... - заносчиво начала было Лида, но осеклась, потому что девица закашлялась, да так сильно, что руль заплясал в ее руках. «Шестерка» завилыла по дороге.

- Вы меня лучше не отвлекайте, - усмехнулась она. - Водитель из меня не бог весть какой. - И опять закашлялась. От этого надрывного звука Лиду вдруг бросило в жар.

Видимо, жарко стало и девушке, потому что она размотала шарф, а потом стащила и шапку. Резко тряхнула головой, расправляя густые волосы темно-рыжего, можно сказать, красного цвета...

Лида зажмурилась и сцепила на коленях руки.

- Узнала? - еще хриплым после кашля голосом спросила Майя и усмехнулась. - Ну и каковы впечатления?

Лида открыла глаза и несколько мгновений тупо смотрела на дорогу, ничего толком не видя. Единственное, что она поняла, это то, что автостанция осталась позади, «шестерка» мчит по улице Родионова куда-то по направлению к Фруктовой или Верхним Печерам.

- А вон мой дом, вспомнила? - махнула куда-то в сторону Майя. - Ты, наверное, решила, что я тебя к себе домой везу? В гости? Нет, я так поняла, ты в гости любишь незваная приходить. Более того - в отсутствие хозяев. Верно? А у меня как раз сейчас муж дома, к тому же он спит еще, поэтому мы его тревожить не будем. Поедем в другое место, а чтобы тебе не скучно было в чисто женском обществе, сейчас разбавим нашу компанию одним молодым человеком. Во-он, видишь, впереди красная машина стоит? А рядом парень в черной куртке. Узнаешь? А, зараза...

Это относилось к внезапно вспыхнувшему красному сигналу светофора. Пришлось притормозить.

Лида подалась вперед. Стоящий у обочины «Пежо» Майи она узнала сразу. Рядом переминался с ноги на ногу высокий парень в черной куртке, без шапки, с зачесанными назад светлыми волосами.

У Лиды вдруг все поплыло в глазах. Ярослав?!

Как? Почему?!. Когда же он успел так переметнуться?

Так вот, значит, что он делал ночью во дворе Лиды... стерег ее, чтобы не сбежала, чтобы Майя спокойно могла утром... А она-то что себе надумала, что навоображала! Ярослав... И Виталий, надо полагать. Вот почему он даже не захотел с ней вчера разговаривать!

Ладно, Виталий - ему не привыкать предавать. Но Ярослав...

Набрала полную грудь воздуха и теперь выталкивала его медленно, короткими болезненными выдохами. В глазах секлось что-то серо-черное, до боли режущее.

Майя посмотрела на нее, хмыкнула и тронула машину на зеленый свет. То ли от этого света, то ли от толчка у Лиды немного прояснилось в глазах, и она уставилась на приближающуюся фигуру в черной куртке.

Но ведь это... это не Ярослав! Парень похож на него, очень похож, но и ростом ниже, и лицо другое. Да это «викинг» из клуба «Красная волчица»!

- Ты разочарована? - усмехнулась Майя. - Другого ждала? Понимаю... Но он оказался очень несговорчивым. Вчера в твоём подъезде меня этими своими хризантемами чуть до белой горячки не довёл. Гонял, как поганой метлой. Так что, извини, тебе придется довольствоваться обществом Андрея. Я пересяду в свой «Пежо», а мальчик поедет с тобой. Тут недалеко, в тихое местечко, где можно поговорить по душам. Кстати, не пытайся его разжалобить или искушать - у него нет сердца, к тому же ты не в его вкусе.

Она повернула к обочине, и заспанная физиономия «викинга-убийцы» уже ухмыльнулась торжествующе, как вдруг Майя вздрогнула. Что-то твердое ткнулось ей под ребро, а Лида скомандовала:

- Не останавливайся! Езжай дальше! Ну!

Послышался щелчок.

- Слышала? Ты знаешь, что такое предохранитель? - быстро спросила Лида. - Сначала его снимают, потом стреляют.

- Ты не решишься, - пробормотала Майя.

- Да ну... - протянула Лида. - Хочешь рискнуть?

Мгновенная заминка - и «шестерка» промчалась мимо ошеломленного «викинга».

- Быстрее! - прикрикнула Лида, не отнимая ствола от бока Майи и всматриваясь в зеркало заднего вида.

Майя увеличила скорость, но видно было, что Андрей кинулся к машине, вскочил в нее и теперь стремительно их догонял.

Лида левой рукой залезла в карман и достала мобильный телефон.

- У него есть сотовый? Какой номер?

Майя неохотно продиктовала, пытаясь увернуться от твердо воткнувшегося в бок дула, однако Лида не ослабляла нажим.

- Сиди смиренно! - прикрикнула, набирая номер и передавая телефон Майе: - Когда ответит, поговоришь с ним.

- Алло! - раздался возбужденный мужской голос.

Поскольку Лида позаботилась включить громкую связь, слышать Андрея могла не только Майя.

- Скажи ему, чтобы ничего не предпринимал, понятно? Объясни ситуацию.

- Андрей... - с обреченным вздохом начала Майя, но ее заглушил крик «викинга»:

- Майя Михайловна, что за шутки? Что происходит?! Остановитесь!

- Не могу, - с таким же вздохом продолжила Майя. - В бок мне упирается ствол... чего? Пистолета или револьвера?

- Револьвера. «Вальтера», - подсказала Лида, невольно восхищаясь ее самообладанием. А впрочем, чего-чего, а самообладания у нее всегда было хоть отбавляй, у этой красной волчицы! Заставить Сергея убить Майданского. Присутствовать при этом убийстве. Потом на суде... плохо верится в тот знаменитый обморок! Потом написать страшное письмо человеку, который ради тебя пожертвовал, можно сказать, жизнью... Да, чем-чем, а самообладанием своим Майя может гордиться!

Странно. Почему-то при мысли о Сергее рука Лиды дрогнула. А казалось бы, наоборот, должна стать крепче!

- «Вальтера»? - изумленно повторил Андрей. - Значит, тот парень отдал ей свой «вальтер»? Майя Михайловна, не волнуйтесь. Она не выстрелит. Давайте-ка поиграйте рулем. Она побоится аварии, она не станет стрелять!

- Стану, стану, - кивнула Лида. - И выстрелить сумею, и руль перехватить, и на тормоз нажать. Я хоть и плохо вожу машину, но выровнять и остановить ее смогу. Меня ведь когда-то брат учил... помнишь моего брата, верно, Майя?

«Жигули» вильнули вправо-влево, но тотчас выровнялись.

- Ты ему письма писала в тюрьму, - неумолимо продолжала Лида. - И ты поешь его песню. «Ты умоляла жоака добить, и я добил, чтобы с тобой слюбиться...»

«Жигули» снова косо понеслись к обочине, и был момент, когда Лиде казалось, что побелевшие руки Майи не справятся с управлением. Но нет, справились.

- Может быть, тебе тоже пристегнуться ремнем? - спросила Лида и поморщилась, услышав, как дрожит ее собственный голос.

- Что такое, Майя Михайловна?! - истошно завопил «викинг».

- Андрей, потом поговорим, ладно? - тихо, хрипло ответила Майя. - Ты меня отвлекаешь. Все, отбой.

- Погоди! Скажи ему, чтобы встал у обочины и стоял! - прикрикнула Лида.

- Андрей, постой у обочины, ладно? Надо будет, я тебе позвоню, - сказала Майя. - Конец связи!

«Пежо» прокатил еще с десятков метров, потом медленно, видно, что неохотно, однако все же повернул к обочине. Да, ничего не скажешь, отлично вышколила Майя своего вышибалу, по совместительству охранника, по совместительству киллера! Вообще она умела вить веревки из мужчин, это точно.

- Прибавь скорость! - приказала Лида, глядя в зеркало на тающее вдаль красное пятно.

Когда оно исчезло, стало немного легче.

- Значит, Сергей тебе все рассказал... - помолчав, пробормотала Майя. - Вот уж не думала, что он *про наше* сможет кому-то рассказать...

- Ты его хорошо знала, да? - усмехнулась Лида.

- Уж получше, чем ты.

- Верно. Получше. И ты правильно сомневаешься. На самом деле он мне ничего *про ваше* не говорил. Я сама узнала. Мне на это потребовалось довольно много времени. А впрочем, не так уж и много... Он умер в феврале, а в конце мая я уже все знала.

- Я хотела прийти на похороны, но... - заикнулась было Майя, и тут Лида не сдержалась: так ткнула ей в бок стволом, что Майданская громко охнула.

- Но! Но - что? - выкрикнула Лида со злостью. - Ты все время боялась, как бы кто-то не заподозрил, что между вами с Сергеем что-то было раньше? И он убил Майданского, потому что безумно любил тебя? Ты напрасно думаешь, что все люди такие дураки. Про ваш роман многие знали, а догадывалось еще больше.

- Не говори этого пошлого слова! - вдруг закричала и Майя. - Между нами был не роман, а... а...

- А что? - насмешливо спросила Лида. - Великая любовь? Но какая же это любовь, когда женщина посылает на смерть того, кого она любила и кто ради нее совершил преступление, а потом с легкостью необыкновенной, даже не оглянувшись на прошлое, выходит за другого? Это не любовь. Это убийство!

- С легкостью необыкновенной? - повторила Майя, косясь то на Лиду, то на дорогу. - Да я лютому врагу не пожелаю такой легкости, даже тебе! Да я два года места себе не находила от горя, от того, что Сергей пропадает в лагере, а я без него пропадаю. А потом окольным путем получила от него письмо. Первое и единственное. Он писал, что время тянется невыносимо медленно, что он боится: я устану ждать. И что он попытается как-нибудь себя в тюрьме изувечить. Чтобы руки лишиться или ноги. Чтобы его комиссовали и выпустили из тюрьмы раньше срока. И спрашивал, нужен ли мне будет одноногий волчище...

Я не ответила ему. Я вдруг впервые задумалась, что будет, когда он выйдет. Здоровый, покалеченный - какая разница?! Мы, когда задумывали все это, мы знали про будущее одно: Сергей возвращается, мы женимся и живем безбедно и счастливо. А теперь я вдруг наткнулась, как на ухаб, на такой вопрос: а как мы сможем соединиться? Как я выйду за Сергея? Тогда только дурак не догадается: в деле Майданского что-то было нечисто! Только идиот не просечет, что между нами имел место преступный сговор - так, кажется, эта штука в УК называется? И себя я подставляю, и Сергея снова начнут мотать. Не понимаю, как мы не подумали об этом раньше, как не предусмотрели этого... И вдруг ко мне пришло осознание всех последствий - и самого страшного из них: если наша мечта рухнет, если мы сойдемся для того, чтобы снова расстаться - и заплатить уже на полную катушку за смерть Майданского, - да мы же возненавидим друг друга! Я это знала, чувствовала! Как только я это поняла, любовь моя к Сереже умерла и душа моя освободилась. Поэтому я уже не любила Сергея, когда встретила Олега в консерватории.

- Где? - недоверчиво уставилась на нее Лида.

- В нашей Нижегородской консерватории, на концерте «Рождественские дни». У меня есть приятель, у которого старинная подружка там преподает и в хоре поет. И она его пригласила на заключительный концерт «Рождественских дней». Мы случайно на улице встретились, я в такой депрессухе была, ну а друг-меломан уверен, что хорошая музыка подобна костоправу - все на место ставит, все душевные вывихи. И взял меня с собой. Концерт великолепный был, это правда. Все безукоризненно. И вот вышел хор юношей, стали петь «Богородице, Дево,

радуйся» в современной аранжировке. Зал просто рухнул от восторга! Такие вещи иногда делают католики со своими гимнами, чаще – протестанты, но чтобы наш, православный, гимн так звучал... Стены дрожали! И вот пригласили выйти композитора-аранжировщика. Вышел мальчик такой, волосы в хвост завязаны, нос такой смешной... Вышел, поклонился, посмотрел в зал исподлобья... почему-то именно на меня посмотрел. Ну и все. В меня будто молния ударила. Потом другие номера были, но я вроде бы и не слышала их, мысли крутились как бешеные, все думала, как мне его найти. Хоть беги за сцену, хватай его за руку... Выходим с другом моим из зала, он мне что-то говорит, спрашивает, как концерт, понравилось ли мне, а я ничего не замечаю. И вдруг вижу – у дверей стоит Олег. Как будто ждет меня! Ну, он потом сказал, что и правда ждал... Вот так началось. Ты пойми: я счастлива с ним, но... Но иногда мне снилось, что Сережа вышел, что мы вместе. И все сбывается так, как мы когда-то мечтали.

Голос Майи был мягкий-мягкий. Лида искоса взглянула на ее губы, дрожащие в нежной улыбке, на четкий, красивый профиль...

Профиль Сергея! Его застывшие, твердые губы, белый лоб, неподвижные ресницы!

В это мгновение «шестерка» резко вильнула по дороге к обочине – так резко, что Лиду швырнуло на дверцу. Тотчас Майя бросила руль, схватилась за свою дверцу и уже высунулась было из нее, но Лида успела вцепиться в ее плечи обеими руками и втащить обратно в машину, которая все еще ползла к обочине. Она взмахнула «вальтером» и только каким-то чудом удержала себя от того, чтобы не ударить Майю рукояткой в лицо. Снова уткнула дуло ей в бок:

- Веди машину! Ну! Ну!

Майя затравленно взглянула на нее и послушно взялась за руль, выровняла автомобиль на дороге.

- Прибавь скорость.

Лиду трясло так, что «вальтер» прыгал в ее руке. Наверное, Майе было больно от этих скачущих движений, она кривила губы, но не жаловалась. С надеждой поглядывала в зеркальце заднего вида, но дорога была пуста, и лицо Майи омрачилось.

Несколько минут прошло в молчании.

- Куда мы едем? – наконец разомкнула Майя поблекшие от напряжения губы.

- А вы меня с этим твоим Андреем куда хотели привезти? – ехидно спросила Лида.

У Майи побагровели скулы:

- Мы то место уже проехали.

- А что вы там собирались со мной сделать? – не унималась Лида.

- Что? – пожала плечами Майя. – Отбить у тебя охоту отравлять людям жизнь. Понятно? Какое ты имеешь право людьми манипулировать? А?

- Кто бы говорил... – тихонько протянула Лида, но Майя словно не слышала.

- Почему заставляла этого парня травить меня, а Виталия – облучать? – выкрикнула она. – Откуда ты такая безжалостная? Даже Виталий меня пожалел. Напугать – напугал, до

полусмерти, но облучать не стал. Даже твой этот... Дед Мороз... нас вчера только прогнал из твоего подъезда, но ничего плохого не сделал. А ты что от меня хочешь? Куда мы едем, в конце концов?!

- В Авдюшкино.

- Куда?.. - Какую-то минуту Майя, это было видно, не могла понять, о чем речь, но вдруг до нее дошло: повернулась к Лиде с изумлением: - В деревню, где у вас дом? Но зачем? Там же все в снегу!

- Потому что там умер Сергей. Я хочу показать тебе место, где он умер. Печку, которую он затопил. Вьюшку, которую закрыл раньше времени. Жаль, у меня нет его последних фотографий. Он ведь пришел без руки, изуродованный весь.

- Что? - тихо сказала Майя.

- Ну да, он все же сделал с собой то... что обещал тебе. Я думала, он попал под лесину от потрясения, после того как твое письмо получил. А теперь, после твоих слов, понимаю, что это произошло не нечаянно. Он подстроил это нарочно. Чтобы скорей выйти. Чтобы увидеть тебя. Я думаю, что он твоему письму не поверил. Ему надо было самому убедиться, что ты... что он все точно предсказал: *Как ты могла предать меня, забыть, моя царица, красная волчица?* Но он не рассчитал эффекта от своего поступка. Не мог предвидеть, что будет изуродован так, что сам с собой ужиться не сможет, не то чтобы любимую женщину к этому принуждать.

Майя смотрела на Лиду затравленными глазами. «Жигули» плясали по дороге.

- Держи руль, - угрюмо сказала Лида. - Прибавь скорость.

Майя послушалась, однако через несколько минут скорость снова пришлось сбросить: они нагнали груженный панелевоз с прицепом, который держал не больше восьмидесяти километров.

Вдруг зазвонил мобильный телефон. Звонок был курлыкающе-переливчатый.

- Это мой, - сказала Майя, выхватывая его левой рукой из кармана и глядя на дисплей. - Это Олег звонит!

- Не отвечай! - Лида подтвердила приказ движением ствола. - Убери!

Майя послушно убрала трубку. Она позвенела, умолкла, потом снова начала звонить. Эти тоскливые переливы действовали Лиде на нервы, у Майи судороги искажали лицо, но почему-то ни той, ни другой не приходило в голову просто взять и отключить телефон.

Теперь «шестерка» двигалась рывками, нервно.

Панелевоз то приближался, то удалялся.

- Обгони его, - сказала Лида.

Майя попыталась, но прицеп мотало вправо-влево, и обгонять его было опасно. Сзади послышался сигнал. Обе «волчицы» взглянули в зеркало: одна с надеждой, другая со страхом, однако это был белый «Мерседес»-рефрижератор, который тоже пытался увеличить скорость и выйти на свободную дорогу. Однако вместо этого скорость пришлось сбросить всем: трасса шла

под уклон.

«Надо же! – мельком подумала Лида. – Не гуляется людям! Панели возят, продукты... Трудятся! А мы тут дурью маемся!»

И только тут она вспомнила, что тракт на студии начался без нее. Саныч там, конечно, на ухах стоит...

- Кстати! – взглянула она на Майю. – Ты моему режиссеру тоже позвонила, что репетиция раньше начнется?

- А как же! – фыркнула та. – Я ведь знала, что ты ему названивать начнешь, уточнять. Названивала?

Лида пожала плечами.

- А где ты его телефон взяла? – спросила вместо ответа.

- Ну, это нетрудно, – пробормотала Майя. – У нас есть общие знакомые... Ох, боже мой!

«Шестерку» сильно тряхнуло, бросило назад, а потом потянуло вперед. В это мгновение рефрижератор, которому надоело тащиться в хвосте, рванул на обгон, и образовавшимся потоком воздуха «Жигули» потащило к задним колесам панелевоза, вернее, между ними.

- Назад! – крикнула Лида, глядя на огромное колесо, крутящееся буквально в тридцати сантиметрах от ее щеки.

- Не могу! – выдохнула Майя. – Не слушается! Наверное, задние рулевые полетели... когда тряхнуло.

- Почему нас тащит вперед? – ничего не понимала Лида.

- Физику не знаешь? Аэродинамическая труба! Низина... Боковое движение... тяга! – напряженно выговаривала Майя.

Но Лида никак не могла понять, что происходит. Слова «физика» и «аэродинамическая труба» наполняли ее ужасом еще в средней школе; такое же воздействие произвели они и сейчас. Она физически не могла понять, почему Майя не может вывести «шестерку» из-под колес и нависающих над ними панелей. Казалось бы, только крутани руль – и вот оно, спасение!

- Да вывернись оттуда! – воскликнула Лида.

- Убери... ствол, – тихо сказала Майя, и Лида только сейчас заметила, какой мертвой хваткой та держит руль, чтобы он не крутнулся даже на миллиметр. – Не толкай меня. Если вильнем... разобьемся о колесо. Я ничего не могу... нас тащит, а резина у Андрюшки... лысая. Тормозить... нечем...

Если бы она кричала, было бы, наверное, не так страшно. Слушать хриплый, сдавленный Майин голос, смотреть на две вращающиеся совсем рядом махины, понимать, что ты совершенно бессильна, – это было невыносимо. Причем ясно, что шофер панелевоза не видит их, не может видеть! А поэтому не может ничего предпринять.

- Господи! Хоть бы он притормозил, – прошептала Лида, пряча «вальтер» в карман.

- Ты что... мы сразу разобьемся, - шепнула Майя. - И если этот тип нас обгонит на скорости... нам крышка. Я не удержу машину...

Какой еще тип?!

Лида взглянула в зеркало заднего вида - и у нее остановилось сердце, потому что их нагонял темно-зеленый джип.

- Господи! Это Ярослав!

- Говорю тебе... толчок сбоку - и нас нет... обеих... - выдохнула Майя, и Лида всем сердцем почувствовала, что она не врет, не нагнетает страха - положение действительно опасное.

- Помигай ему стоп-сигналом, - сказала она, однако Майя покачала головой:

- Не могу. Держу управление. У него есть мобильник?

- Есть!

Лида выхватила из кармана телефон. Уже вызвав номер Ярослава, вспомнила, что вчера телефон у него был заблокирован.

Все. Шансов нет. А джип приближается, и не просто приближается, но отчетливо забирает справа, пытаясь обогнать «Жигули». Ярослав ведь не знает, что Лида в «шестерке», не знает, что она в опасности!

А кстати, как он здесь оказался?

- Алло! - послышался голос Ярослава, и Лида на миг онемела. - Алло! Слушаю!

Господи! Он снова подключил телефон! Господи...

- Ярослав! - выкрикнула она. - Не обгоняй «шестерку». Слышишь?! Нас тащит под панелевоз. Мы не можем вырлиться!

- Я так и понял, - послышался спокойный голос Ярослава. - Не волнуйтесь, я вас не обгону и других не подпущу, но вам надо выходить из-под колес. Там впереди, метров через триста, начнется ограничение скорости, панелевоз будет тормозить. Это плохо. Попробуйте тормозами и рулем все же поработать.

«Он совсем не удивился, - тупо подумала Лида. - Он знает, что я здесь. Откуда?!»

- Скажи ему про задние рулевые, - велела Майя, и Лида только теперь поняла, что она слышит разговор с Ярославом: громкая связь-то не выключена!

- У нас какие-то там задние рулевые полетели, - передала Лида, и в кабине «шестерки» раздался протяжный свист Ярослава.

- Ни... Хм, понял... - Мгновение он помолчал, потом сказал: - Майя, ты меня слышишь?

Майя кивнула.

- Да, - подтвердила Лида.

- Тогда так: рулем не работай. Зафиксируй его так крепко, как можешь. Работай только газом. Нажимай... отпускай... Снова и снова.

- Зачем? - напряженно спросила Майя.

- Зачем? - повторила Лида.

- Может быть, вам удастся отвернуть от тяги и выйти в колесо. Если вас начнет в него бить, то особенно сильным толчком может отшвырнуть назад. Вышибить из аэродинамической трубы. Понимаешь?

Кивок Майи.

Короткое «да» Лиды.

Снова голос Ярослава:

- Майя... Это опасно и страшно. Надо набраться сил. Вас будет затягивать снова. Но ты не останавливайся. Девчонки, давайте. Я здесь, я вас веду. Лида... Лидочка, я с тобой. Ты слышишь? Я с тобой! Ну! Начали!

Майя громко всхлипнула - и в то же мгновение «Жигули» резко потянуло назад.

- Да! - крикнула Лида.

Нет... В том-то и дело, что нет. Колесо прильнуло было к правой дверце и снова отошло.

Оказывается, тридцать сантиметров от колеса до твоего лица - это очень большое расстояние... Оказывается, чтобы спасти жизнь, его надо сократить до минимума. Прижаться к нему почти вплотную!

- Еще раз. - Это голос Ярослава. - Не останавливаться! Времени нет. Идет встречная фура! Майя, ну! На газ! Нажать! Отпустить! Ну!

Удар. И второй - такой, что Лида не удержалась от крика. Третий - теперь закричала Майя.

Непонятно, от страха перед безрассудной силой этого толчка или от радости, потому что «Жигули» вышибло назад.

Закрутило поперек дороги, поволокло к обочине.

Мимо, совершив крутой вольт, прошла фура. Выражение лица шофера... ну, это песня!

Хорошо, что не остановился пропеть ее вслух.

«Шестерка» перескочила через сугроб и застряла в следующем.

- Все, девочки, приехали, - спокойно сказал Ярослав. - Умницы. Теперь все хорошо. Посидите тихонько, отдышитесь, сейчас я подъеду.

Майя уронила голову на руки, сжимавшие рулевое колесо.

Снова зазвонил ее мобильник, но она даже не шевельнулась.

Лида посмотрела на нее и потянулась к ручке дверцы.

Крутила ее, вертела, однако та не слушалась.

Ах да, ведь Майя ее заблокировала еще там, во дворе на Полтавской!

- Открой дверь.

Майя достала пульт, нажала на кнопку, но дверца не поддавалась.

- Заклинило, - сказала она, качнув головой. - Заклинило от ударов. Ох, Андрей меня убьет! Ладно, давай через мою дверцу вылезать.

В эту минуту рядом резко, свистя по насту шинами, затормозил джип. Выскочил Ярослав с мобильником в руке, глянул на Лиду, потом на дверцу, покачал головой:

- Забило к черту. Выбирайтесь через дверь водителя.

Подбежал с другой стороны, помог выйти Майе, выдернул из-за руля Лиду, схватил ее, прижал к себе.

Постояли так, молча, не дыша. Его губы прижимались к ее виску.

- Ты знаешь, я как чувствовал... - пробормотал Ярослав, чуть отвернув голову. Его голос как-то странно резонировал. - Поехал утром на студию, потом не выдержал - к тебе. Какой-то мальчишка во дворе сказал, что ты уехала на синем «жигуле», на «шестерке». Сам не знаю почему, я остановился около гаишников на Белинке, спросил, куда повернула такая-то «шестерка». Они показали в сторону Сенной. Я сразу понял, что без Майи тут не обошлось, но думал, она тебя к себе повезла, выяснять отношения. Погнал туда, на Родионова. Смотрю, от дома полным ходом отруливает ее «Пежо», а там Андрей и ее муж. Ну, я их обогнал, конечно, но держал в поле зрения, потом они свернули на обочину, а я спрятался впереди в лесочке. Они тоже вот-вот подскочат...

- Если вы не хотите, чтобы я слушала ваши тайны, может, отключите громкую связь? - послышался голос Майи.

Лида чуть отстранилась от Ярослава, посмотрела на него, потом на свои руки... Господи! Да ведь они стоят, прижавшись друг к другу, и говорят в телефонную трубку! А громкая связь у нее все так же включена.

Ну... вот уж правда, что вышибло задние рулевые... и не только у «шестерки».

- Вот они, - сказал Ярослав, мгновенными движением отодвигая Лиду к себе за спину.

Подлетел «Пежо». Распахнулись дверцы, выскочили Андрей - на правой руке кастет, в левой велосипедная цепь - и Олег с монтировкой.

- Ну если так... - сказал Ярослав, разводя руками. - Это впечатляет. Хотя лучше бы он взял смычок.

Майя издала какой-то странный звук, и Лиде почудилось, что это сдавленное хихиканье.

- Майя! - отчаянно закричал Олег. - Почему ты мне не отвечала? Я тебе звонил!

- У меня, видимо, что-то с телефоном, - ласково, как маленькому ребенку, ответила Майя. - Я не слышала звонка. Ну что ты так волнуешься? Все в порядке. Сейчас поедем домой.

- Как - домой?! - воинственно вскричал «викинг». - А эти?! - Он махнул цепью в сторону Ярослава и Лиды. Грозно свистнул воздух.

- Они тоже, как я понимаю, поедут домой, - ответила Майя, обнимая Олега. - Или... как?

«Она имела в виду, намерена ли я по-прежнему ехать в Авдюшкино», - поняла Лида.

Майя смотрела на Лиду поверх склоненной головы мужа. Оказывается, он был чуть ниже ее ростом.

«Сережа был слишком сильный для нее, вот в чем дело! - вдруг осенило Лиду. - Слишком сильным мужчиной! А ей-то... ей нужен ребенок. Мальчик. Ей нужно, чтобы она о ком-то заботилась. Чтобы она жертвовала собой. Ей не нужны ничьи жертвы, кроме собственной...»

Она зажмурилась. Вдруг остро, до боли вспомнилось, как смотрел на ее своими зелеными глазами Григорий, как бормотал: «Он меня просил... он меня Христа ради молил не трогать ее...»

Это была последняя воля брата. А Лида хотела нарушить ее.

Слава богу, что не удалось. Слава богу, что он остановил ее... послав поперек ее безумного полета этот панелевоз с прицепом. И ту наледь на дороге, из-за которой отказали задние рулевые... Что? Да какая разница, что это? Отказали - это главное!

Лида открыла глаза и посмотрела на темный лесной оком, окруживший белое заснеженное поле. В усталых, измученных глазах бились красные пятна. Она смотрела вдаль, и почему-то казалось, что от леса бегут, приближаясь... неужели? Ее сон?..

Нет! Лида резко тряхнула головой, отгоняя призраков. С этим покончено! Покончено!

Искоса поглядела на Майю. По-прежнему обнимая мужа, она тоже смотрела расширенными глазами на белые сугробы, и лицо у нее отчего-то было такое, словно и она что-то видит там, вдали...

Но этого уж никак не могло быть, конечно. Что она может там увидеть, кроме белого снега и темного леса?

- Лида, поедем, - позвал Ярослав, и она покорно пошла к его джипу. И больше уже не оглядывалась.

Эпилог

20 января 2000 года.

Из писем не написанных, не отправленных, не прочитанных:

Серый! Здравствуй, волчище мой ненаглядный! Пишу это письмо и вою страшным голосом. Вся душа моя по тебе изнылась. Вчера по ТВ была какая-то учебная передача - «Слово о полку Игореве». Я, сидя в подсобке, случайно ткнула в кнопку, а там читают этот

кошмарный плач Ярославны. «Ах, зачем, зачем мое веселье в ковылях навек развеял ты!» У меня началась истерика... А через пять минут выступать. Девочки понять не могли, что со мной. Правда, сегодня как раз година... Кто-то вспомнил об этом – и все сразу отстали. Начали поглядывать сочувственно и в то же время выжидательно: а не собираюсь ли я устроить пирушку на помин его души? Нет, я кое-как собралась, вышла, кое-как запела. Сам знаешь что. От волнения заболело горло, хрипела по-страшному – но народу понравилось. Потом говорили, что эта новая манера очень эффектна. Дураки, идиоты. Это горе мое, слезы мои по тебе. Одна девушка, помню, вернее, не помню, откуда я ее знала, ну, случайная знакомая какая-то, сказала, что страдания русских женщин облагораживают. Якобы это еще Тургенев где-то написал. Ну, видимо, так. Хлопали моему хрипу, моим сдавленным слезам, судорогам в горле как ошалелые, швыряли зелененькие бумажки. Потом Дениска, наш ведущий, все их собрал, преподнес мне – я ему, как всегда, одну отслонила, у него рот растянулся в улыбку, а глаза жадные, злые: все уверены, конечно, что мне это теперь – так, что мертвому припарки, сотней таких бумажек больше, сотней меньше – не играет роли. Небось думал, что я ему так вот и швырну их россыпью, щедро. Ага, не дождетесь. Никто не знает – я и объяснять не буду, – что к тем деньгам я не могу прикоснуться. Во-первых, не прошло шести месяцев, счета для меня пока закрыты. Кое-что капает уже и сейчас, доход с домов, ну, ты понимаешь, но я это кладу на свой счет. На жизнь мне хватает того, что я сама зарабатываю. Тем более что никакая это не жизнь, а так – не знаю что. Ожидание. Давно-давно читала в какой-то книжке, фантастической, про то, как астронавтов погружают в многолетний сон, чтобы они могли долететь до какой-то там планеты живыми. Не знаю толком, что за книжка, терпеть не могу фантастику. Но я бы хотела сейчас уснуть, видеть во сне тебя и проснуться, когда ты придешь.

Если придешь... Ты вернешься ко мне? Ты вернешься ко мне?! Ты не бросишь меня за то, что я заставила тебя сделать?!

Не получится у меня уснуть и проспать до твоего возвращения. Это ведь будет все равно что тебя предать, бросить одного мучиться. Придется все это пережить наяву. Каждый день сомнений, и горя, и раскаяния. Не в том, что сделали мы. В том, что сделала я с тобой.

Когда душа начинает очень уж ныть, я думаю о том, каково тебе там. И перестану оплакивать себя. Я этого недостойна. Я чувствую себя словно бы на кладбище, между двух могил. В одной – он, мертвый. В другой – ты, живой. А я стою между вами, и руки у меня красные от крови. Только не знаю точно от чьей.

Словом, поминок девки сегодня не дождалась. Они не знают, что для меня и без всяких дат каждый день – поминки. Я отпелась, собралась, поймала такси и уехала домой. Нет, не на Родионова, конечно. К нам уехала. Вадик глаза вытаращил, когда я завалилась к нему в половине второго ночи. Но, увидав две полусотенные любимого зеленого цвета, мгновенно сделал понимающий, скорбный лик и смирился с происходящим. Не знаю, куда он ушел, может, на вокзал, может, к какой-нибудь бабе. Но ведь ушивался же он куда-нибудь раньше, когда мы у него появлялись. Да не все ли мне было равно?!

Лежала, гладила тот загадочный коричнево-желтый цветок на ковре, где всегда была твоя голова. Почему так выходило, что, когда ты после всего нашего ложился рядом со мной, твоя голова оказывалась именно на этом цветке? И вот я сейчас гладила его, гладила, будто твои волосы. Ковер был сырой от моих слез. Потом уснула – как вырубилась. Вадик меня разбудил, когда вернулся в восемь часов: ему надо было собраться на работу, у него как раз дежурство. Ну, пришлось мне тащиться на Родионова. Такое ощущение, что простудилась: всю ломает. Горло еще больше разболелось. Хорошо, что в воскресенье нет

программы, немножко полечусь. Пол у Вадика холодный, даже через ковер пробрало. Это вместе мы не мерзли, а одной, без тебя, мне в парной бане холодно теперь. Не поверишь – сплю под тремя одеялами. Мороз какой-то безумный стоит! Такая мягкая была вся зима, а на эту неделю завернуло до изнеможения. Крещенье, одно слово!

Кстати, говорят, на Крещенье снятся вещие сны. Не знаю, как там насчет вещей, а страшные – это точно. Вот расскажу, что мне снилось, пока я спала на ковре у Вадика. Не понимаю, что это значит. Вижу я домик на окраине деревни. Все снегом замело – по самые крыши. И ясно мне, что в этом домике никто не живет, потому что ни тропочки, ни следочка, окна темные, из трубы дым не идет. Лес вдали виднеется такой сине-черной зубчатой тенью. По шоссе изредка проскакивают машины. Вдруг, смотрю, от леса движется что-то темное. Вроде как два красных пятна. Это две волчицы – красные волчицы! Они похожи друг на друга как две капли воды. Бегут наперегонки, но ни одна не может опередить другую. Проскочили между машин, помчались по сугробам к этому заброшенному дому – такое ощущение, будто движутся два алых пятна. Кровавых пятна!

Бегут с трудом, тонут в рыхлом снегу. И вдруг – р-раз! – из окна, изнутри дома, разворотив грудью оконницу и вышибив стекло, выскакивает Серый волк. Серый... понимаешь?!. Смотрит мгновение на этих двух волчиц, потом странно так поводит головой, как будто качает ею, – и, отвернувшись от них, несется вон, к другой закраине леса, которая темнеет позади дома. Летит, не касаясь сугробов, а волчицы и шагу сделать не могут, потому что тонут в снегу, вязнут в нем. Наконец серая тень исчезает в лесу. И они понимают, что его уже не догнать. И тогда одна из них садится на лапы, задирает морду к белому серпику молодого месяца, который стал вдруг виден на темно-синем небе, и начинает выть.

Я не знаю, кто вторая волчица, но та, которая воеет, это я. Я слышу свой голос, свой хрип, я слышу свою тоску.

Не покидай меня, Серый! Не бросай меня! Вернись ко мне, вернись, вернись!

Пожалуйста, вернись...